

№2 (3) - 2011

ISSN 2181-032X

О'ЗБЕКИСТОН АРХЕОЛОГИЯСИ

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

**О'ЗБЕКИСТОН RESPUBLIKASI FANLAR АКАДЕМИЯСИ
Ҳ. Ғ'УЛОМОВ NOMIDAGI ARXEОLOGIYA INSTITUTI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА**

О'ЗБЕКИСТОН АРХЕОЛОГИЯСИ

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

№ 2 (3)

Самарканд - 2011

O'ZBEKISTON ARXEOLIGIYASI - ARXEOLIGIYA UZBEKISTANA

Главный редактор
Темур Ширинович Ширинов
Заместитель главного редактора
Амридин Эргашевич Бердимуратов

Ответственный секретарь
Мухтор Хасанович Пардаев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Р. Абдиримов	к.и.н. К. Абдуллаев
проф. Н.А. Аванесова	к.и.н. Ш.Т. Адьлов
к.и.н. А.А. Анарбаев	к.и.н. Т.Дж. Аннаев
к.и.н. С.Р. Баратов	к.и.н. Г.И. Богомолов
д.и.н. М.Х. Исамиддинов	к.и.н. Ф.А. Максудов
д.и.н. Б.Х. Матбабаев	к.и.н. А.А. Раимкулов
к.и.н. У.В. Рахманов	к.х.н. М.А. Реутова
к.и.н. В.Д. Рузанов	к.и.н. К. Сабилов
к.и.н. Б.К. Сайфуллаев	к.и.н. С.С. Суюнов
к.и.н. Н.У. Холматов	к.и.н. М. Хужаназаров

Редакционный совет:

акад. АН РУз А.А. Аскарлов
акад. АН РУз Ю.Ф. Буряков
проф. Ф. Грене (Франция)
акад. РАН А.П. Деревянко (Россия)
проф. М.Дж. Джуракулов
акад. АН РУз У.И. Исламов
д.и.н. М.Ш. Кдырниязов
акад. АН РУз А.Р. Мухамеджанов
проф. К. Рапен (Швейцария)
акад. АН РУз Э.В. Ртвеладзе
д.и.н. А.С. Сагдуллаев
доктор С. Страйд (Англия)
д.и.н. Р.Х. Сулейманов
проф. У. Такао (Япония)
д.и.н. Т.К. Ходжайов (Россия)
к.и.н. Г. Ходжаниязов
проф. К. Шимчак (Польша)

ARCHAEOLOGY OF UZBEKISTAN

Editor-in-chief
Temur Shirinovich Shirinov
Deputy Editor
Amridin Ergashovich Berdimuradov

Secretary
Muhtor Hasanovich Pardayev

Editorial Board:

Dr. R. Abdirimov	Dr. K. Abdullaev
Prof. N.A. Avanesova	Dr. Sh.T. Adylov
Dr. A.A. Anarbaev	Dr. T.J. Annaev
Dr. S.R. Baratov	Dr. G.I. Bogomolov
Prof. M.H. Isamiddinov	Dr. F.A. Maksudov
Prof. B.H. Matbabaev	Dr. A.A. Raimkulov
Dr. U.V. Rahmanov	Dr. M.A. Reutova
Dr. V.D. Ruzanov	Dr. K. Sabirov
Dr. B.K. Sayfullaev	Dr. S.S. Suyunov
Dr. N.U. Holmatov	Dr. M. Hudjanazarov

Editorial Council:

Academician A.A. Askarov
Academician Yu.F. Buryakov
Prof. F. Grenet (France)
Academician A.P. Derevyanko (Russia)
Prof. M.D. M.D. Djurakulov
Academician U.I. Islamov
Prof. M-Sh. Kdymiyazov
Academician A.R. Muhammedjanov
Prof. C. Rapen (Switzerland)
Academician E.V. Rtveldadze
Prof. A.S. Sagdullaev
Dr. S. Stride (UK)
Prof. R.H. Suleymanov
Prof. U. Takao (Japan)
Prof. T.K. Hodjayov (Russia)
Dr. G. Hodjaniyazov
Prof. K. Shimchak (Poland)

МАҚОЛАЛАР

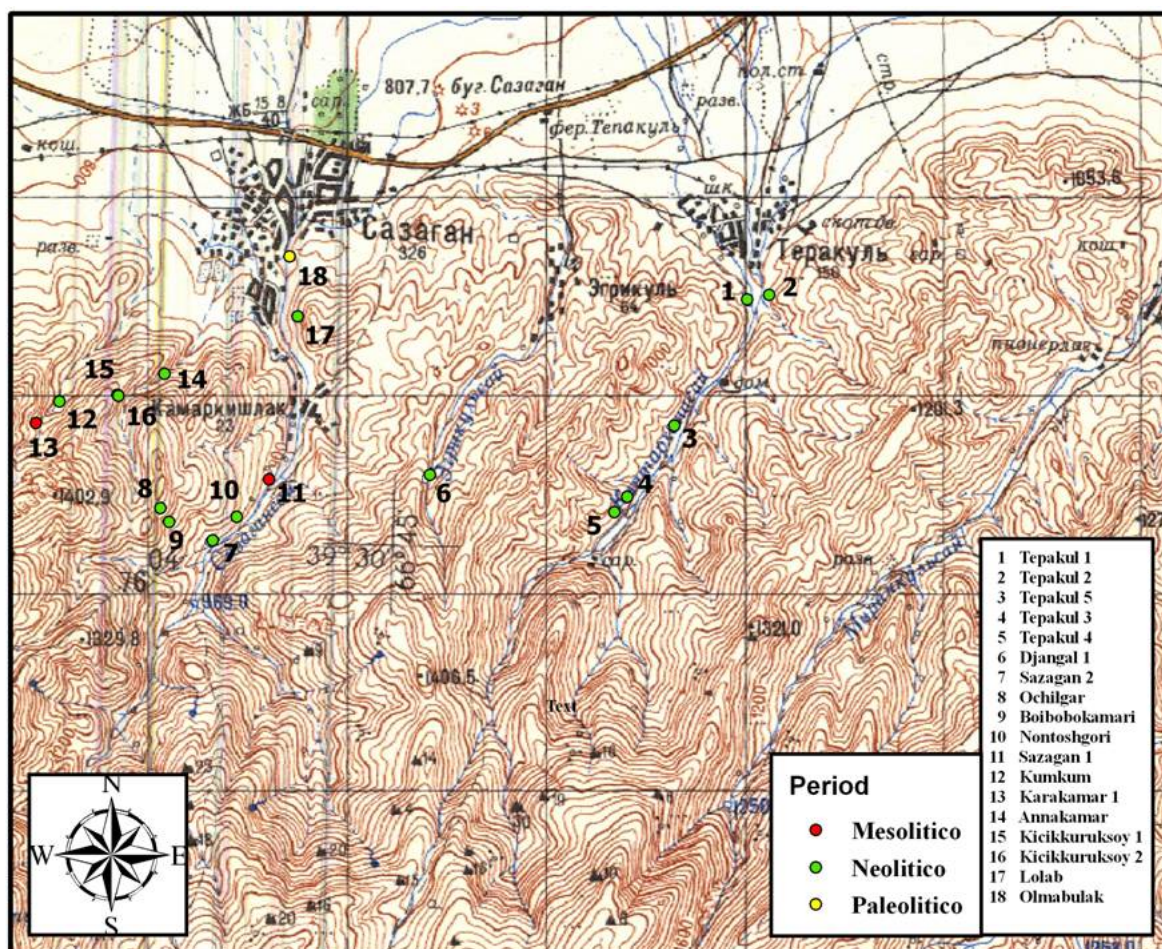
ПУБЛИКАЦИИ

ОЧИЛҒОР МАКОНИ МАДАНИЙ ГОРИЗОНТЛАРИНИНГ КОНСТРУКТИВ ТУЗИЛМАЛАРИ, ТАРКИБИЙ ЭЛЕМЕНТЛАРИ ХУСУСИДА

© 2011. Н.Ў. Холматов

Самарқанд давлат университети

Кишилиқ тарихи моддий маданияти тизимида тош асри мустақил тарихий давр сифатида ўрганилади. Тош асри археологияси фанида давр жамоалари маданияти ва уларнинг таркибий қисми бўлган маҳаллий характердаги вариантлари ўз тадқиқоти мазмуни билан долзарбдир ҳамда улар соҳа тадқиқотчилари томонидан турлича илмий шарҳланадилар (Каменецкий, 1970. 18-36-б.; Массон, 1972; Исламов, 1980. 124-129-б.; Гарден Жон-Клод, 1983; Кавалевская, 1990. 9-16-б.). Шу ўринда ибтидоий жамоалар моддий маданияти ўзига хослигини аниқлашда, маданиятларни ажратишда ва уларни илмий асослашда ёдгорликлар маданий қатламлари маълумотлари бирламчи манба сифатида муҳим аҳамиятга эгадир. Бунда маданий қатламларнинг асосий конструктив тузилмалари, элементларининг ўрни беқиёс (Каменецкий, 1970а; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975; Абрамова, Гречкина, 1990. 9-12 б.; Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008. 24-27-б.). Шу нуқтаи назардан ушбу мақолада Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида тадқиқ этилган Очилғор макони маданий горизонтларининг конструктив тузилмалари, таркибий элементлари масаласига доир баъзи мулоҳазаларимизни келтирамиз. Ёдгорлик тадқиқотида бу ҳақда қўлга киритилган маълумотларга тўхталишдан олдин мазкур минтақада тадқиқ этилган Сазоғон неолит маданиятига тегишли ёдгорликлар маданий қатламлари таркибий элементлари хусусида фикр юритсак. Маълумки, Сазоғон маданияти ёдгорликлари Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағридаги йирик сойлар террасаларида тадқиқ этилган (1 расм). Мезолит-неолит даври ёдгорликларнинг бундай сойларнинг соз тупроқли террасаларда жойлашиши Марказий ва Жанубий Тожикистон, Жанубий Туркманистон, Яқин Шарқ ҳудуди тоғ ён бағриларида ҳам кузатилган (Ранов, 1998. 105-123 б.; Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008. 20-22-б.). Уларнинг жойлашиши ва геоморфологик ҳолати ер рельефида ҳам яққол ажралиб туради. Сазоғон ёдгорликлари жойлашишининг геоморфологик ҳолатлари С.А. Несмеянов, Э.Д. Мамедовлар томонидан ўрганилган (Джуракулов, Мамедов, 1986; Джуракулов, Холматов, 1991. 9-19 бетлар; Джуракулов ва бошқалар, 1992). М.Ж. Жўракулов, Э.Д. Мамедовларнинг тадқиқотича Сазоғон ёдгорликлари жойлашган сой ён террасалари, ҳавонинг намлик даражаси юқори бўлганлиги боис юқоридаги ер қатламларининг ўпирилиб, пастга силжиб келишидан ҳосил бўлган ва текис майдон сатҳини ташкил этган жойлардир (конус вынос). Бу террасалар ҳаво намлигидан доимий равишда ҳаракатда бўлган, соз тупроқли ер қатлами эса силжиб турган. Шу боис тадқиқотчилар Сазоғон маконлари юқори маданий қатламларининг аралашиб кетган-

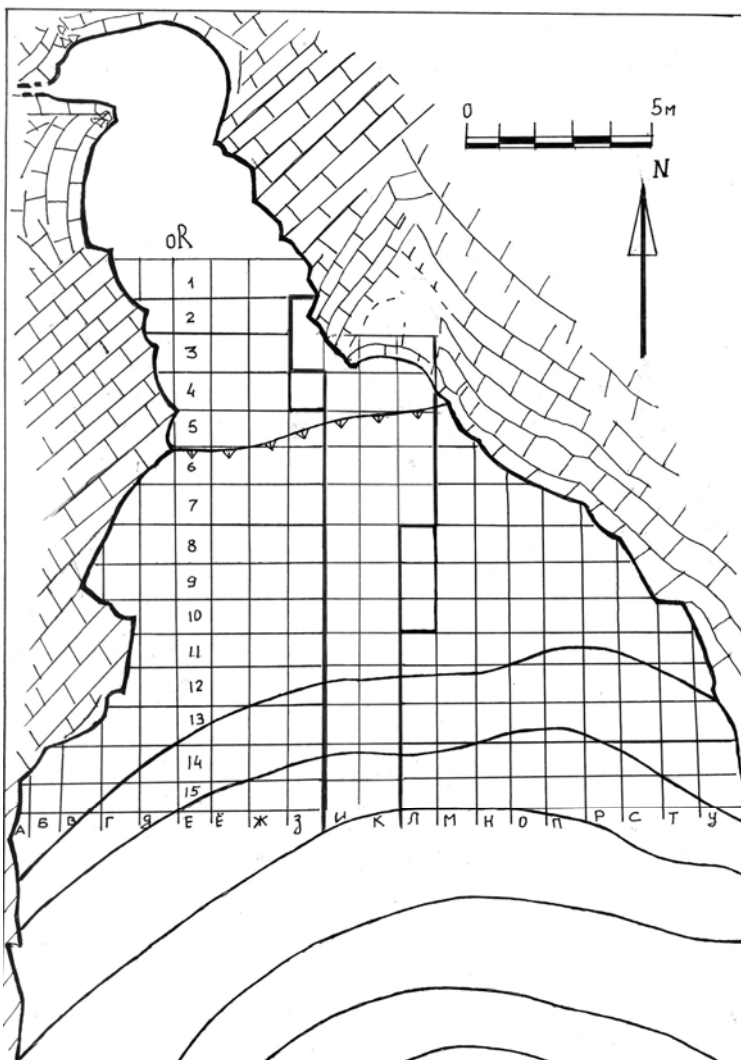
1 расм. Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолӣ ён бағри тош даври ёдгорликлари харитаси

лигини ушбу жараён билан изоҳлашади (Джуракулов, Мамедов, 1986). Шу ўринда В.А. Ранов ва бошқа олимларнинг Вахш дарёси ўрта оқими, Дангара, Яван воҳаси ҳисор неолит ёдгорликларининг баъзиларида маданий қатламнинг сақланиб қолмаганини ер қатламининг устки голоцен даврига оид соз тупроқли қисмини турли табиий таъсир асосида емирилиши, соз тупроқли ён террасаларда эса дехқончилик учун ерни ҳайдаш каби ҳодисалар билан боғлашдек маълумотларини ҳам назардан кочирмаслик лозим (Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008, 21-22-б.). Сазоғон маконлари тадқиқоти жараёнида маданий қатламлар шартли равишда 3 та маданий горизонтга ажратилган: 1. Юқори қатлам (0,0-1,1) – аралаш қатлам бўлиб, бунда тош даври ва кейинги тарихий даврларга оид манбалар биргаликда учрайди; 2. Оралиқ қатлам (1,1-1,3 м) - бунда тарихий тараққиётнинг кейинги даврлариги оид манбалар учраса-да, лекин тош даври топилмалари кўпчиликни ташкил этади; 3. Пастки қатлам (1,4-1,8 метр, баъзи жойларда 2,2 метргача) - бунда фақат тош даврига оид топилмалар учрайди. Пастки тош даврига оид қатламда маданиятнинг ўзига хослигини билдирувчи баъзи конструктив тузилмалар, таркибий элементлари ҳақида маълумотлар ҳам қўлга киритилган. Булар юпқа тошлардан қаланган уй жой қолдиқлари, ўчоқлар қолдиқлари, одам қолдиғи топилган қабр ўрни (узунчоқ шаклда 180x100 см), қабр усти тош уюмлари, айлана шаклдаги тош қурилмалари каби эле-

ментлардан иборат. Фактларга мурожаат этадиган бўлсак, Сазоғон 2 макони пастки маданий қатламидан диаметри 3 метргача бўлган айлана шаклда тош қурилмаси (диаметри 0,8-1,05 метр) тадқиқ этилган. Унинг ўрта қисмида бош чаноғи бўйни билан нотабий равишда орқага қайрилган ҳолатда ётган эчки скелети топилган ва бу манзара маълум диний маросим, урф-одат, расм-русумлар билан боғлиқ деган хулосага келинган (Джуракулов, 1984. 470-471-б.; Джуракулов, Холматов, 1991, 108-б.). Шунингдек, Сазоғон 2 маконининг мазкур маданий қатламидан 3,85x3,65 метр ўлчамли узунчоқ ёки айлана шаклда тошдан қаланган уй-жой қолдиғи, Жангал 1 маконидан ҳам худди шу шаклда кўндалангига 4,0-4,5 метр ўлчамга эга бўлган, тошдан қаланган, баландлиги 40-45 см.гача сақланиб қолган уй-жой қолдиғи топилган. Тепакул 3 макони маданий қатламида ҳам шу мазмундаги конструкция қолдиқлари кузатишган (Джуракулов, Аванесова, 1986, 499-б.; Джуракулов, Холматов, 1991, 102-103 б.). Ўчоқлар қолдиқлари Сазоғон 1, 2, Жангал 1, Тепакул 3, 4, Қоракамар маконлари маданий қатламларида тадқиқ этилган. Айниқса, Жангал 1 маконида ўчоқ ва унинг атрофида ўчоқ учун тошдан қаланган девори қолдиғининг (баландлиги 35-40 см. гача) топилиши муҳим ҳисобланади (Холматов, 1988. 81-82-б.). Бу ўчоқ ўз тузилиши бўйича Тожикистон ҳудудидаги Тутқовул, Сай-Сайёд каби ёдгорликларда тадқиқ этилган ўчоқларга ўхшаш (Ранов, Коробкова, 1971. 138-б.; Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008, 25-26-б.). Сазоғон 2 макони маданий қатламида тадқиқ этилган антропологик топилма-одам қолдиғи ҳам илмий жиҳатдан аҳамиятлидир (Джуракулов, Холматов, 1991. 107-109 б.). Шу каби маданий қатламнинг таркибий элементлари сазоғон неолит жамоалари моддий маданиятининг ўзига хос хусусиятларини ёритишда муҳим аҳамият касб этади.

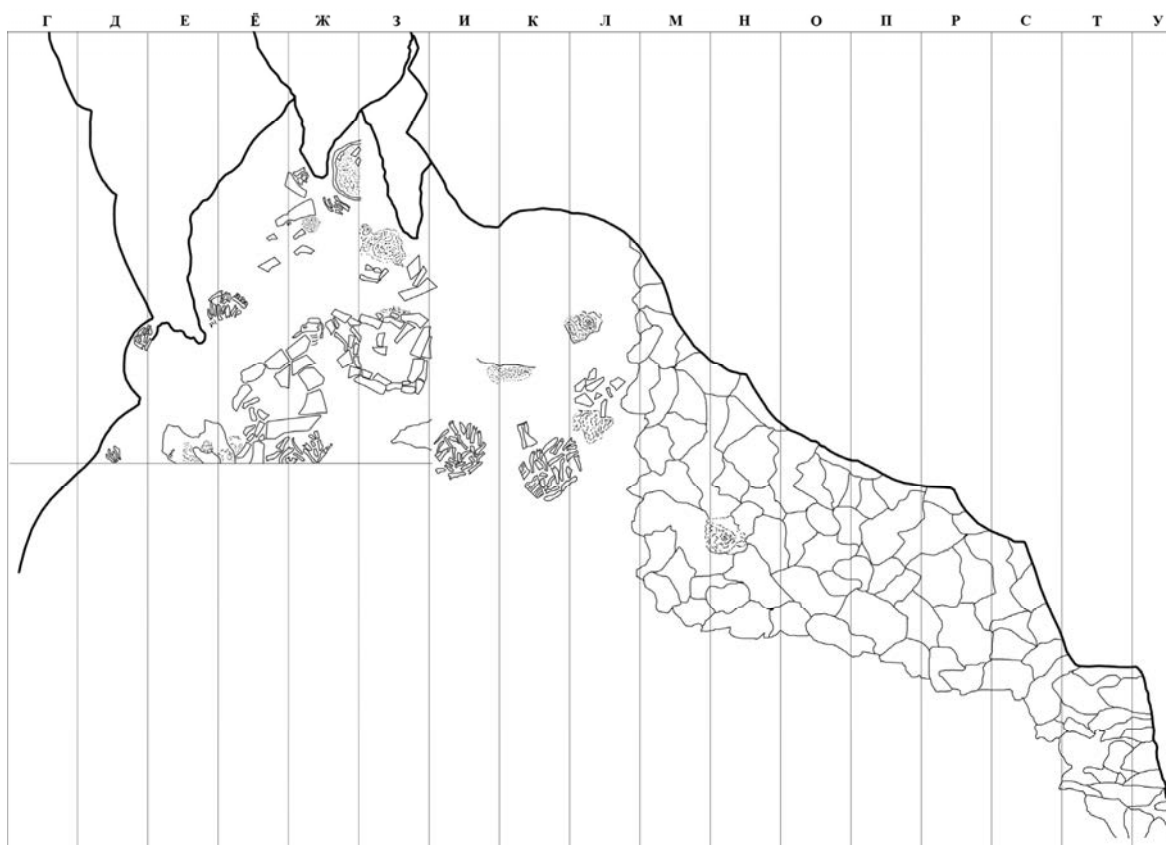
Сазоғон маданиятига оид ёдгорликлардан фарқли ўлароқ, Очилғор маконида бузилмаган маданий горизонтлар аниқланди: 1. Устки маданий горизонт-неолит; 2. Пастки маданий горизонт-мезолит. Шу маданий горизонтларда куйидаги конструктив тузилмалар ва таркибий элементлар ҳақида маълумотлар қўлга киритилди: 1. Ҳайвон суяклари уюмлари - Ж-3 квадратда 2 та Ҳайвон суяклари уюми, Е, Ё-4 квадратлар чегарасида, Д-5 квадратда, Д-6 квадратда, Ё, Ж-6 Ё, Ж-7 квадратларда, И-6, 7; К-6, 7 квадратлар сатҳида Ҳайвон суяклари уюмлари топилган; 2. Ўчоқлар- Ж-2 квадрат, Ж-2,3 квадратлар (ёйсимон), Ж-3 квадрат, Ж,3-3,4 квадратлар; К,Л-6 квадратлар; М,Н-8 квадратлар; Е, Ё-6, 7 квадратлар сатҳида; И,К-5 квадратлар чегарасида ўчоқлар қолдиқлари топилган; 3. Айлана шаклидаги тош халқа қурилмалари: 1-тош қурилма 3, Ж-5 квадратлар сатҳида, 2-тош қурилма Ё, Ж-5, 6 квадратлар сатҳидан топилган. Айлана шаклидаги тош халқа қурилмалари диаметри 1,0-1,2 метр бўлиб, 2, ҳатто 3 қават қилиб қаланган тош плиталардан иборат (2, 3-расм). Мазкур конструктив тузилмалар, хусусан, Ҳайвон суяклари уюмлари, уларда Ҳайвон тана суяклари жойлашиш ҳолати ҳамда суяк уюмларининг маконлардан қай тарзда топилиши, улар тўғрисида илмий қарашлар, шунингдек, ўчоқлар жойлашиши ва уларнинг конструктив тузилишлари, уларга боғлиқ бўлган квадратлар, маданий горизонтлардан ёнма-ён топилган тош қуроллари, сопол идиш парчалари, Ҳайвон суяклари қолдиқлари ҳамда уларнинг макон стратиграфик қатламлари билан боғлиқлиги ҳақидаги маълумотларни тадқиқотларимизда келтирилган (Холматов, 2010, 37-48-бетлар; Ботиоров, Холматов, 2011). Очилғор макони 2011 йил олиб борилган тадқиқотларда бу маълумотлар янги фактлар билан бойиди. Ё, Ж-6 квадратларда тадқиқ этилган Ҳайвон суяги қолдиқлари Ё, Ж-7 квадратлар сатҳи маданий горизонтларида давом этганлиги аниқланган. Шунингдек, Е, Ё-7 квадратлар сатҳида ўтган йилги Е, Ё-6 квадратлар

сатҳида тадқиқ этилган ўчоқлар давоми ҳам топилди. Яъни, ўчоқ комплекси чегараси, шакли ва ўлчамлари ҳамда мазкур комплекснинг бевосита ғорнинг асл харсанги тугаган жойида жойлашганлиги аниқ бўлди. Бу ўчоқлар комплексининг қалинлиги 30-35 сантиметрли ташкил этади. Ўчоқлар шу қалинликнинг турли маданий горизонтларида, алоҳида-алоҳида жойлашганлар. Бу ҳолат ибтидоий одамлар томонидан турли тарихий даврда бу комплексида қайта-қайта ўчоқлар қилишганлигини билдиради (4-расм). Очилғор маконида тадқиқ этилган ўчоқлар умумий тузилиши, жойланиши ҳамда уларнинг суяк уюмлари билан биргаликда олов илоҳаси билан боғлиқлиги ҳақида А. Асқаров, М.Ж. Жўрақулов, Н.А. Аванесова, Ф. Брунет, А. Ботиров каби соҳа тадқиқотчилари фикр билдиришган. Ушбу, маълум маънода диний эътиқод, сиғиниш, топиниш амалга оширилган

2 расм. Очилғор макони умумий плани.

расм-русум, маросимлар ҳақидаги маълумотларга 2011 йилги тадқиқотда иккита айлана шаклдаги тош қурилмалар ўртасида бутун ҳолатда улоқча скелетининг топилиши янада ўзига хос илмий мазмун берди. Бу ҳақда кейинги сатрларда маълумот берамиз. Ҳозир ўтган йилги тадқиқотда Д, Е, Ё, Ж, З - 5, 6 квадратлари сатҳида улгура олмай қолган айлана шаклдаги тош халқа қурилмалари тадқиқоти натижасига тўхталсак. Демак, тош халқа қурилмаси синчковлик билан тадқиқ этилди. Қаланган тош плиталарни олаётганда академик А. Асқаров таъкидлаганидек, уларни диққат билан кўздан кечирдик. Лекин, гулхан таъсирида тош плиталарнинг ранги ўзгарганлиги ҳолатини кўрмадик. Тош плиталар орасида соз тупроқли қатлам давом этди. Қатламларда ўчоқ излари кузатилмади, фақатгина хайвон суяги қолдиқлари, чиғаноқлар топилди, холос. Тош қуроқлари, сопол буюм парчалари ҳам учратилмади. Тош халқа 2, 3 қатор қилиб қаланган тош плиталардан иборат бўлиб чиқди. Улар тагидан юққа осон ушатиладиган тошли қатлам чиқди ва у ғорнинг асл харсанги билан туташди. Бу иккала тош халқа оралиғи сатҳидан улоқчанинг барча тана аъзоси суяклари сақланган ҳолатдаги бутун гавдаси топилди (5-расм). Палеонтолог олим

3, 3а расм. Очилгор макони маданий горизонтлари конструктив тузилмалари (ўчоқлар, ҳайвон суяклари уюмлари ва айлана шаклдаги тош халқалари қурилмалари).

Аминжон Ботиров билан биргаликда улоқ тана суяклари тадқиқ этилди ва улоқчанинг танаси махсус ўйилган жойга қўйилганлиги аниқланди. Улоқчага мўлжалланган жойнинг ўлчами қуйидагича: эни - 36 см, ўранинг бошланиши жануб тарафга қараб кенгайиб боради, бўйи—50 см, чуқурлиги 26 см. А. Ботиров фикрича, бу суяклар 4, 5 ойлик ёш улоқчага тегишли бўлган. Тана аъзосининг барча қисми бор ва териси билан бирга қўмилган. Улоқчанинг шохи жанубий- ғарб томонга йўналтирилиб, калла суягининг тагига икки олдинги оёғи буклаб, бўйни қайрилиб, орқадаги оёқлари ҳам калла томон яқинлаштирилиб ғужанак ҳолатда қўйилган. Териси яхлит ҳолатда сақланмаган. А. Ботиров бундай барча тана аъзолари яхлит сақланган ҳайвон гавдаси тадқиқотларда учратилмаганлигини эътироф этади. Улоқча гавдаси қўйилган жойнинг пастки пол қисми худди зичлангандек қаттиқ. Улоқча ётган ўранинг пастки (жанубий) қисми юқорида айтганимиздек кенгайган. Шу жойда 2,5-5,0 см қалинликда қизил, қорамтир рангли гулханда куйган ер қатлами кузатилди (6-расм). Бу эсада, маълум бир диний эътиқодга боғлиқ урф-одат, расм-русмлар

Ўтказилганидан далолат беради. Айниқса, улоқча топилмаси, унинг икки тош халқа ўртасида учратилиши ҳолати тош халқалар билан биргаликда бутун бир комплекс мазмунини беради. Мазкур топилма Сазоғон 2 макони маданий қатламида тадқиқ этилган эчки тана суяк-лари ва у маълум диний эътиқодга боғлиқ урф-одат, расм-русмлар ўтказилгани билан боғланиши ҳақидаги маълумотни янада ойдинлаштиради.

4 расм. Ўчоқлар қолдиғи.

Энди Ўрта Осиё миқёсида ибтидоий давр ёдгорликлари тадқиқоти жараёнида айлана шаклдаги тош қурилмалар бораси-

да қўлга киритилган маълумотлар масаласига тўхталсак. Бунда, даставвал, Тожикистон ҳудуди тош, энеолит, жез даври ёдгорликлари. Хусусан, В.А. Ранов, Г.Ф. Коробкова, А. Юсупов, Т.Г. Филимоновалар Тутқовул, Сай-Сайёд каби ҳисор маданияти ёдгорликлари тадқиқоти жараёнида тош қурилмаларга оид маълумотларни қўлга киритишган (Ранов, Коробкова, 1971; Юсупов, 1975; Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008. 24-27-бетлар). Бу маълумотлар тош қурилмаларнинг икки типи учратилганлиги ҳақида фактлардан иборат: 1-тип тош қурилмалари бир-бирига ёпиштирилиб, тигиз 2, ҳатто 3 қатор қилиб юпқа қайроқлар ҳамда оҳақтошли плиталардан қаланган қурилмалар бўлиб, улар Тутқовул (40 м²), Сай-Сайёд (25 м²) каби ёдгорликлар маданий қатламларида аниқланган ва турар-жойларнинг поли сифатида талқил этилган (Ранов, Коробкова, 1971). Бундай яшаш жойларнинг уй поллари В.А. Рановнинг хабар беришича, Яқин Шарқдаги Карим-Шахир ёдгорлигида ҳам тадқиқ этилган; 2-тип тош қурилмалари - айлана-суйри шаклда 2,3 қатор қилиб қаланган диаметри 1x1,5 м, 0,7x1 м ўлчамли тош қурилмалари ҳисобланади. Булар бевосита ўчоқлар билан боғлиқ. Ўчоқлар 15-30 см қалинликда, диаметри 1 метргача боради ва улар бир-бирига нисбатан 1,5-2 метр чамаси масофада жойлашган. Жумладан, Сай-Сайёдда икки типдаги ўчоқ қолдиқлари топилган: 1-си мўъжаз шаклда 45x45 см ёки 50x50 см ўлчамда; 2-си яримсферик ёки тўғри бурчакли шаклда 1x1,2-1,3 м ўлчамда бўлиб, ўчоқлар қалинлиги 30-45 см.ни ташкил этган. Шу ўчоқлар ёнида дарё қайроқларидан қаланган девори айлана шаклда тош қурилма кўринишини олган. Тожикистон ҳудудида тадқиқ этилган неолит даврига оид қатор ёдгорликлардан топилган тош қурилмалар ҳақида Т.Г. Филимонова то-

5 расм. Улоқча топилмаси

монидан билдирилган фикрлар аҳамиятлидир. Тадқиқотчи Кангуртут ёдгорлиги неолит даври маданий қатламидан топилган тош қурилма ва унинг устида махсус ҳайвон суякларидан тузилган, тақлид қилиш маъносини берувчи мослама борлиги ҳақида, Чармгарон макони тош қурилмаси қалин кул қатлами билан қопланганлиги ҳақида,

Люликутал маконидан икки қатор қайроқтошлардан қаланган 60x40 см ўлчамли, тўғри бурчакли шаклдаги тош қурилма ўзига хос “илоҳий ўчоқ” эканлиги ва унинг тагида 20 сантиметр қалинликда гулхан қолдиғи борлиги тўғрисида маълумот беради. Мазкур “илоҳий ўчоқ атрофидан кўплаб қуйган ҳайвон суяги қолдиқлари, тошдан ясалган мунчоқлар, бир-бирига боғланган нозик мунчоқлар тизими, микропарақалар, силлиқланган тош теша каби предметларнинг топилганлигидан қурбонлик қилиш билан боғлиқ расм-русумлар, диний маросимлар ўтказилган жой сифатида талқин этилган. (Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008. 26-бет). В.А. Ранов яна бир тош қурилма типи тўғрисида маълумот беради. Булар кулсиз ўчоқ ёки олов ёнганлиги белгилари бўлмаган тош қурилмаларидир. Тадқиқотчи уларни бир маротаба ишлатилган ва улардан қолган кул қолдиқлари кам миқдорда бўлиб, кейинчалик ювилиб кетган деб изоҳлайди (Виноградова, Ранов, Филимонова, 2008. 25-б.). Бошқа бир тадқиқотчи Т.Г. Филимонова мазкур турдаги тош қурилмалар тўғрисида улар маълум диний эътиқод билан боғлиқ топиниш, сиғинишни амалга ошириш мақсадида қурилган деган ғояни илгари суради ва бу фикр фойдасига маълумот берувчи Кангурттут ёдгорлигининг бронза даврига оид маданий қатламида тадқиқ этилган тош қурилма ёнидан ёш бола бош чаноғи, итнинг жасади топилиши фактларини мисол қилиб келтиради (Виноградова, 2004, 27-б.). Айлана шаклдаги тош қурилмалар энеолит, жез даврига оид Тегузак, Ташгузар, Кангурттут каби ёдгорликлар тадқиқотида ҳам ўрганилган (Раззоқов, Курбанов, 2004. 175-б.; Пьянкова, 1993, 229-б.; Филимонова, 2002). Очилғор макони айлана шаклдаги тош қурилмалари функцияси борасида бошқа бир илмий фаразлар ҳам мавжуд. Ибтидоий одамзод ўз яшаш қароргоҳи бўлган ғор оғзиларини совуқ шамоллар, қор бўронлар, ёмғир налгарчиликларидан тўсиш учун устунлар ёрдамида шох-шаббалар, ҳайвон териларидан тўсиқ сифатида фойдаланишганликлари маълум. Шу сабабли, тош халқалари турар жой устунни фундаменти бўлиши мумкин. Улар устунни маҳкам ушлаб туриш учун хизмат қилган.

Хулоса. Очилғор ёдгорлиги айлана шаклдаги тош қурилмалари конструкцияси Тожикистон ҳудуди ёдгорликларида тадқиқ этилган мазкур турдаги тош қурилмалардек, ўзлари бевосита ўчоқ кули, гулхан излари билан боғлиқ эмас. Лекин, тош қурилмалар теварагида маълум масофада жойлашган ўчоқлар ва ҳайвон суякларидан иборат уюмлар мавжуд. Шунингдек, тош қурилмалари ёнидан улоқчанинг тана суякларидан иборат гавдаси ва у ётган жойнинг пастки (жанубий) қисмида 2,5-5,0 сантиметр қалинликда гулхан излари бўлган қизил, қорамтир рангли қатлам топилиши билан Тожикистон неолит ёдгорликларида тадқиқ этилган тош қурилмалар мазмунига ўхшаш. Шу ўринда тадқиқотчилар таъкидлаганидек, Очилғор макони маданий горизонтида конструктив структуравий тузилмалар, таркибий элементларни ифодаловчи ҳайвон суяклари уюмлари, ўчоқлар комплекси ва уларнинг жойланиши ҳолатлари,

6 расм. Улоқча суяклар топилган жойнинг пастки қисмидаги гулхан қатлами.

айлана шаклдаги тош қурилмалар ва улар ёнида тана аъзолари суяклари тўлалигича сақланган улоқча топилиши ва у билан боғлиқ диний эътиқод, расм-русумлар, маросимлар билан боғлиқ бўлган мазмунни берувчи яхлит комплексдир. Бундай мазмундаги комплекс нафақат Зарафшон воҳаси, балки Ватанимиз миқёсида неолит даври жамоаларига оид ёдгорликлар мисолида биринчи марта илмий муомалага киритилмоқда. Шу ўринда таъкидлаш жоизки, бу маълумотлар Ўрта Зарафшон воҳаси Қоратепа тоғ массиви шимолий ён бағрида тадқиқ этилаётган Сазоғон неолит маданиятининг мустақил маданият сифатида Ўрта Осиё неолит даври жамоалари маданияти тизимидаги ўрнини белгилашда аҳамиятлидир.

Фойдаланилган адабиётлар:

- Ботиров А., Холматов Н.У.* Очилғор макони ва унинг фаунаси // ИМКУ. Вып. 37. Самарканд, 2011.
- Виноградова Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г.* Памятники Кангуртгута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). М., 2008.
- Гарден Жан-Клод.* Теоретическая археология. М., 1983.
- Джуракулов М.Д.* Исследование стоянки Сазаган 2 // Археологические открытия-1982. М., 1984.
- Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А.* Работы Самаркандского госуниверситета // Археологические открытия-1986. М., 1988.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У., Амиркулов Б.* Итоги археологического изучения стоянки Джангал 1. Вопросы археологии, древней истории и этнографии // Труды СамГУ. 1991.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У.* Джангал 1- новый неолитический памятник долины Зеравшана // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Джуракулов М.Д., Зуева О.Е., Мамедов Э.Д., Трофимов Г.Ф., Холматов Н.У.* Полевая практика в горах Каратюбе // Учебное пособие для студентов исторического и географического факультетов. Самарканд, 1992.
- Исламов У.И.* Обиширская культура. Ташкент, 1980.
- Каменецкий И.С.* К теории слоя // СКМА. М., 1970.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников. М., 1990.
- Ковалевская В.Б.* Археологическая культура—культурные традиции и инновации // КСИА. №201. М., 1990.
- Каменецкий И.С.* Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА. 1970а. № 2.
- Ранов В.А.* Неолит (гиссарская культура) // История таджикского народа. Т. 1, Душанбе, 1998.
- Пьянкова Л.Т.* Отчет о работах Вахшского археологического отряда (эпоха бронзы) в 1984 г. // АРТ. Вып. 24. 1993.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф.* Туткаул-многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА. № 2. 1971.
- Раззоқов А.Р., Курбанов Ш.Ф.* Исследования саразмского отряда в 2003 г. // АРТ. Вып. 29, 2004.
- Холматов Н.У.* Неолитическая стоянка Джангал 1 (Новые данные о культурных контактах населения равнин и предгорий) // Проблемы взаимосвязи природы и общества каменном веке Средней Азии. ТДК, посвященной 50-летию открытия Тешик-таша, Ташкент, 1988.
- Холматов Н.У.* Очилғор макони тадқиқотининг дастлабки натижалари хусусида // Ўзбекистон археологияси . № 1. Ташкент, 2010.
- Филимонова Т.Г.* Каменный инвентарь с поселения бронзового века Тошгузар. Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. Новосибирск, 2002.
- Юсупов А.* Неолитическое поселение Сай-Сайёд на юго-западе Таджикистана // СА. № 2, М., 1975.

ЎЗБЕКИСТОНДА ТОШ АСРИ ОДАМЛАРИНИНГ ЖИСМОНИЙ ТИПЛАРИ

© 2011. С.Т. Мирсоатова

Фарғона давлат университети

Гоминидларнинг энг қадимгилари - австралопитеклар «инсониятнинг бешиги», деб аталадиган Африка қитъасида пайдо бўлган. Яқин кунларгача уларнинг ватани Шарқий Африка ҳисобланарди. Бироқ Чад ҳудудларидан топилган ва 7 млн. йиллар билан саналанган янги топилмалар қадимги австралопитекларнинг дастлаб Марказий Африка ҳудудларидан келиб чиққанлигини кўрсатмоқда (Wood Bernard, 2002. P. 133). Австралопитекларнинг баъзи турлари эр. ав. 1 млн. йилларгача яшаганлар (Lumley, 1984. P. 93).

Гоминидларнинг навбатдаги типи – хомо хабилислар ҳам Африкада бундан 2,5 млн. йиллар муқаддам пайдо бўлди. Айнан улар дастлабки меҳнат қуролиларини ясаган одамнинг ўтмишдошлари ҳисобланади (Leakey, 1981. P. 255). Юқорида тилга олинган дастлабки гоминидларнинг ҳар иккала типлари ҳам Африка қитъасини тарк этмаганлар.

Сўнгра, бундан 2 млн. йиллар илгари, яна ўша Эски Дунёда гоминидларнинг янги физик типи – хомо эргастерлар пайдо бўлиб, ушбу тип биринчи марта Яқин Шарқ орқали Евросиё материгига илк қадам қўйган ўтмишдошимиз ҳисобланади. Унинг қолдиқлари Грузиянинг Дманисси деган жойидан топилган ва 1,81 млн. йиллар билан саналанган. Бу ҳозиргача Евросиё материгида маълум бўлган энг қадимги топилмадир (Lordkipanidze D., Gagnepain J., 2003. P. 26).

Бундан 1,5 млн. йиллар муқаддам гоминидларнинг яна бир янги жисмоний типи – хомо еректуслар Африка ва Евросиёда кенг тарқалган. Евросиёда уларнинг энг қадимги қолдиқлари . 1 млн. йиллар атрофида билан саналаниб, эр. авв. 100 000 йилларгача яшаб келган (Vandermeersch В. 1988. P. 61). Хомо еректуслар қолдиқларининг фанда энг машхурларига Хитойда Синантроп, Ява оролида Питекантроп, Озарбайжондаги Азих ғори топилмалари, Франциядаги Тутавел одами қолдиқлари, Испаниядаги Атапуэрка, Италиядаги Изерния, Грециядаги Петралона материалларини киритиш мумкин.

Фарғона водийсидаги Селунгур ғоридан топилган материаллар (Исламов, Крахмаль, 1995. С. 3-320) ҳам юқорида таъкидланган ёдгорликлар жумласидандир ва бу ерда аниқланган Фергантроп, яъни Фарғона одами аҳамияти жиҳатидан улардан қолишмайди. Демак, Ўрта Осиё, шу жумладан, Ўзбекистон ҳудудлари ҳам ибтидоий одам шаклланган ва тараққий қилган инсоният бешикларидан биридир.

Юртимиз илк палеолит даврининг бошлариданоқ одамнинг энг қадимги жисмоний типларидан бўлган хомо еректуслар томонидан ўзлаштирилганлигини 1,5 млн. йиллар билан саналанган Фарғона водийсидаги Селунгур ва 550 минг йиллар билан саналанган Тошкент воҳасидаги Кўлбулоқнинг қуйи қатламлари ёрқин мисол бўла олади.

Селунгур ғорининг 3-маданий қатламида олгита алоҳида тиш (3 та юқори қозик тиш ва 3 та пастки жағ тиш) топилган бўлиб, бу тишлар бир нечта турли жинсдаги индивидларга мансуб деб топилган. Шунингдек, бу ердан Тешиктош боласи ёшига яқинроқ боланиннг ўнг елка суяги топилган. А.А. Зубовнинг таъкидлашича, жағ тишларнинг морфоло-

гияси Селунгур одами қатор архаик белгиларини сақлаб қолган, бўлсада эволюцион тараққиётда анчайин илгарилаб кетган ва замонавий одамга элтувчи асосий йўналишидан четлашган мавжудот эканлигини кўрсатади. Елка суяги эса, антропологларнинг фикрича, Тешиктошдаги боласи билан таққосланганда анча архаик кўринишга эга (Исламов, Зубов, Харитонов, 1988. С. 64).

Ўрта палеолит даврига оид Тешиктошни дунёга машҳур қилган нарса бу ғордан неандертал бола қабрининг топилиши бўлди. Биринчи маданий қатламнинг тубида ер сатҳидан 25 см чуқурликда эзилган ва деярли тупроққа қоришиб кетган бош чаноғи топилди. Бу бўлақлар деярли табиий кетма-кетликни сақлаган ҳолатда бир хил сатҳда ётарди. Кейинчалик, 1 маданий қатламнинг тагидаги соф қатламдан ҳам одамнинг парчаланган суяк қолдиқлари: умуртка, қовурға, найсимон суяклар, курак суяги, ўмров суяги ва пастки жағ бўлақлари топилган. А.П. Окладниковнинг фикрича, одам суяги қолдиқлари 5-6 та эчки суяклар билан ўралган ҳолатда ётади ва бу ҳол унга Тешик-тошда атайин кўмиш думлари ҳукм сурган, дейишига асос бўлади. Ушбу қабр Тешиктошда 1-маданий қатламида ҳаёт ҳукм сурган даврга оид деб топилган (Окладников, 1949а. С. 32-42).

Тешиктош одами ўзининг таксономик ҳолатига кўра, қатор мунозораларга сабаб бўлди. Айрим антропологлар топилгани Фарбий Европанинг классик неандерталлари билан яқинлигини таъкидласалар (Дебец, Гремяцкий, Хауэлслс ва бошқ.), бошқалари Олд Осие ёки “прогрессив” европа неандерталлари билан таққослайдилар (Вейденрейх, Якимов, Кларк, Хауэлл, Алексеев ва бошқ.). Масаланинг ечимини топилманинг ёш болага тегишли эканлиги янада қийинлаштиради. Топилманинг жинси даставвал у 9-10 ёшлардаги ўғил болага (Окладников, 1949а. С. 34-43), сўнгра шу ёшдаги қиз болага тегишли деб топилган (Алексеев, 1985. С. 5-22). Тешиктош боласи суякларини махсус текширишлар натижасида тош қуроллар ёрдамида кўмишдан олдин этдан тозаланган (Ульрих, 1982. С. 7).

Охириги ўн йилликда Обираҳмат ғорида олиб борилган тадқиқотлар натижасида унинг 16 - қатлампидан топилган қадимги одам суяк қолдиқлари неандертал билан ҳозирги замон типидagi одамнинг омукта қиёфасини намоён этади, шу туфайли унинг кўпгина морфологик жиҳатлари ноёб бўлиб, ҳозирча унинг палеоантропологик ўхшашини йўқ, деб топилди. Полицентристик ғоя вакиллари Обираҳмат одамнинг қазилма қолдиқларини, бир томондан, ҳозирги жисмоний типдаги одамнинг мустақил равишда мултиминтақавий шаклланганлигининг исботи бўлиб хизмат қилиши мумкин, иккинчи томондан, яқин-яқингача эҳтимолдан узоқ деб ҳисоблаб келинган ҳозирги одамларнинг ажодлари билан неандерталларнинг чапишганлигига далилдир, деб талқин қилишмоқда. Бироқ, ушбу талқинлар анча мунозаралидир (Сайфуллаев, 2005. С. 274-277; Деревянко, 2008. С. 5-24).

1980 йили Сазағон 2 маконида 1,2 м чуқурликдаги маданий қатламдан 12-14 ёшлардаги боланинг қабри топилди. Қабр, тошлар билан ётқизилган бўлиб, унинг яқинидан тош ва сопол буюмлар аниқланган (Джуракулов, 1981. С. 24; 1992. С. 36; 1983. С. 54; 1983а. С. 77; 1984. С. 14; 1984а. С. 27-34; Амиркулов, 1982. С. 10; 1984. С. 12-25). Марҳум жануби шарққа қаратилиб, ўнг ёнбоши билан юзи ерга қаратиб қўйилган. 1981 йилда бу қабрдан 10 м шимолроқда, ўша чуқурликда катта ёшдаги эркак кишининг қабри топилди. Қабрнинг ҳажми 180x100 см. Марҳумнинг боши жануби-ғарбга қаратиб қўйилган ва бу жойда ўранинг пастки қисми 160 см.гача кенгайди. Ушбу кенгайтирилган қисмининг девори тошлар билан терилган. Бундай йирик тош терма ер сатҳидан 70-100 см чуқурликдан бошлаб амалга оширилган. Қабрнинг умумий чуқурлиги эса, 1,2 м. Қабр бош қисмининг 50-70 см чуқурлигида тошлар тўпланганлиги аниқланган. Афтидан, бу

қабр усти тош термасининг қолдиқлари бўлиши мумкин. Мархум юзи ерга қаратиб, бироз букилган ҳолатда қўйилган. Қабрнинг устки қатлампидан кўмир ва кул қолдиқлари, пастки қатлампидан оҳра ва тош буюмлар топилган. Бош чаноғининг антропологик хусусиятлари Т.Қ. Ходжайов томонидан ўрганилган. Суяклар яхши сақланмаган. Бош чаноғи 35-40 ёшлардаги эркак кишига тегишли бўлган (Амиркулов, 1982. С. 10; Джуракулов, 1983. С. 54). Унинг айрим хусусиятлари (долихокранияси, узунчоқ ва нисбатан кичик юзи) уни европоид irqининг жанубий шаклларига хослигини кўрсатади. Бу топилма авваламбор, Жанубий Тожикистон ва Жануби-Ғарбий Туркманистондаги материаллар билан генетик жиҳатдан боғлиқ. Бу бош чаноғи Калтаминорнинг Тумеккичижик қабри бош суягидан фарқ қилади (Джуракулов, Ходжайов, 1984. С. 27-34).

Сазағон-2 дан тозаланган қабр қурилмаси ерлик аҳолининг диний тасаввурлари ҳақида фикр юритиш имконини беради. Бу ердаги қабрнинг 0,8-1,5 м чуқурлигидан йирик ишлов берилмаган тошлардан терилган доира шаклидаги қурилма топилган. Диаметри 3 м.га тенг бу чуқурликдаги доиранинг ичидан қўй ёки эчкиларнинг суяк қолдиқлари аниқланган. Ўранинг жануби-ғарбий қисмида ўша чуқурликда қўй ёки эчкининг бош ва оёқ суяклари топилган. Уларнинг жойлашув хусусиятлари бу жойда маросимлар уюштирилганлиги ҳақида гувоҳлик беради. Ўрадан майда кўмир бўлақлари ва оҳра қолдиқлари топилган.

Калтаминор маданиятига оид дастлабки қабр, ёки одам қолдиқлари 1972 йили шимоллий Туркманистоннинг Шоҳсанам қалъаси яқинидан топилган эди. У фанда Тумеккичижик қабри номи билан машхурдир. Орадан тўрт йил ўтгандан кейин 1976 йилда С.П. Толстов неолит маконини ўрганиш жараёнида яна иккита неолит даври қабри аниқланади. Улар Толстов макони учинчи уйи ҳамда Жонбос-4 макони оралиғидаги тақирда жойлашган. Биринчи қабр устки қисми дефиляция таъсирида бузилган ва кум юзасида чиғаноқдан ишланган мунчоқлар ва чақмоқтош буюмлар сочилиб ётганлиги сабабли аниқланган. Бу топилмаларнинг чуқурлиги 10-12 см ни ташкил қилади. Одам скелетининг майда бўлақлари, чақмоқтош буюмлар ва чиғаноқлардан ишланган тақинчоқлар нотўғри шаклдаги (140x180 см) доғ кўринишида ётган (Виноградов, 1981. С. 88-89). Суякларнинг айрим бўлақларининг жойлашуви мархумнинг эгилган ҳолатда ва шимол-шарқ жануб-ғарб йўналишида кўмилганлиги ҳақида тахмин қилиш имконини беради. Одам суяклари билан бирга юзга яқин чиғаноқ мунчоқлар, тош буюмлар ва чаплама сопол идишлар синиқлари топилган (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 70).

Иккинчи қабр биринчисидан қуйироқда ва шарқроқда жойлашган ҳамда қисман унинг устида жойлашган. Иккала қабр 5-6 см.лик кум қатлам билан ажратилган. Шарқдан ғарбга қараган суяк бўлақлари доғлари ҳажми 160x110 см бўлган. Бу ердан топилган буюмлар унча кўп бўлмасада, биринчи қабрдаги билан бир хил. Унинг топилмалари, жумладан, 150 тача чаплама сопол идиш синиқлари (уларнинг бир қисми чизилган ва ўйма нақшли) ва майда оҳра бўлақлари доғнинг ғарбий қисмида жойлашган. Топилган барча буюмлар Калтаминорга хос ва яқин орадаги Толстов материалларига ўхшашдир. Жонбос-4 макони Толстов маконининг таркибига кирганлиги учун бу ерда биз маконнинг худудига кўмиш ҳолатини кўришимиз мумкин (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 71).

Неолит даврига оид Калтаминор маданиятининг қабри Устюртда ҳам топилган (Ягодин, 1978. С. 148-151; Бижанов, 1978. С. 250-252). Устюртнинг шарқидаги Каскажол кўрғони қабрини қазилганда материкдан ўйилган иккита ўра топилди. Улардан энг қадимгиси (асосий кўрғон ости қабри эр. ав. IV-II минг йилликлар билан саналанган) кўрғонгача бўлган даврга оид қадимги ўрадир. Бу қабр кўрғон қурилиши даврида ва кей-

инчалик кўрғон ости қабрини ўғирлаш оқибатида қаттиқ бузиб юборилган. Шундай қилиб, қадимги ҳамда кейинги қабрлар материаллари аралашиб кетган ва улар тадқиқотчилар томонидан иккига ажратилган. Қадимги гуруҳга: кварцитдан бифасиал ишлов берилган пойнаклар, цилиндр шаклидаги чиғаноқлар тизими ва тахминан, чаплама сопол идишларнинг майда бўлаклари; иккинчи гуруҳга: бронза буюмларнинг майда бўлаклари ва қизил лойли сопол идишларнинг уваланган қолдиқлари киритилган. Неолит даври қабрининг сақланиб қолган ҳажми тор ва узун (2 м) ва чуқурлиги 20 см. У шимолий-шарқ ва жануби-ғарб бўйлаб (35° да) жойлашган. Бу қабрдан топилган буюмлар Ўрта Осиё учун анча ўзига хослиги билан ажралиб туради. Бу тўғри ёки ўртаси ўйилган шаклли баргсимон пойнакларнинг илк бор (7 дона) кўп учрашидир. Афтидан, мархум бошқа ёдгорликларга нисбатан ана шундай бифасиал баргсимон пойнаклар кўп учрайдиган макон вакили бўлган. Ушбу қабрнинг санаси сўнгги неолит даври билан белгиланиши мумкин (Виноградов, Итина, Яблонский, 1986. С. 70). Демак, юқоридаги топилмаларнинг гувоҳлик беришича, неолит даврига оид Қалтаминор маданияти аҳолисида ҳам мархумларни ерга қўйишнинг махсус маросимлар орқали амалга ошириладиган маълум тизими мавжуд бўлган. Қабрларнинг жанубий-шарқ томонга қараганлиги, уларга ҳўжалик ва эстетик (охра) буюмларнинг қўшиб қўмилганлиги шундан далолат беради.

Шундай қилиб, Ўзбекистон ҳудудлари хомо эректуслар томонидан илк бор забт этилган. Сўнгра юртимизга Ғарбий Европада пайдо бўлган неандерталлар кириб келганлар. Маълумки, неандертал типидagi одамлар Ғарбий Европа хомо эректусларидан пайдо бўлганлар ва кейинчалик бутун дунёга тарқалганлар. Адабиётларда бу типдаги гоминидлар бундан 100 минг йиллар муқаддам пайдо бўлган ва Ўрта Осиё ҳудудларини бундан 50-60 минг йиллар бурун эгаллаганлар деб эътироф этилган (Jobere J., 2001. P. 36). Тешиктош боласининг Европа неандерталлари қаторига киритилиши бунинг ёрқин мисоли бўла олади.

Демак, Ўзбекистон ҳудуд сўнгги неандерталлар томонидан эгалланган. Инчунун, биз мамлакатимиздаги ўрта палеолит даврига оид материалларни кузатар эканмиз, уларда сўнгги мустье даврига хос элементлардан: пластиналар ва баъзан микропластиналар, микроқирғиччалар ва ҳақозо белгиларни кузатамиз. Шуни таъкидлаш жоизки, шу кунгача коммунистик назария билан қуролланган фан неандерталларни замонавий одамнинг аجدодлари, деб келди. Аммо, кейинги йилларда Европа олимлари олиб борган тадқиқотларда бу типдаги гоминидлар инсоният шаклланиши тадрижий тараққиётидан четлашган шаҳобчаси бўлиб, улар бизнинг аجدодларимиз эмаслиги аниқланди (Vandermeersch, 1988. P. 61). Одамнинг тўғридан-тўғри ўтмишдоши ҳисобланган архаик типдаги хомо сапиенслар эса Яқин Шарқда бундан 100-80 минг йиллар муқаддам яшганлиги аниқланган. Бироқ, юртимизда уларнинг излари ҳануз топилганича йўқ. Лекин улар албатта, шарқни ғарб билан ва жанубни шимол билан боғловчи транзит йўл устида жойлашган Ўзбекистон ҳудудларини четлаб ўтганликларига ишониш қийин. Кейинги археологик тадқиқотлар бундай бўшлиқни тўлдиради, деб умид қилиш мумкин.

Фойдаланилган адабиётлар:

Алексеев В.П. Человек. Эволюция и таксономия М., 1985.

Алексеев В.П. Положения Тешик-Гашской находки в системе гоминид // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.

Амиркулов Б.А. Исследование погребения неолитической стоянки в селении Сазаган // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава ист. фака СамГУ им. А. Навои. Самарканд, 1982.

- Амиркулов Б.А.** Результаты исследования археологической экспедиции СамГУ в 1981 г. // Вопросы этнографии и археологии (на узб. языке). Самарканд, 1984.
- Бижанов Е.Б.** Первое неолитическое погребение на Устюрте. Ташкент, 1978.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Древнейшее население низовий Аму-Дарьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.: "Наука", 1986.
- Виноградов А.В.** Охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Древнейшее население низовий Аму-Дарьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.: "Наука", 1986.
- Деревянко А.П.** Эволюция человека // Фан ва турмуш. № 3, 4, 5. Тошкент, 2008.
- Джуракулов М.Д.** Работы в Самаркандской области // АО 1981. М., 1983.
- Джуракулов М.Д.** Итоги археологических исследований Придаргомской степи в 1980 г. // Вопросы археологии, древнейшей истории и этнографии. Самарканд, 1981.
- Джуракулов М.Д.** Раскопки стоянки Сазаган // АО, 1980. М., 1981.
- Джуракулов М.Д.** Исследование археологической экспедиции СамГУ неолитической стоянки Сазаган 2 в 1981 г. // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава ист. фака СамГУ им. А. Навои. Самарканд, 1992.
- Джуракулов М.Д.** Работы в Самаркандской области // АО 1981. М., 1983.
- Джуракулов М.Д.** Некоторые итоги исследований неолитических стоянок в селении Сазаган // ОНУ, № 6. Ташкент, 1983а.
- Джуракулов М.Д.** Исследование стоянки Сазаган 2 // АО 1982 г. М., 1984.
- Джуракулов М.Д.** Предварительные результаты исследования неолитической стоянки Сазаган // Вопросы этнографии и археологии (на узб. языке). Самарканд, 1984а.
- Джуракулов М.Д., Ходжайов Т.К.** Культура и население неолитической стоянки Сазаган // Вопросы этнографии и археологии (на узб. языке). Самарканд, 1984.
- Джуракулов М.Д.** Итоги археологических исследований Придаргомской степи в 1980 г. // Вопросы археологии, древнейшей истории и этнографии. Самарканд, 1981.
- Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М.** Палеолитическая стоянка Сельунгур в Ферганской долине // ВА, вып. 80. 1988.
- Окладников А.П.** Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. Южный Узбекистан. (Средняя Азия). Тешик-Таш. Палеолитический человек // МГУ, 1949а.
- Окладников А.П.** Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. Южный Узбекистан. (Средняя Азия). Тешик-Таш. Палеолитический человек // МГУ, 1949а.
- Ульрих Г.** Искусственные повреждения на ископаемых человеческих костях // XI Конгресс ИНКВА. ТД. Т. 3. М., 1982.
- Сайфуллаев Б.К.** "Оби-Рахмат одами" хакида айрим мулохазалар. Ўзбекистон тарихи моддий маданияти ва ёзма манбаларда. Тошкент, 2005.
- Ягодин В.Н.** Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
- Jobere J.** Mousterienne en Europe. Paris. 2001.
- Lumley H. de et al.** Origine et Évolution de l' Homme. Paris, 1984.
- Leakey R.E.** La naissance de l' Homme. Ed. du Fanal, 1981.
- Lordkipanidze D., Gagnepain J.** La Géorgie berceau des Européens. Musée de Préhistoire de Gorges du Verdon Route de Montmeyan 04500 Quinson, 2003.
- Vandermeersch B.** Dictionnaire de la Préhistoire. Universitaires de France, Paris, 1988.
- Wood Bernard.** Hominid revelations from Chad. News and views. Journal: Nature Publishing Group, 2002.

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН В УЗБЕКИСТАНЕ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (Часть 2)*

© 2011. В.Д. Рузанов
Институт археологии АН РУз

Во второй части работы мы обратимся к формам изделий, анализ которых, как известно, позволяет решать такие важные проблемы как генезис, хронология, культурные и торговые связи, в том числе и интересующий нас вопрос о миграциях племен. В эпоху палеометалла приход новых этнических групп на уже освоенные земли чаще всего приводил к установлению торговых связей между ними и коренным населением. При этом обменивались разные продукты, в том числе металлы – золото, серебро, медь, бронза и железо.

Взаимодействия между племенами вели к различного рода заимствованиям. В области металлургии и металлообработки чаще всего заимствовали сырье, о чем весьма подробно на материалах памятников Узбекистана и смежных территорий было сказано в предыдущей нашей статье (Рузанов, 2010). В меньшей степени местные литейщики заимствовали формы предметов, хотя надо отметить, что эту сторону древних взаимоотношений характеризуют довольно много примеров. Результаты спектроаналитических исследований свидетельствуют также об импорте самих вещей, попадавших в результате обмена населению разных культур. Те же химические данные говорят о том, что местные мастера иногда заимствовали технологию употребления сплавов. Что касается заимствования самой идеи металлургического процесса, то такие примеры обычно фиксируются на ранней стадии зарождения этой отрасли древнего хозяйства. Полученные материалы морфологического и химико-металлургического характера по упомянутым выше категориям заимствования и станут той основой, на которой будут сделаны заключения о передвижениях групп населения на исследованной территории.

Металлургию и металлообработку эпохи энеолита, ранней и средней бронзы Узбекистана характеризуют памятники со следами металлургического производства Внутренних Кызылкумах (Виноградов, Кузьмина, 1970; Виноградов, Мамедов, 1975), бассейне р. Зарафшан (Гулямов и др., 1966; Аванесова, 2002) и комплексы из Ферганской долины (Массон, 1939; Заднепровский, 1962; Кузьмина, 1966). Следует также отметить материалы из поселения Саразм (Исаков, 1991), расположенного в верховьях р. Заравшан, поскольку металлообработка этого памятника, как показывают результаты исследования изделий, была частично связана с кызылкумским или казахстанским металлургическим центром (Исаков, Рузанов, 2007).

Анализ шлаков и руды со стоянок Лявлякана, Аякагитмы и Беш-Булака в Кызылкумах привёл к интересным выводам по технологии выплавки меди. Сравнения

---

*Работа осуществлена при финансовой поддержке Фонда поддержки фундаментальных исследований Академии наук РУз - грант №ФП 76-10.

технологического процесса получения меди на кызылкумских стоянках с технологией на сопредельных территориях (Южная Туркмения и Иран) позволили прийти к версии о воздействиях южнотуркменистанского и иранского импульсов, приведших к появлению в Кызылкумах собственной металлургии меди. По мнению С.А. Григорьева (1996. С. 117), это было связано с проникновением в Кызылкумы южного населения. В результате в эпоху ранней бронзы в этот регион пришла иранская техника тигельного металлургического производства. О том, что группы племен южных культур достигли Кызылкумских гор в эпоху бронзы говорят литейные формы для отливки двулезвийных и однолезвийных топоров со стоянки Лявлякан 506 (рис. 1а), находящие аналогии в Южной Туркмении, Иране и странах Старого Света (Виноградов, Кузьмина, 1970).

Передвижения групп древневосточных племен в бассейн р. Заравшан в эпоху энеолита, ранней и средней бронзы фиксируют случайные находки двулезвийных топоров-тесел (рис. 1а, б), обнаруженные в Джаме, Мысре и Пянджикенте (Тереножкин, 1948; Кузьмина, 1966; Аванесова и др., 2005; Рузанов, 2010). Неоспоримые доказательства этих миграций получены в материалах заманбабинской культуры (Гулямов и др., 1966) и Саразма (Исаков, 1991)), содержащих изделия южных форм. К аналогичному выводу приводят также результаты спектрального анализа металла, которые свидетельствуют о том, что ряд предметов из этих памятников изготовлены из меди и бронзы ирано-афганских источников сырья (Исаков, Рузанов, 2008; Рузанов, 2008; 2010). При этом отметим, что такая медь была сюда привнесена племенами, проживавшими на юге Туркменистана. На передвижение групп древневосточных племен в Юго-восточный Таджикистан в эпоху развитой бронзы указывает находка втульчатого двулезвийного топора-тесла (рис. 1б), найденного близ кишлака Шар-Шар (Тереножкин, 1948. Рис. 36; Кузьмина, 1966. Табл. I.7; Литвинский, 1961. Рис. I.2; Виноградова, 2004. Рис. 40.4).

Вместе с тем отметим, что кроме южного металла в металлических комплексах Заманбабы и Саразма зафиксированы изделия, сделанные из меди северного источника. Такой металл принесли с собой степные племена, пришедшие во второй половине III тыс. до н.э. в бассейн р. Зарафшан из Северо-западного Узбекистана (Кызылкумские горы) или Казахстана.

С иранским воздействием ученые связывают появление в конце III - начале II тыс. до н.э. Хакского и Афлатунского кладов в Ферганской долине (Массон, 1939; Заднепровский, 1962; Кузьмина, 1966). Примерно к этому же времени относится могильник Шагым (Аманбаева и др., 2006), оставленный древневосточными племенами (возможно, саразмцами) на востоке этой долины (рис. 1в).

В эпоху поздней бронзы миграции групп древневосточных племен на территорию Узбекистана продолжались. В результате в Северной Бактрии на юге Узбекистана формируется городская культура Сапалли (Аскарков, 1973; 1977; Аскарков, Абдуллаев, 1983; Аскарков, Ширинов, 1993) с высоким для того времени уровнем развития металлообработки (Рузанов, 1982). В проанализированной серии металлических находок этой культуры имеются импортные предметы, которые, как мы полагаем, были связаны с металлургическими центрами, функционировавшими в метрополии Ирано-Афганской металлургической провинции. В частности, это крестовидная печать-амулет и печать с ручкой-петелькой и зооморфным изображением (рис. 2а) из поселения Сапаллитепе, отличающиеся по своим рецептурным и морфологическим показателям от других печатей Южного Узбекистана. Не находят они ана-

логий в среди таких вещей, происходящих из памятников Южного Туркменистана. Видимо, данные находки являются импортом из Сеистана (Рузанов, 2001), где также встречаются печати отлитые, как и сапаллинские образцы, из оловянной бронзы (Dominique, 1989). Поскольку указанные выше печати были найдены в комплексах раннего, сапаллинского периода, то можно допустить влияние сеистанского импульса на формирование сапаллинского очага. Вместе с тем, как было установлено на другом металлическом материале, характеризующим начальный период развития культуры (Рузанов, 2005), в сложении здешней металлообработки был также задействован мургабский импульс (рис. 2б).

Позже, в середине – второй половине II тыс. до н. э. группы племён уже самой сапаллинской культуры участвуют в миграции с целью освоения новых земель и добычи металла. Их передвижения, которые были направлены в Южную Туркмению (Мургабский оазис), Юго-восточный Таджикистан и на северо-восток Узбекистана, фиксируют материалы разных категорий памятников. В Юго-восточном Таджикистане аналогии сапаллинскому металлу встречаются в могильнике ранний Тулхар (Мандельштам, 1968), погребальный инвентарь которого содержит ряд металлических предметов древневосточного типа (рис. 2а). При этом отметим, что изделия данного комплекса сделаны по рецептуре сплавов, использовавшейся мастерами древневосточных культур (Рузанов, 2007). Ярким свидетельством передвижения групп популяции культуры Сапалли в Гиссарскую долину и Дангаринский район служат, характерные для поздних периодов ее развития, находки маленьких votivных предметов, имитирующие ножи, серпы, сосуды, вилы и т.п. (рис. 2а), которые имеются в весьма большом количестве в материалах могильника Тандыр-йул, поселения и некрополя Кангурттут (Виноградова, 2004). Приход групп населения этой же культуры в восточную Фергану документирует маленькая копия двулезвийного ножа из поселения Дальверзин. Не исключена вероятность того, что металлурги чувской культуры заимствовали у сапаллинцев форму зеркала с боковой ручкой. Возможно, что форму таких зеркал переняли и литейщики бургулюкской культуры, распространенной в Ташкентской области. Появление зеркал данного разряда фиксируется в Согде (Аванесова и др., 2005), правда, у согдийского экземпляра ручка и каемка диска украшена орнаментом, характерным для степных племен. О тесных взаимоотношениях сапаллинцев в западном направлении с населением Мургабского оазиса говорит ряд изделий, особенно votivные предметы, которые были зафиксированы в могильнике Гонур (Sarianidi, 2007). Типологические аналогии мы находим также в оружии, орудиях труда, металлической посуде и культовых предметах (рис. 2б).

Металлические предметы, характерные для древневосточных культур, обнаружены в степных памятниках на северо-западе Узбекистана. Речь идет о тазабагъябской культуре. К примеру, на поселении Кокча 15 найдена стержневидная подвеска с рельефными шишечками у основания и крюком для крепления (рис. 2а). Появление данного украшения в Южном Приаралье, видимо, было обусловлено передвижением группы земледельческих племен, оставивших могильник Сумбар в Юго-западной Туркмении. С южным импортом исследователи (Итина, 1977. С.133) связывают находку литейной матрицы для отливки навершия щитковидных булавок с би-спиральной головкой на поселении Кокча 15А (рис. 2а).

Надо отметить, что на фоне южного импорта северный, изготовленный металлами степных очагов, количественно преобладает. Эта разница, конечно, свиде-

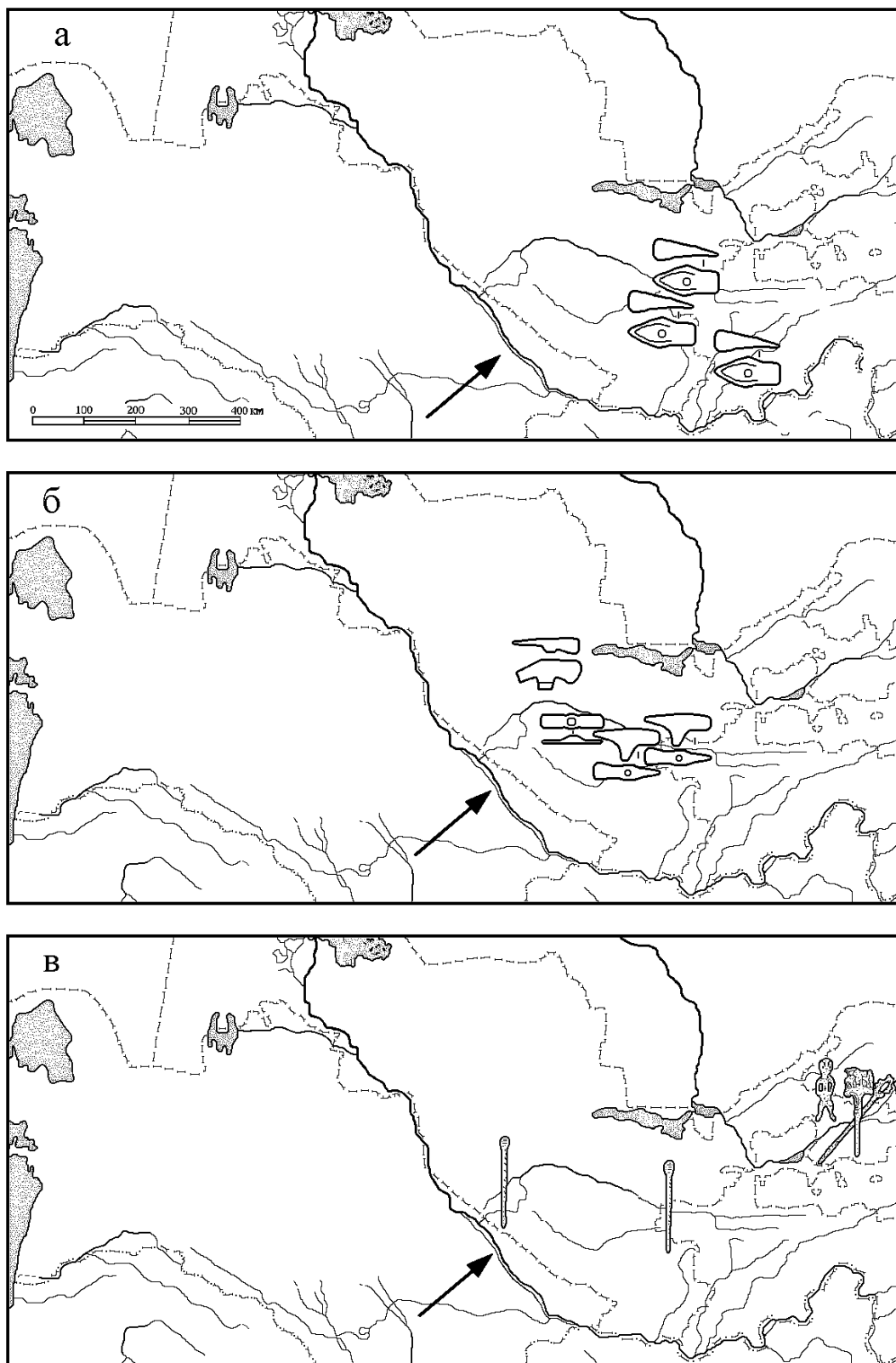
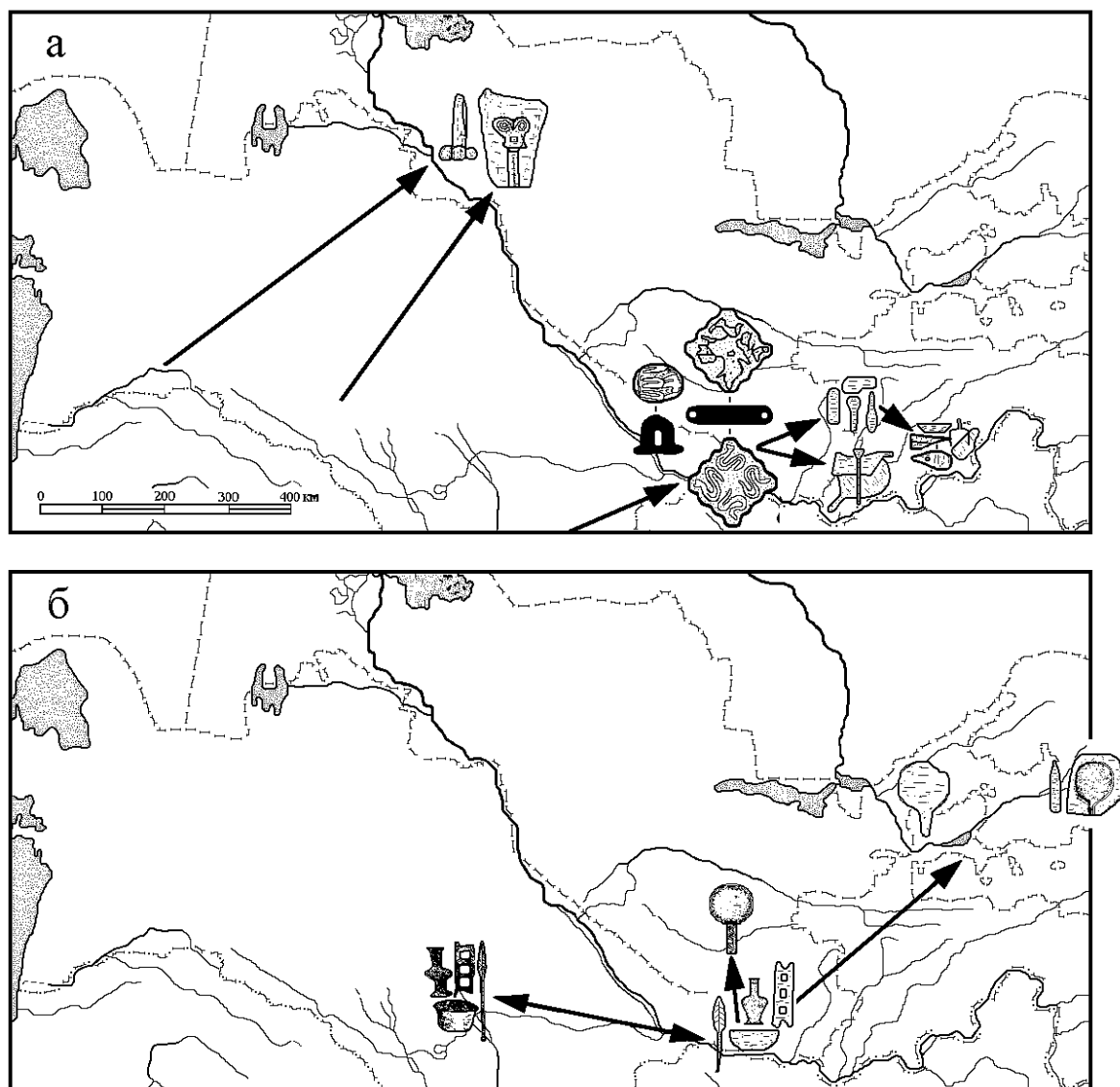

Рис. 1. Карты-схемы распространения импорта и форм изделий древневосточного типа. Эпоха энеолита, ранней и средней формы
Примечание. Здесь и в рис. 2-4 стрелка указывает направление распространения находок изделий и формы.

Рис. 2. Карты-схемы распространения импорта и форм изделий древневосточного типа. Эпоха поздней бронзы.

тельствует о более частом передвижении групп степного населения. В период эпохи поздней бронзы раннее появление популяций степных культур на территории Узбекистана сегодня фиксируют стоянка Тугайное (Аванесова, 1994; 2002), наконечник стрелы синташтинского типа в материалах поселения Сапаллитепе (рис. 3а; Аванесова, 2010) и Чимбайлыкский клад (Городцов, 1916; Тереножкин, 1948; Литвинский и др., 1962; Кузьмина, 1966; Аванесова, 1978). В этом списке памятников стоянка и наконечник стрелы представляют петровскую культуру, распространенную на Южном Урале и Северном Казахстане. Судя по местонахождению находок, группы этой культуры, пройдя не одну сотню километров из своей метрополии на юг, сделали остановку в среднем бассейне р. Зарафшан, и далее продолжили свой путь на юг Узбекистана, где, встретившись с племенами сапаллинской культуры, обменяли наконечник стрелы на что-то из местных продуктов.

Довольно много примеров импорта изделий степного типа установлено в северной зоне Узбекистана и Таджикистана. Так, с металлургией Приуралья связывается втульчатый топор (рис. 3а) из Чимбайлыкского клада (Рузанов, 1988). Из Приуралья или, возможно, Западного Казахстана к племенам тазабагъябской культуры попал слабоизогнутый серп с прямой пяткой (рис. 3а). Плоский топор-тесло и двулезвийный нож (рис. 3а, б), найденные на поселении Дальверзин (Заднепровский, 1962; Рузанов, 1999), были привнесены: тесло – либо из Северной Киргизии, либо Семеречья, либо Восточного Казахстана; нож отлит из металла кызылкумского рудного источника и он связан с производством степных (возможно, тазабагъябских) племен. Свидетельством передвижения групп населения из Киргизии, Восточного Казахстана и Алтая в Фергану служат находки литейных матриц для отливки топоров и кирок с гребнем (рис. 3а), обнаруженные на стоянках кайраккумской культуры (Литвинский и др., 1962).

По ряду предметов, сделанных из меди среднеазиатских источников, выявляется перемещение тех же степных племен уже на территории Узбекистана и в сопредельных областях. Например, о северном, кызылкумском импорте, который несли с собой степняки, свидетельствуют: однолезвийные ножи из поселения Джаркутан 1, нож-бритва из могильника «Тигровая Балка», наконечник стрелы из Кучуктепе, однолезвийный нож с металлической рукоятью и наконечник стрелы из памятников бургулюкской культуры, а также двулезвийный нож из поселения Дальверзин (рис. 3а, б). По химическим показателям отчётливые связи с тазабагъябским очагом металлургии имеют желобчатые браслеты, найденные в Гуджайлинском могильнике (рис. 3в). В результате передвижения племен на запад, оставивших Дашти-Козы в верхнем бассейне р. Зарафшан (Исаков, Потемкина, 1989), в инвентарь могильника Муминабад (Лев, 1966; Аскарлов, 1966, 1970; Кузьмина, 1966; Аванесова, 1991) вошли подвеска с раструбом и зеркало с ручкой-петелькой (рис. 3в). В этом же памятнике и некрополе Чакка зафиксированы бочонковидные бусы и бусинки типа «бисер» даштикозинского происхождения (Рузанов, 1990). Такие же бусы (рис. 3в) и с таким же химическим составом встречаются в комплексе поздней фазы развития сапаллинской культуры (Аскарлов, Рузанов, 1990), что наводит на мысль об участии зарафшанских степных групп в миграциях на юг Узбекистана в последней трети II тыс. до н.э. Доказательством таких передвижений служат пластинчатые подвески со свернутой втулкой из могильника Джаркутан 4, известные в Чакке (рис. 3в). Химическая, металлургическая и типологическая близость желобчатых браслетов с литыми «рожками» из погребений Искандер и Аурахмат (Уварова, 1891; Воронец, 1948; Тереножкин, 1950; Оболдуева, 1955; Литвинский и др., 1962; Кузьмина, 1966; Аванесова, 1991) свидетельствует, что население, оставившее их, составляли единую группу людей, проживавших в северной части Ташкентской области (рис. 3в). Видимо, эта же группа посетила Ферганскую долину, дойдя до ее восточных окраин, как на это указывают находки аналогичных браслетов из Узгена (Гамбург, Горбунова. 1956; Кузьмина, 1966).

Отмеченные выше материалы дополняют примеры подражания форм степной бронзы, выявленные в комплексах земледельческих памятников, в частности сапаллинской культуры. Такого рода заимствования фиксируют не только маленькие металлические копии, но и предметы обычного размера. Так, в эту серию находок, типичных для степной бронзы, входят браслет из желобчатой пластины из могильника Джаркутан 4 и однолезвийный нож с рукоятью и отогнутым к спинке концом

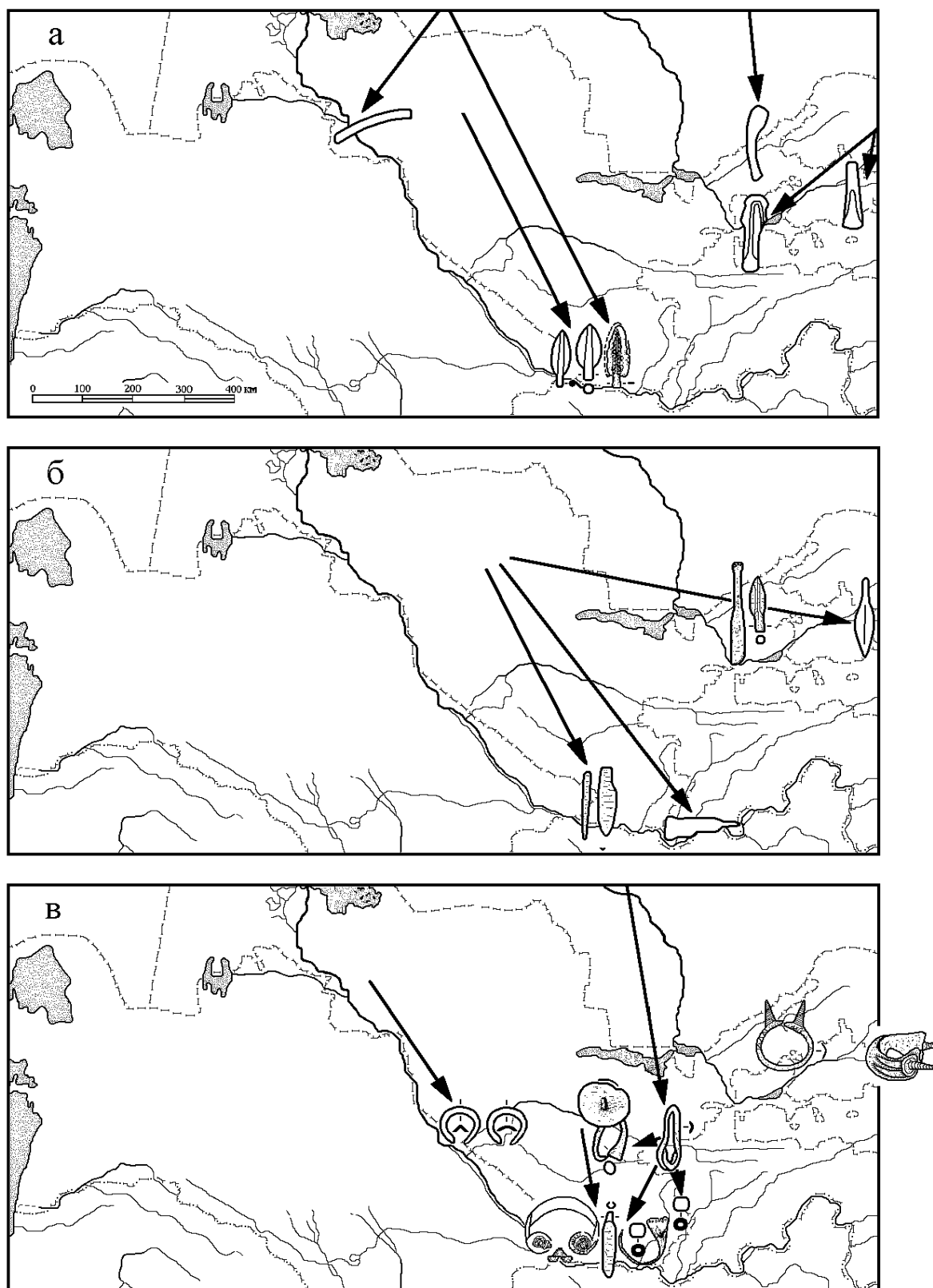

Рис. 3. Карты-схемы распространения импорта и форм изделий степного типа. Эпоха поздней бронзы.

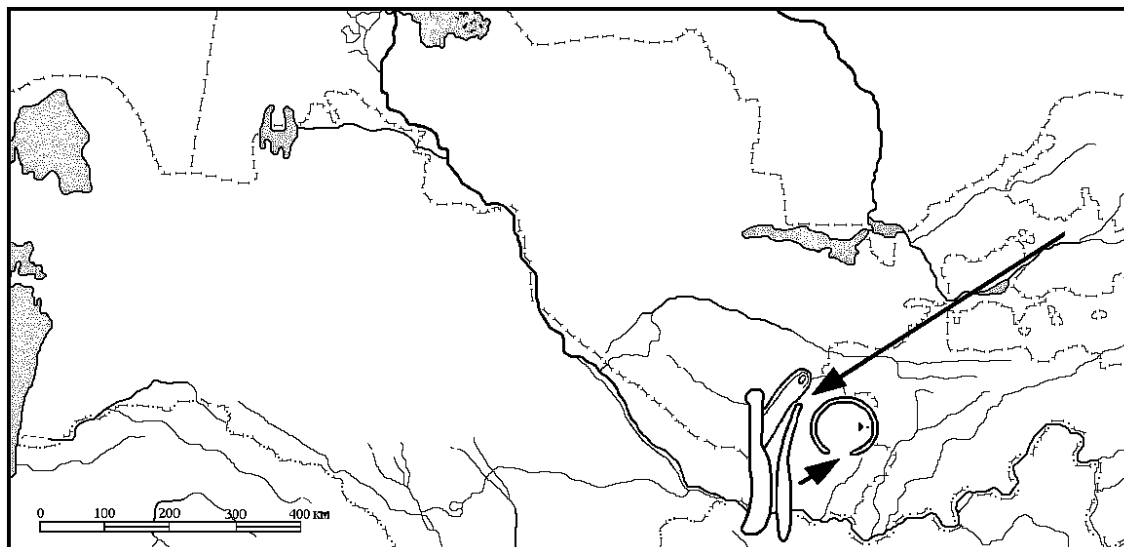
лезвия из одноименного поселения. На их местное изготовление указывает медь, имеющая не северное, а южное, ирано-афганское происхождение, которой часто пользовались сапаллинские кузнецы-литейщики. Мы не исключаем возможности, что исследования химического состава металла других, пока еще не изученных в химико-металлургическом плане предметов, типичных для степной бронзы, выявят не импорт, о котором пишут ныне ученые, а подражание, т.е. заимствование формы, по которой литейщики древневосточных культур могли сделать морфологически сходное изделие.

Спектральный анализ металла изделий позволяет говорить также о заимствовании технологии употребления сплавов. Причем такого рода заимствования имели место, как у литейщиков степных племен, так и у кузнецов земледельческого населения. Что касается первого варианта, то о нем мы уже упоминали выше, приведя в качестве примера предметы бешкентской культуры, сделанные из сплавов, характерных для металлообработки древнеземледельческих племен. По второму варианту, когда уже мастера земледельческих культур употребляли сплавы, приготовленные по степному рецепту, таким примером могут служить проволочные браслеты, обнаруженные в Сурхандарьинской области (Рузанов, 2006). Данные вещи сделаны из высокооловянной бронзы (олова 20% и 30%). Сплавы со столь высокой искусственной примесью олова здешние литейщики в производстве не только украшений, но и других категорий изделий не использовали. Зато оловянная бронза с большим содержанием олова была присуща степной металлообработке федоровского времени. При этом укажем на то, что кузнецы степных культур обычно изготавливали браслеты из желобчатой пластины, а не из округлой в сечении проволоки. Возможно, что данные браслеты являлись опытными образцами в практике здешних, скорее всего, сапаллинских мастеров по металлу.

На последнюю треть II тыс. до н.э. приходится миграция групп племен с лепной расписной керамикой, направленные на юг Средней Азии. В них принимали участие носители чувстской и бургулюкской культур. Ярким тому свидетельством служат однолезвийные ножи с «монетовидным» навершием на металлической рукояти, встреченные в могильнике Джаркутан 4 (рис. 4). Передвижение племен той же культурной общности, но только в более позднее время, фиксируют, сделанные чувстскими металлургами, ножи с уступом и «горбатой» спинкой и слабоизогнутые серпы с суженным к носу лезвием и отверстием для крепления в комплексах поселения Кучуктепе (рис. 4). К слову отметим, что передвижения групп племен с лепной расписной керамикой на юг, в частности в Северную Бактрию, в конце эпохи поздней бронзы были неоднократными. На это указывает весьма заметная в коллекциях здешних памятников доля импортной меди фергано-ташкентского происхождения. Особенно часто таким металлом (более 80% от общего количества изделий) пользовались литейщики земледельческих племен (Тандыр-йул, Кангурттут) Гиссарского и Дангаринского районов Юго-западного Таджикистана (Рузанов, 2011. Табл. 3). Сходную ситуацию мы наблюдаем в металлообработке кучукской культуры, которая также зависела от сырья ферганских источников (Рузанов, 2011. Табл. 3).

Вместе с тем нами получены свидетельства передвижения групп популяций с лепной крашеной керамикой в обратном направлении – с юга на север. К их числу относится браслет, изготовленный из полукруглой в сечении проволоки (рис. 4), найденный на поселении Турткультепе, культурные слои которого содержат рас-

Рис. 4. Карта-схема распространения импорта изделий культур с лепной расписной керамикой. Эпоха поздней бронзы.

писную керамику эпохи раннего железа и материалы средневековья. Как установлено, украшение изготовлено мастерами кучукской культуры. Появление браслета в верховье Кашкадарьи, скорее всего, было связано с переселением какой-то группы представителей этой культуры, принесших его с собой и осевших в предгорье Яккабагских гор.

Как видим, миграционными процессами были охвачены популяции всех известных на территории Узбекистана и других республик Средней Азии общностей культур. По металлическим материалам в истории этих передвижений можно выделить два этапа. Первый этап связан с движением групп древневосточных поселенцев с юга на север в эпоху позднего энеолита, ранней и средней бронзы. Кроме того, в эпоху развитой бронзы имели случаи перемещения племен древнеямной, а позже катакомбной культур из Евразии в Кызылкумы. (Виноградов, Мамедов, 1975). И не исключена вероятность того, что некоторые из этих популяций уже были знакомы с металлом и, возможно, металлургией. Количественное превосходство металлических находок южных форм и металла южного происхождения в памятниках эпохи энеолита, ранней и средней бронзы Северного Узбекистана и Северного Таджикистана свидетельствует о более активных перемещениях древневосточных племён на данной территории в это время, нежели популяций со скотоводческим укладом хозяйства.

Второй этап характеризуют миграции степных племён из степей Евразии во II тыс. до н.э. на север Средней Азии и далее в Южный Узбекистан, Юго-западный Таджикистан и Южный Туркменистан. Во второй половине II тысячелетия до н.э. их популяции освоив оазисы северного Узбекистана и Таджикистана, вошли на территорию, заселенную в то время земледельческими племенами. В результате в памятниках южных областей появился металл, характерный для степной бронзы. Все это свидетельствует о большой активности передвижений носителей степного круга культур в эпоху поздней бронзы. На юг Средней Азии, вместе со степным населением, перемещались группы племен культур с лепной расписной керамикой. Ми-

грации популяций данной общности происходили и в обратном направлении – с юга на север. Правда, их передвижения в этом направлении были редкими.

Использованная литература:

- Аванесова Н.А.* К вопросу о вислообушных топорах андроновского культурного массива // Тр. СамГУ. Вып. 348. Самарканд, 1978.
- Аванесова Н.А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР /По металлическим изделиям/. Ташкент, 1991.
- Аванесова Н.А.* Тугайное горно-металлургическое поселение эпохи бронзы Заравшана //«История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии» – к 60–летию Таджикско-Памирской экспедиции: Тез. докл. Межд. науч. конф. Худжанд, 1994.
- Аванесова Н.А.* Новые материалы эпохи бронзы Заравшанской долины // АИ в Уз. Ташкент, 2002.
- Аванесова Н.А., Шайдуллаев Ш.Б., Еркулов А.* К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла //В сборнике: «Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии». МИЦАИ. Самарканд-Бишкек, 2005.
- Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.У., Мэрфи Д.М.* Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы // Археологические исследования в Узбекистане - 2005. Ташкент, 2006.
- Аскарлов А. А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
- Аскарлов А.А.* Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. Вып. 122. М., 1970.
- Аскарлов А. А.* Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскарлов А.А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н.* Джаркутан /К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана/. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д.* Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.* Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д.* Первобытный Лявлякан. М., 1975.
- Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е.* Литейные формы из Лявлякана // СА. №2. М., 1970.
- Виноградова Н.М.* Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004.
- Воронец М.Э.* Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР // Тр. ИИА АН УзССР. Т.1. Ташкент, 1948.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. Вып. 63. М., 1956.
- Городцов В.А.* Культура бронзовой эпохи в Средней России. Изв. Арх. Общества. М., 1916.
- Григорьев С.А.* Производство металла в Средней Азии в эпоху бронзы // В сб. «Новое в археологии Южного Урала». Челябинск, 1996.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. № 118. М.-Л., 1962.
- Исаков А.И., Потемкина Т.М.* Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. №1. М., 1989.
- Исаков А.И.* Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе, 1991.
- Исаков А.И., Рузанов В.Д.* Результаты спектральных исследований металла поселения Саразм // Тр. МАЭ. Т.2. М., 2008.
- Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья (II-начало I тыс. до н.э.)// Тр. ХАЭЭ. Т.Х. М., 1977.
- Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4 -9. М., 1966.
- Массон М.Е.* Археологические исследования в Узбекистане // «Наука в Узбекистане за XV лет (1924 -1933)». Ташкент, 1939.
- Лев Д.Н.* Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА. Вып. 108. М., 1966.
- Литвинский Б.А.* О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Изв. АН Тадж.ССР. №1 /24/. Душанбе, 1961.

- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А.* Древности Кайрак-Кумов /Древнейшая история Северного Таджикистана/. Душанбе, 1962.
- Оболдуева Т.Г.* Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области // КСИИМК. Вып. 59. М., 1955.
- Рузанов В.Д.* История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф.... дисс. канд. ист. наук. МГУ. М., 1982.
- Рузанов В.Д.* К вопросу о происхождении Чимбайлыкского клада // ИМКУ. Вып.22. Ташкент, 1988.
- Рузанов В.Д.* Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
- Рузанов В.Д.* К вопросу о происхождении двух металлических печатей из Сапаллитепа // Термиз шахрининг жахон цивилизациясида тутган урни. Тошкент-Термиз, 2001.
- Рузанов В.Д.* К вопросу о истоках происхождения металлообработки сапаллинской культуры Южного Узбекистана // В сб. «История Узбекистана в археологических и письменных источниках». Ташкент, 2005.
- Рузанов В.Д.* Химико-металлургическая характеристика двух наручных браслетов из Сурхандарьинской области // ИМКУ. Вып. 35. Самарканд, 2006.
- Рузанов В.Д.* Некоторые итоги изучения металла заманбабинской культуры // ИМКУ. Вып. 36. Самарканд, 2008.
- Рузанов В.Д.* Металлургия Согда в эпоху энеолита и бронзы // В сб. «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». Материалы Международной конференции. Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. Самарканд-Ташкент, 2010.
- Рузанов В.Д.* Миграции племён в Узбекистане в эпоху энеолита и бронзы. Часть I. Направления и трассы передвижений племён по результатам спектрального анализа металла и археолого-геологическим данным обследования медно-оловянных рудных месторождений Узбекистана // Археология Узбекистана. Вып. 1. Самарканд, 2011.
- Рузанов В.Д., Лушпенко О.* Некоторые результаты изучения химического состава металла бургулюкской культуры // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
- Тереножский А.И.* Археологические находки в Таджикистане // КСИИМК. Вып. XXX. М., 1948.
- Тереножский А.И.* Согд и Чач / Автореф. дисс. канд. ист. наук // КСИИМК. Вып. 33. М., 1950.
- Уварова П.С.* Туркестанский музей в Ташкенте. Прибавление VI к ее статье: Областные музеи // Тр. VII археологического съезда в Ярославле. Т.П. Санкт-Петербург, 1891.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М., 1970.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (Сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Dominiqve B.* In nouve au nemoin des relations entre Mari et Le Monde Iranien au III eme Millenaire. PAR. Jranica Antiqua. Vol. XXIV, 1989.
- Sarianidi V.* Necropolis of Gonur.- Athens, 2007.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГИДРОГРАФИЯ ЗАПАДНОГО СОГДА
(по археолого-топографическим данным и на основе сведений из книги
Мухаммада ан-Наршахи “Тарих-и Бухоро”)

© 2011. Ш.Т. Адылов, С.Т. Бабаев
Институт археологии АН РУз

По представлениям средневековых арабских и персидских географов, в частности ал-Истахри (пер. пол. X в.), Согд (Центральный Согд) - это территория от Самарканда на востоке до города Дабусийа (городище Кала-и Дабус на левом берегу Зарафшана вблизи восточных окрестностей райцентра Зиаддин Пахтачинского тумана Самаркандского вилоята) - на западе (Бартольд, 1965. С. 485-488). Очевидно, частью этой территории являлись и расположенные вблизи западных окрестностей Дабусийи селения, входившие в округу древнего города. Стало быть, несколько западнее от данного пункта и тянулась эта условная граница, разделявшая долину Зарафшана на две большие исторические области.

В состав Западного Согда входили следующие отдельно расположенные и окружённые степными пространствами оазисы: Бухарский, Карминийский, Верхне-Харканийский (Канимехский), Пайкендский, Нурский (Нуратинский), Кум-Совтанский (Джикамский), Фарабский, Денгизкульский. Скорее всего, частью Западного Согда являлось и старинное селение (ныне посёлок) Карнаб (городище на территории одноимённого посёлка примерно в 30 км к юго-востоку от райцентра Кармана, но в пределах Самаркандского вилоята, вблизи его административной границы с Навоийским вилоятом) и прилегающие к нему окрестности на западной оконечности Зирабулакских высот.

Основную территорию низовьев Зарафшана занимает конусообразный Бухарский оазис. Он представляет собой фактически дельтовую зону реки. Современный климат в этой местности сухой, резко-континентальный. Посевы, орошаемые осадками, которые местами практикуют в соседних исторически-согдийских районах, здесь попросту невозможны. Данное обстоятельство предопределяет огромную роль искусственного орошения в хозяйственном укладе местного населения и в жизни оазиса в целом. Благодаря достаточно большому уклону местности полив земель здесь можно проводить самотёком из каналов, и различные водоподъёмные механизмы широкого применения не имеют.

С севера и запада оазис граничит с землями древнего орошения, примыкающими к Кызылкумам; их большая часть засыпана песками. Песчаная пустыня к северу вплоть до низовьев Сырдарьи, пересечённая кое-где незначительными по высоте и протяжению горными хребтами (Кульджуктау, Ауминзатау, Тамдытау, Джетымтау, Алтынтау, Букантау) является окраиной Кызылкумов и называется Ичкиликкум. Относительно равнины оазиса граничащие с ним участки Ичкиликкума в основном значительно более возвышены в рельефе. Однако имеются и менее возвышенные и даже пониженные площади, в частности котловина Аяк-Агитма и прилегающие к ней участки (по правому берегу канала Джальван).

С северо-востока к оазису подступают степные пространства, относительно которых орошаемая территория тоже понижена. Именно отсюда и начинается Бухарский оазис, причём роль своеобразного "окна" в него играет узкая Хазаринская теснина. Её как бы зажимают с севера Канимехская степь, а с юга - Чули Малик. Иными словами, это проход в более пониженное пространство, которое река пробила себе ещё в доисторические времена. На северо-восточных окраинах по левому берегу Зарафшана оазис как бы окаймляют Чулималикские, Кызылтепинские и Куйимазарские адыры.

Степь Чули Малик обязана своим "царским" названием памятнику архитектуры XI-XII вв. Рабат-и Малику, расположенному в этой местности на дороге между Бухарой и Самаркандом (в 22 км к западу от города Кармана). Первоначально этот пункт представлял собой степную резиденцию Караханидов. После того, как они сошли с исторической арены, резиденция стала превращаться в рядовой каравансарай; отсюда и один из компонентов названия - "рабат" (Немцева, 2002. С. 227-242). Северная часть степи относительно равнинная, однако по мере продвижения к югу местный рельеф имеет тенденцию к возвышению. В конце концов равнина переходит в платообразный участок под названием Аз-Камар, подступающий к юго-восточным окраинам райцентра Кызыл-тепа. На востоке Чули Малик граничит с Зирабулакскими высотами, а на юге переходит в солончаково-гористую степь Дашт-и Карнаб или Карнаб-Чул. В частности, к этому степному участку относятся прилегающие к Бухарскому оазису с востока и юго-востока солончаки Джумбаг-Джангиль, Тудакуль-Шор, Ходжа-Каб, Шор-Кунджакуль, а также невысокие горы Кайнагач вблизи райцентра Каган. К юго-востоку от гор Кайнагач расположен ещё один участок с невысокими горами Сары-Таш - к северу от райцентра Караул-Базар. С юга к Дашт-и Карнабу прилегают пространства Каршинской степи.

Далее на запад вдоль южной окраины Бухарского оазиса гористая местность сменяется относительно ровными степными площадями - к югу от райцентра Каган и г.Бухара. Постепенно они переходят в урочище Кальта-Кыр - южнее ж/д станции Мургак, а затем - в солончак Саркуль, к югу от селений Раимабад и Яккатут. Местность к югу от Кальта-Кыра и Саркуля, занесённая песками, называется Эгизаккум. Этот участок Кызылкумов расположен на промежутке между оазисом и Каршинской степью.

Равнинное пространство Кызылкумов к западу от оазиса вплоть до поймы Средней Амударьи носит название Кемираккум. В отличие от остальных окраин здесь нет перепада высот. Поэтому территория земель древнего орошения тянется на многие километры к западу от современной границы оазиса. Существует ещё одно старинное название этой территории - Дашт-и Гургандж (в пер. с новоперсидского - дари - "Степь Гурганджа"). В прошлом через неё пролегли торговые пути, соединявшие Бухару с Хорезмом, а в представлении бухарцев Хорезм всегда ассоциировался с одной из её столиц - с Гурганджем (городище Куны-Ургенч). Что касается исторической границы между Западным Согдом и Хорезмом, то она пролегла по левобережью Амударьи через урочище Эшак-Рабат и существовало на протяжении многих столетий (Массон, 1966. С. 199). Русло Амударьи -это не только западная граница исторической области Бухары, но и в широком смысле водораздел между Мавераннахром и Хорасаном. И тем не менее, в отдельные периоды в пойме Средней Амударьи даже левобережные земли относились к Бухаре, в том числе Исенташкалинская и Кабаклинская тугайные зоны (Массон, 1966. С. 190, 193-194).

Через узкую полосу Хазаринской теснины Бухарский оазис на северо-востоке соединяется с небольшим Карминийским оазисом. Данный оазис всегда тяготел к Бухаре в территориальном и историко-культурном аспектах. Сюда входят земли теснины по левому берегу реки, а также пойма канала Кармина, который вытекает из реки с той же стороны. Древний центр оазиса тоже назывался Кармина. Этот топоним сохранился в названии не только канала, но прежде всего в названии современного города, правда в форме "Кармана". Примерно в 3-х км к северу - северо-западу от него, на берегу реки, располагалось само городище, которое в настоящее время полностью разрушено.

Вблизи города Навои от долины Зарафшана отделяется маленький Канимехский оазис, который как бы вклинивается в степь в северо-западном направлении. На севере Канимехский оазис ограничивается западными отрогами хребта Каратау, а на юге - Афтобачинскими адырами Канимехской степи.

Горный хребет, который расположен севернее Каратау, называется Актау. Подобно первому, он тянется в юго-восточном направлении к исторической области Уструшана. Третий самый северный хребет этой системы составляют горы Нуратау. Земли, прилегающие к южным склонам гор - окрестности райцентра Нурата - средневековые географы тоже традиционно относили к области Бухары. И это несмотря на их значительную удалённость - и тот факт, что здесь водоснабжение осуществляется за счёт горных родников и не имеет к Зарафшану никакого отношения. Показательно, что и центр этого оазиса (на месте г.Нурата) в письменных источниках часто именуется Нур-и Бухоро ("Нур Бухарский").

На юго-западе к Бухарскому оазису вплотную подступает веерообразный Каракульский оазис. Оба оазиса разделяет возвышенный степной участок - Каракульское плато. По остальным сторонам Каракульский оазис охвачен пространствами Кызылкумов. Большая часть этих земель стала обживаться сравнительно недавно - в позднем средневековье. И только на восточных участках обживание корнями уходит вглубь веков - здесь сложился древний Пайкендский оазис с центром на месте одноимённого городища.

На юго-западе от Каракульского оазиса, минуя степную зону, начинаются земли древнего Амурского (Чарджуйского) оазиса. Эти орошаемые земли располагаются по обоим берегам Амударьи. Несмотря на их расположение в пойме другой реки, в прошлом они полностью или частично (по правому берегу) тоже имели отношение к исторической области Бухары. Фарабский оазис - это правобережье Амурского оазиса; его административный центр Фараб (городище Куи-кала вблизи ж/д станции Фараб, Туркменистан) упоминается в письменных источниках в качестве крупнейшего города на границе области Бухары с Хорасаном. На противоположном берегу реки таким же статусом обладал Амур. Его городище расположено на окраине г. Туркменабада (бывший Чарджоу).

К юго-востоку от городища Пайкенд и на некотором удалении от южных окраин Бухарского оазиса, т.е. в поймах дельтовых протоков Кашкадарьи, в прошлом существовала весьма протяжённая зона земель орошения. Среди расположенных здесь древних пунктов расселения наиболее известным является городище Кум-Совтан. Оно соответствует средневековому пункту Джикам на одном из торговых путей из Бухары в Нахшаб. Об этом пути упоминает географ ал-Мукаддаси (вт. пол. X в.). Пункт находился на расстоянии одного дневного перехода от Бухары

(Адылов, 2006. С. 13; Адылов, 2011. С. 66-67). В настоящее время этот мёртвый оазис и сухие русла протоков, большей частью занесены песками Эгизаккума.

Далеко к югу от Пайкенда, по берегам полусухого озера Денгизкул (в пер. с узб. "Море-озеро") и впадающего в него протока Тайкыр когда-то также существовал не менее протяжённый район древнего обживания. Денгизкульский оазис по существу является продолжением Пайкендского. Озеро расположено на территории Каршинской степи (в Алатском тумане) примерно в 60 км юго-восточнее райцентра Каракуль, а устье Тайкыра - в Каракульском оазисе. Его русло большую часть года остаётся сухим, а зимой и весной по нему излишние возвратные воды сбрасываются в Денгизкуль. В археологическом плане данный район всё ещё остается неизученным, но, судя по военно-топографической карте 1946 г., в пойме протока и по берегам озера расположено много занятых под старые мазары холмов - тепа, которые, очевидно, являются остатками древних поселений, не говоря уже о колодцах. Можно с большой долей вероятности предполагать, что вдоль берега протока Тайкыр в прошлом пролегал караванный путь из Пайкендского оазиса к этому историческому озеру, а затем на запад и юг - к побережью Амударьи.

Небольшой Карнабский оазис располагался на юго-восточной периферии западного Согда. Водоснабжение здесь осуществлялось за счёт родников и горных речек: Сичкончисай, Карнабсай и др. Ещё в глубокой древности Карнаб имел большое значение не только для Бухары, но, вероятно, и для всей долины Зарафшана, благодаря существовавшему здесь горнорудному промыслу, и прежде всего добыче олова. По этой причине название "Карнаб" носит не только пункт расселения, оазис, но и обширный степной участок. Однако в эпоху развитого средневековья эта роль уже была в значительной мере утрачена - видимо, иссякли месторождения. Во всяком случае Карнаб очень редко упоминается в трудах средневековых географов и путешественников (Адылов, 2006а. С. 280-281).

За исключением известняково-галечных и песчаных возвышенностей Каракульского плато и соответствующих пород в зонах Нураты и Карнаба вся толща верхних наслоений региона представляет собой алювиально-пролювиальные отложения. Поскольку Зарафшан является рекой ледникового происхождения, то уровень воды в нём подвержен значительным колебаниям в течение года. Наибольшее количество воды река получает летом в период наиболее интенсивного таяния снега и ледников в горах. Соответственно количеству воды увеличивается замутиённость реки глиной, песком и органическими веществами, что создаёт массу проблем в эксплуатации оросительных систем. В доисторические времена они оседали на дно естественных лощин и впадин, по которым текли блуждающие протоки. Последние образовывали многочисленные озёра и болота, так что со временем местный рельеф был значительно сглажен за счёт естественных накоплений. Постепенно формировалась дельтовая зона с густейшей сетью естественных русел больших и малых протоков. Обилие воды и плодородие почвы отражалось на флоре и фауне. Большую часть региона в поймах протоков покрывали густые камышовые заросли и тугайные леса, в которых водилась масса дичи. Костные останки кабанов, оленей, барсуков, фазанов, водоплавающих птиц и других типичных представителей тугайной фауны довольно часто отмечаются в древних культурных наслоениях исторических городов и селений Западного Согда. Письменные источники полностью подтверждают эти выводы. Так, например, историк ан-Нишабури (IX в.) (сведениями из его несохранившейся книги в XII в. был дополнен персидский вариант

"Тарих-и Бухоро") отмечал, что прежде на месте города Бухары было болото, а прилегавшие к нему участки суши покрывала густая растительность: камышовые и тугайные заросли, деревья, луга (ан-Наршахий, 1991, 90 бет). Один из поздних редакторов "Тарих-и Бухоро" - ал-Кубави или Мухаммад ибн Зуфар - при описании древнего озера вблизи Байканда (Пайкенда) и его окрестностей отмечал, что во всем Хорасане нет других таких мест, где добывалось столько дичи и рыбы (ан-Наршахий, 1991. 100 бет). По мере освоения всей этой территории под населённые пункты, посевные площади и пастбища были осушены все болота, многие озера и мелкие протоки, сведены на нет тугаи, а вместе с ними исчезли и основные обитатели лесов.

Исследуемый регион и в первую очередь Бухарский оазис имеет в настоящее время сложнейшую и густоразветвлённую сеть русел. Её образуют магистральные каналы, а также их гораздо более многочисленные рукава - арыки. Ещё не так давно - во времена эмирата - длинные магистральные каналы в области Бухары именовались термином "кам". Этот термин происходит от древней иранской глагольной основы "кан", имеющей значение "рыть", "копать", "канал", "место, заполненное водой". В то же время сравнительно небольшие каналы назывались "джуй" (в пер. с фарси-дари - "арык") (Бартольд, 1963. С. 165).

В низовьях Зарафшана основным руслом реки считается наиболее длинный действующий проток, достигающий райцентра Каракуль, где он разветвляется на несколько небольших каналов. Водный сток в Каракульском оазисе почти полностью теряется; исключением является вышеотмеченный канал Тайкыр.

Примерно в 30 км к северо-востоку от Бухары на северных окраинах селения Зармитан расположена местность с примечательным названием Дуоба (в пер. с фарси-дари - "Двуводие"). Начиная с этого пункта упомянутый самый длинный проток носит название Каракульдаря ("река Кара-куля") и является своеобразным водоразделом между правобережными и левобережными землями оазиса. Самые верхние по течению правобережные каналы Канимех, Ичкиликсай, Калкан-Ата и Джальван берут своё начало в Хазаринской теснине, так же как и левобережный канал Кармина. Калкан-Ата и Канимех орошают Канимехский оазис, а русло Джальвана протекает вдоль северной границы Бухарского оазиса с пустыней Ичкиликкум. Каналы Канимех и Джальван относятся к рукотворным источникам новейшего времени. Необходимо уточнить, что к старинному селению Джальван (в местном произношении – Джилвон) одноимённый канал прямого отношения не имеет. Название канала связано с современным селением, которое расположено на его хвостовом участке - к северу от известного городища Варданзи—остатков древнего города Вардана. А между тем развалины старого селения Джальван и его древнего городища расположены в другом месте - примерно в 5 км к юго-западу от нового селения. К тому же первоначальный пункт, который в письменных источниках называется Гарван или Урван, относился к пойме совсем другого канала.

Ичкиликсай - весьма протяжённый естественный проток Зарафшана -высох ещё в глубокой древности. Его сухое русло тянется на северо-запад и достигает котловины Аяк-Агитма. В этой местности некогда располагалась дельта протока. Его продолжением является сухое русло под названием Дарьясай, которое продолжается на запад от котловины.

На северо-восточной окраине Бухарского оазиса у самого выхода из Хазаринской теснины расположен один из основных гидроузлов. Эта местность называется

Раскуй. Отсюда берут начало правобережные каналы Шафиркан, Султанабад, Пирмаст, Калканруд и левобережный канал Абумуслим. Здесь сохранились остатки древней крепости, которая была призвана охранять это стратегически важное место. Крепость называется Абумуслим-тепа, и местная традиция связывает её название с именем знаменитого лидера аббасидского переворота в арабском халифате (745-748 гг.).

Канал Шафиркан тянется в широтном направлении вблизи северных границ оазиса, достигает северных окраин райцентра Шафиркан, затем более западных земель и недалеко от восточных предместий селения Варданзи-Кухна сходит на нет. Однако из этих же мест сухой участок канала тянется на северо-запад к городищу Варданзи.

Канал Султанабад, скорее всего, получил такое название от селения, располагавшегося на его берегу, однако на современной карте такого пункта уже нет; возможно, - его название сменилось. Канал пересекает непосредственно территорию райцентра Шафиркан и достигает расположенного западнее селения Тал-и Сафед. Затем его сухое русло поворачивает на северо-запад в сторону упомянутого городища Джальван.

Канал Пирмаст, протекающий через райцентр Гиждуван, получил свое название от старинного селения, расположенного в его нижнем течении, примерно в 4-х км к северо-западу от райцентра Вабкент. В средневековых письменных источниках селение известно как Бирмас. По-видимому, в прошлом именно здесь располагался хвостовой участок старого канала, а основное русло разветвлялось на мелкие арыки. Однако в настоящее время его новое продолжение в виде коллектора тянется далее на запад, вплоть до земель древнего орошения и пересекает по пути русла других больших арыков.

Калканруд, в отличие от трёх предыдущих, сравнительно небольшой канал. По своей длине он более чем вдвое уступает каждому из них, так что его вряд ли можно причислить к разряду магистральных. Более того, он берёт начало вблизи устья канала Пирмаст. Иными словами, Калканруд является фактически рукавом предыдущего канала, образуя с ним единую гидросистему.

Русло левобережного канала Абумуслим пролегает вдоль границы оазиса со степью Чули Малик. В настоящее время вода из канала едва достигает южных окраин пограничного со степью селения Аксак, которое находится в 5 км к юго-западу от райцентра Кызыл-тепа. Однако в той же местности берёт начало современный сбросовый коллектор Шорарык. Русло коллектора тоже тянется по границе оазиса со степью. В своём нижнем течении он сначала достигает юго-восточных окраин райцентра Каган, а затем впадает в Южно-Бухарский (Куймазарский) канал. Вне всякого сомнения, этот современный коллектор проложен по древнему руслу канала Абумуслим.

В 12 км к югу - юго-западу от Раскуя в местности Хархур расположен второй из основных гидроузлов оазиса. По правому берегу из Зарафшана на запад вытекает Вабкентдарья, а с левого берега в южном направлении - Верхнебухарский канал.

Каналу Вабкентдарья ("река Вабкента") дал название древний город, известный своим замечательным минаретом конца XII в. В средневековых письменных источниках он упоминается как Вабкана. Ныне это райцентр, расположенный по обоим берегам канала. Вабкентдарья является основным и наиболее протяжённым правобережным протоком Зарафшана в низовьях. Примерно в 3-4 км к западу от райцен-

тра в окрестностях селений Тодари и Шористан канал делится на три рукава: один северо-западный и два юго-западных. А чуть ниже по течению вблизи селения Дейча из северо-западного протока вытекает ещё один - западный.

Северо-западный проток называется Зандани, так же как и расположенное в его пойме старинное селение, в котором в Средние Века производили знаменитые ткани из хлопка и шёлка - "занданичи". На своём нижнем участке проток достигает земель древнего орошения на северо-западе оазиса.

Западный проток под названием Сарай-Дейча течёт не только по культурной зоне, но и землям древнего орошения, подпитывая водой небольшое одноимённое озеро. Урочище, в котором оно расположено, тоже называется Сарай-Дейчакуль. В нижнем течении канала на западной окраине оазиса расположено старинное селение Кахиштуван с городищем на окраине. Иногда данный канал тоже называют Кахиштуван, и это название, несомненно гораздо более раннее и возникло одновременно с древним пунктом.

Юго-западные протоки называются Рамитанруд и Хайрабад. Руслу этих каналов расположены недалеко друг от друга, и текут в своих верховьях почти в одинаковом направлении.

Русло Рамитанруда тянется вдоль северных окраин райцентра Рамитан. Затем оно огибает расположенные западнее райцентра остатки знаменитого древнего города с тем же названием (городище Курган-и Рамитан). В прошлом канал в своём нижнем течении делился на множество дельтовых протоков. Их сухие русла прослежены на землях древнего орошения к северо-западу, западу и юго-западу от городища. В частности, один из таких протоков орошал окрестности другого древнего города Рамиш (городище на окраине современного селения с тем же названием), который располагался в 9 км к югу - юго-западу от древнего Рамитана. Сухое русло ещё одного такого протока тянется далеко на запад вплоть до песков Кемирак-кум. В пойме этого протока расположены остатки ещё одного известного древнего города - городища Варахша.

Канал Хайрабад пересекает непосредственно территорию райцентра Рамитан и в дальнейшем достигает северо-западных окраин райцентра Джандор. Судя по военно-топографической карте Бухарской области 1946 г. ещё сравнительно недавно среднее русло канала носило другое название - Авгар. Нижним участком русла фактически является арык Тараб. Устье арыка расположено вблизи известного старинного селения с тем же названием. Здесь же расположено и само городище, являющееся объектом культового поклонения местного населения. Именно в этих местах между селением Тараб и райцентром Джандор русло арыка поворачивает на запад и продолжается на землях древнего орошения. Постепенно вода поглощается песками, однако сухое русло арыка Тараб прослеживается и в расположенном западнее урочище Сатгаркуль. Там оно соединяется с сухим руслом Махандарьи, которая в глубокой древности была крупнейшим хвостовым протоком Каракульдарьи.

Верхнебухарский канал относится к числу современных и был прорыт в связи со строительством Куйимазарского водохранилища. Основная часть русла тянется по степной территории. Часть стока приходится на солёное озеро Тудакуль, расположенное к юго-востоку от водохранилища. Ещё до строительства последнего и образования озера Тудакуль в этой местности располагались обширные по площади солончаковые впадины. На военно-топографической карте 1946 г. они обозначены под названием Джумбаг-Джангиль, Тудакуль-Шор и Ходжа-Каб. Всё указывает на

то, что в глубокой древности здесь были озёра, которые высохли после того, как перестали подпитываться. Стало быть, современные водоёмы возникли фактически на месте древних.

Продолжением Верхнебухарского канала является Куйимазарский, вытекающий из водохранилища. Русло канала окаймляет территорию оазиса с юго-востока и юга. В него стекают сбросовые воды из г.Бухары и окрестностей. Канал достигает северо-восточных границ Каракульского оазиса в непосредственной близости от городища Пайкенд. Здесь ещё сравнительно недавно в 3-4 км к югу от городища существовало полусухое озеро с тем же названием. На геодезической карте Бухарской области, составленной по результатам съёмок 1949, 1950 и 1963 гг. озеро обозначено под названием Янги-Мазаркуль. Озеро полностью перестало существовать после того, как прямой сток из Куйимазарского канала был направлен в Денгизкуль.

В 10 км юго-западнее Хархура в местности Дуоба берёт начало основной левобережный канал Шахруд. Это новоперсидское название можно было бы истолковать как "Царская река", или, точнее, "Главная река", однако в действительности оно является результатом искажения более точной формы "Шахр-Руд" ("Городская река"). Примерно в 4-5 км к юго-западу от Дуоба из Шахруда вытекает первый правый рукав - небольшой канал Паравиз. В своём нижнем течении он достигает селения Лаб-и Паравиз и в дальнейшем разделяется на мелкие арыки.

Примерно в 1 км к юго-востоку от селения Лаб-и Паравиз от Шахруда отделяется второй правый проток - магистральный канал Джун-Гун (варианты названия: Джуз-Гун, Джай-Хун, Джуй-и Хун). Русло канала пролегает к югу от Каракульдарьи на небольшом удалении и пересекает территорию райцентра Галла-Асия. В 9 км к западу от г.Бухары в западных окраинах селения Араб-Хона канал впадает в Каракульдарью.

Чуть ниже истоков Джун-Гуна вблизи селения Дель-Сухта начинается русло третьего правого протока - канала Джуй-и Зар (в недавнем прошлом - Кам-и Зар). Руслу второго и третьего протоков большей частью тянутся очень близко друг от друга и местами даже соприкасаются. Достигнув восточных окрестностей райцентра Джандор, Джуй-и Зар поворачивает на юг и в конечном итоге впадает в Куйимазарский канал восточнее селения Раимабад.

Все эти три протока текут в западно-юго-западном направлении; их русла пролегают севернее г.Бухары. В то же время основное русло Шахруда обеспечивает водой непосредственно город и его ближайшие окрестности. При этом русло разветвляется на множество небольших арыков, большинство из которых тоже имеют конечный сток в Куйимазарский канал.

В настоящее время Зарафшан в своём нижнем течении в значительной мере подпитывается водой из Аму-Бухарского канала, построенного в 50-е годы прошлого века. Почти всё русло канала, выведенного из Амударьи вблизи г.Туркменабада, проложено по степной территории и на значительном удалении от земель Каракульского и Бухарского оазисов. На своём хвостовом участке канал сначала достигает юго-западного побережья Куйимазарского водохранилища, а в дальнейшем его русло продолжается на северо-запад уже по территории Бухарского оазиса. По пути оно пересекает встречные арыки и каналы, пока не достигает Каракульдарьи.

Неотъемлемой частью древней и современной гидрографии области Бухары являются горные притоки Зарафшана, берущие начало из южных склонов Каратау, а

также впадающие в реку родники. Правда, многие горные речки только весной достигают Зарафшана. Летом их вода полностью разбирается на орошение полей, а осенью и зимой они по понятным причинам сильно мелеют.

Говоря о притоках нижних русел Зарафшана, нельзя обойти вниманием многочисленные древние речки, которые начинались на платообразных и горных участках степи Карнабчуль и продолжались до восточных окраин Бухарского оазиса. Здесь некоторые из них впадали в озёра. Ныне об этих речках и озёрах напоминают лишь сухие русла, солончаки и возникшие на соответствующих участках современные водоёмы.

В Южных Кызылкумах между горами Ауминзатау и Букантау тоже прослеживаются сухие русла, которые брали начало из Сырдарьи и, скорее всего, соединялись с Зарафшаном в его низовьях (Буряков, 2009. С. 38).

Однако самым главным притоком Зарафшана в его низовьях была, безусловно, Кашкадарья. В древности эта река называлась Кашкруд (Камалиддинов, 1996. С.16). Ныне вода на хвостовом участке реки полностью разбирается на орошение полей или поглощается песками. Однако в прошлом один из нижних участков русла реки завершался разветвлённой дельтой на степном пространстве к югу от Бухарского оазиса, образуя Кум-Совтанский оазис. В настоящее время действующее русло реки едва достигает ж/д станции Муборак, а далее на северо-запад через Каршинскую степь к юго-восточным окраинам Бухарского оазиса продолжается уже сухое русло. На военно-топографической карте 1946 г. оно обозначено как Карадарья. По берегам этого русла на пространстве между юго-восточными окраинами Бухарского оазиса и райцентром Караулбазар сохранились многочисленные археологические памятники в виде небольших поселений-тепа. Одно из хвостовых ответвлений Карадарьи почти достигало южных окраин райцентра Каган, где в местном рельефе всё ещё отмечаются следы высохшего в древности небольшого озера. Оно некогда подпитывалось этим протоком и обозначено на военно-топографической карте 1946 г. На той же самой карте чуть западнее (примерно в 13 км к югу - юго-западу от г. Бухары) обозначено ещё одно высохшее озеро. Оно подпитывалось другим дельтовым протоком Карадарьи, и его следы также чётко прослеживаются в рельефе местности. Показательно, что одно современное селение, расположенное поблизости, носит название Чукуркуль (в пер. с узб.—"Глубокое озеро"). По-видимому, точно так же именовалось и само исчезнувшее озеро.

Остальные хвостовые ответвления Карадарьи текли на запад вплоть до Каракульского оазиса. Теперь они большей частью засыпаны песками. К пойме одного из них, по-видимому наиболее крупного, относится городище Кум-Совтан - Древний Джикам. В окрестностях райцентра Каракуль до сих пор прослеживается сухое русло одного из этих протоков, которое местные жители называют Арна. По наблюдениям А.Р.Мухамеджанова, в районе селения Дурмон (в 7 км к северо-западу от райцентра Каракуль) Арна соединялась с Каракульдарьёй. Однако прежде чем достичь Каракульдарьи один из рукавов Арны впадал в озеро Пайкенд (Янги-Мазаркуль). В то же время головной сток Арны опоясывал озеро с трёх сторон: с востока, юга и юго-запада (Мухамеджанов, 1978. С. 50). Не исключено, что именно вдоль русла Арны пролегли исторические южные границы области Бухары.

Вполне естественно, что современная гидрография региона не является полным и точным отражением гидрографии древней. Поэтому её нельзя изучать без деталь-

ного анализа письменных и археологических источников, а также картографических исследований (далее см. Рис. 1–2).

Впервые Зарафшан упоминается в трудах античных историков и географов: Ариана, Квинта Курция Руффа и Страбона. Они называли реку Политимет, что в переводе с древнегреческого означает "Высокочтимый" (История Узбекистана в источниках... с. 98-101, 131, 180). Как предполагает В.А. Лившиц, слово "Политимет" является переводом согдийского названия Намич ("Знаменитый", "Славный") и примерно соответствует по смыслу и значению этому древнегреческому термину (История Самарканда..., с. 61). Следовательно, Намич - это предполагаемое и весьма вероятное первоначальное название реки. К этому можно добавить сведение из раннесредневековой китайской хроники "Бэй Ши", в которой река именуется Нами (Бичурин, 1950. С. 272).

По данным ан-Нишабури в древности река называлась Масаф (ан-Наршахий, 1991, 90 бет). Согласно сведениям другого историка IX в. ал-Йакуби, река Самарканда, вытекавшая из гор в стране тюрков, называлась Насаф или Насик (al-Jakubi p. 293). Существует предположение, что последний вариант более приближен к оригиналу и может отражать согдийское название Намик (Намич) (Tremblay, 2004, p. 121). Таким образом, форма "Масаф" вполне может быть результатом последовательного искажения исходного названия Намич.

В трудах арабских географов X в.- ал-Истахри, Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси - приводятся три ранних гидронима Зарафшана: Вади ас-Сугд, Нахр ас-Сугд, Нахр ал-Бухара (Мухамеджанов, 1978. С. 53). "Бади" и "нахр" - слова-синонимы, в переводе с арабского означают "канал", "река". Незвестный персидский автор географического трактата "Худуд ул-Олам" (X в.) тоже называет эту реку Нахр ал-Бухара (Худуд ул-Олам, 1983. С. 69). В вакуфных грамотах Джуйбарских шейхов (XVI в.) река обозначалась как Дарйа -и Кухак или Дарйа-и Харамкам (Иванов, 1954. С. 261, 313-317). По-видимому, первое из этих двух названий употреблялось применительно к верховьям и среднему течению, а второе - к низовьям. Первоначальное значение термина "дарйа" (дарья) на фарси-дари - "море". Впоследствии этим гидронимом стали обозначать и реки. В переводе с фарси-дари "Кухак" означает "Горка", а "Харамкам" можно истолковать как "Обособленный (огороженный) канал" (от арабского слова "Харам" - "Запретное, огороженное, обособленное место", которое затем проникло в иранские, тюркские и другие языки; например в русский—в форме "Гарем").

Нынешнее название возникло уже после XVI в. и в переводе с фарси-дари означает буквально "Рассыпающий золото" (от "зар" - "золото" и "афшон" - "россыпь", "рассыпать"). Обычно данное название связывается с легендой о золотой плотине в головной части реки, которую построил Искандер (Александр Македонский), имея целью осушение болот в низовьях. Просачивавшаяся через плотину вода, якобы размывала её и несла с собой крупинки золота (Мухамеджанов, 1978. С. 61). Как полагает Ю.Я. Якубов, своим поздним названием река обязана тому, что в нижнем течении её вода смывала золотые пески из месторождений в Навоийском вилояте (Якубов, 1988. С. 20). Данное объяснение неубедительно, а "золотоносность" реки - не более чем красивый миф, весьма далёкий от реальности. Как указывал А.Р. Мухамеджанов, современное название реки лишь отчасти связано с легендами, но в то же время в значительной мере с исторической топонимией Бухарского оазиса (Мухамеджанов, 1978. С. 61).

Сразу же следует отметить, что река в древности, по существу, являлась притоком Джайхуна (одно из наиболее известных древних названий Амударьи), хотя античные историки и сообщают об отсутствии постоянного стока Политимета в Окс (античное название Амударьи) во времена Александра Македонского (История Узбекистана в источниках..., с. 101, 180). Русло Вабкентдарьи действительно терялось в песках примерно в 25-30 км к западу от городища Варахша. С большой долей вероятности можно предположить, что во время восстания в Согдиане (329 г. до н.э.) по берегам именно этого протока продвигались на запад Спитамен и преследовавший его Александр. Первый из них продолжил путь к пойме Джайхуна, после чего направился на северо-запад в Хорезм, где и укрылся. Упустивший Спитамена Александр достиг тех мест, где вода терялась в песках, после чего повернул обратно.

Однако Каракульдарья определённно точно достигала Джайхуна, причём в двух направлениях: северо-западном и юго-западном.

Связь по северо-западному направлению осуществлялась через ныне сухой проток Каракульдарья - Махандарью. Махандарья отделялась от правого берега Каракульдарьи вблизи селения Агар (в 20 км к северо-востоку от райцентра Каракуль)-затем направлялась на запад через урочища Саттаркуль и Каттакуль и в конце концов двумя дельтовыми ответвлениями впадала в Джайхун. В урочище Саттаркуль от основного русла Махандарьи отделялся её левый рукав Гурдуш (Гуджайли). Его сухое русло тянется сначала на юг через урочище Кызылраваткуль. Достигнув урочища Гуджайликуль вблизи северо-восточных окраин Каракульского оазиса, проток продолжается уже на запад через урочище Хасанкуль, а затем на северо-запад через пески в сторону Джайхуна. На своём пути к Джайхуну Махандарья и особенно Гурдуш образуют цепочку небольших озёр, ныне сухих или полусухих: Маханкуль, Кичиктузкан, Каттатузкан, Каптарникум, Заман-баба и др. По археологическим данным высыхание Махандарьи началось ещё в эпоху ранней бронзы и полностью завершилось на рубеже II и I тыс. до н.э. (Мухамеджанов, 1978. С. 48-49). После этого основной сток из Каракульдарьи осуществлялся в юго-западное хвостовое русло к Джайхуну, а также в Денгизкуль через Тайкыр.

Юго-западное русло, ныне почти полностью занесённое песками, продолжалось в соответствующем направлении от Каракульского оазиса к пойме Джайхуна до Битика (городище Битик-кала вблизи современного селения с тем же названием, к северу от ж/д станции Фараб) и Фараба. Так, по сообщению ан-Нишабури вода из реки Масаф в сезоны паводков достигала этих населённых пунктов (ан-Наршахий, 1991, 90 бет). Географ Махмуд б. Вали (XVII в.) тоже сообщает о прямом стоке воды из Зарафшана в Джайхун, который иногда имел место во время паводков (Махмуд б. Вали, 1977. С. 95).

Сток из Кашкруды в реку Согда (Зарафшан) продолжался ещё долгое время. В низовьях Арны обнаружено немало остатков поселений первых веков н.э. - XI-XII вв., не говоря уже о городище Кум-Совтан. На основании археологических данных А.Р. Мухамеджанов пришёл к выводу о прекращении стока из Кашкруды примерно в XII в. (Мухамеджанов, 1978. С. 51).

Среди комплекса факторов, обусловивших прекращение постоянного стока реки Согда в Джайхун, а также Кашкруды в реку Согда, доминировало антропогенное воздействие, возраставшее со временем. Оно выражалось в чрезмерном потреблении воды из рек на оросительные нужды. Совсем не случайно, что именно в XVIII в. вода из реки Согда стала нередко достигать Джайхуна. Ведь в это время весь Ма-

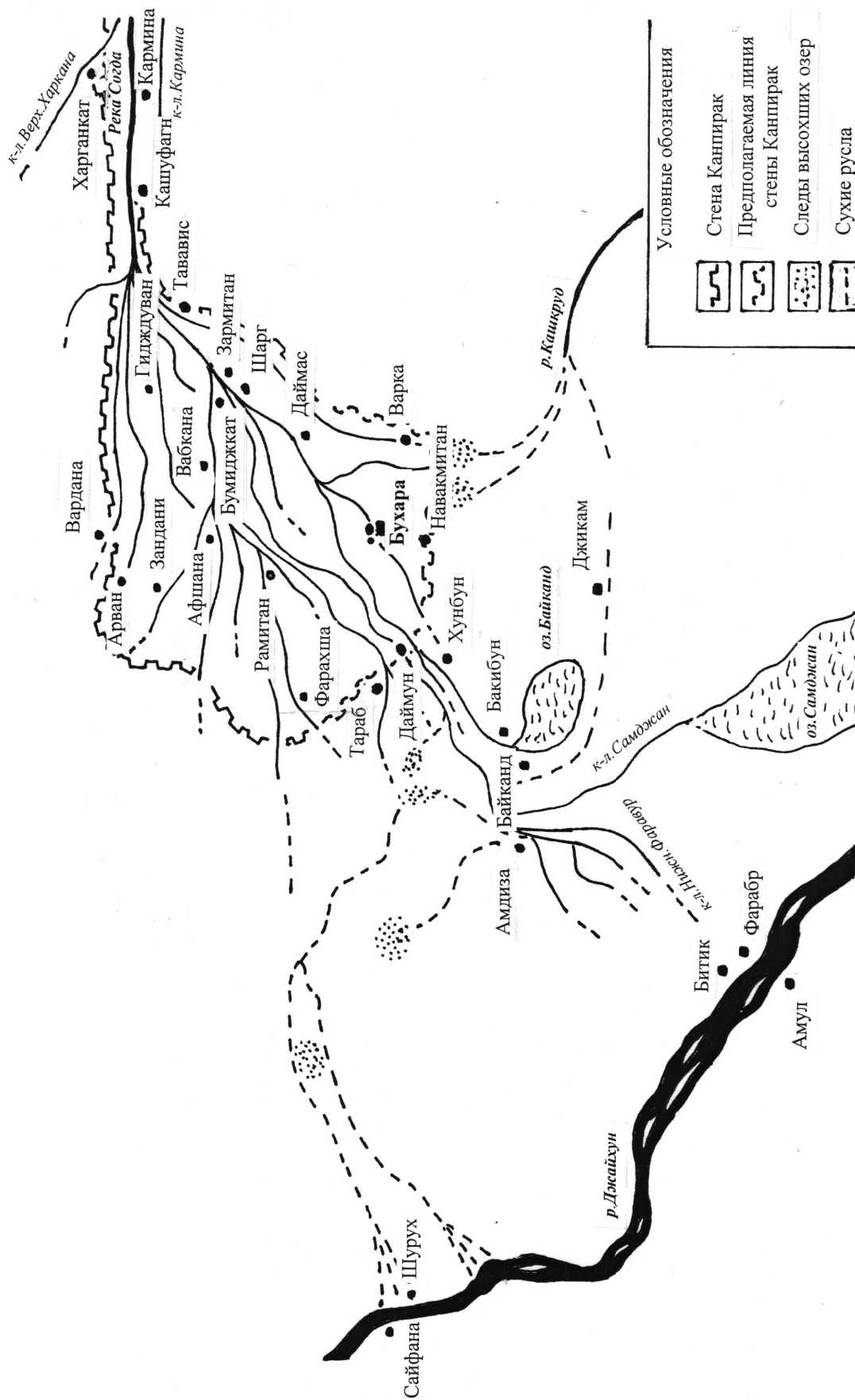

Рис. 1. Карта-схема Западного Согда

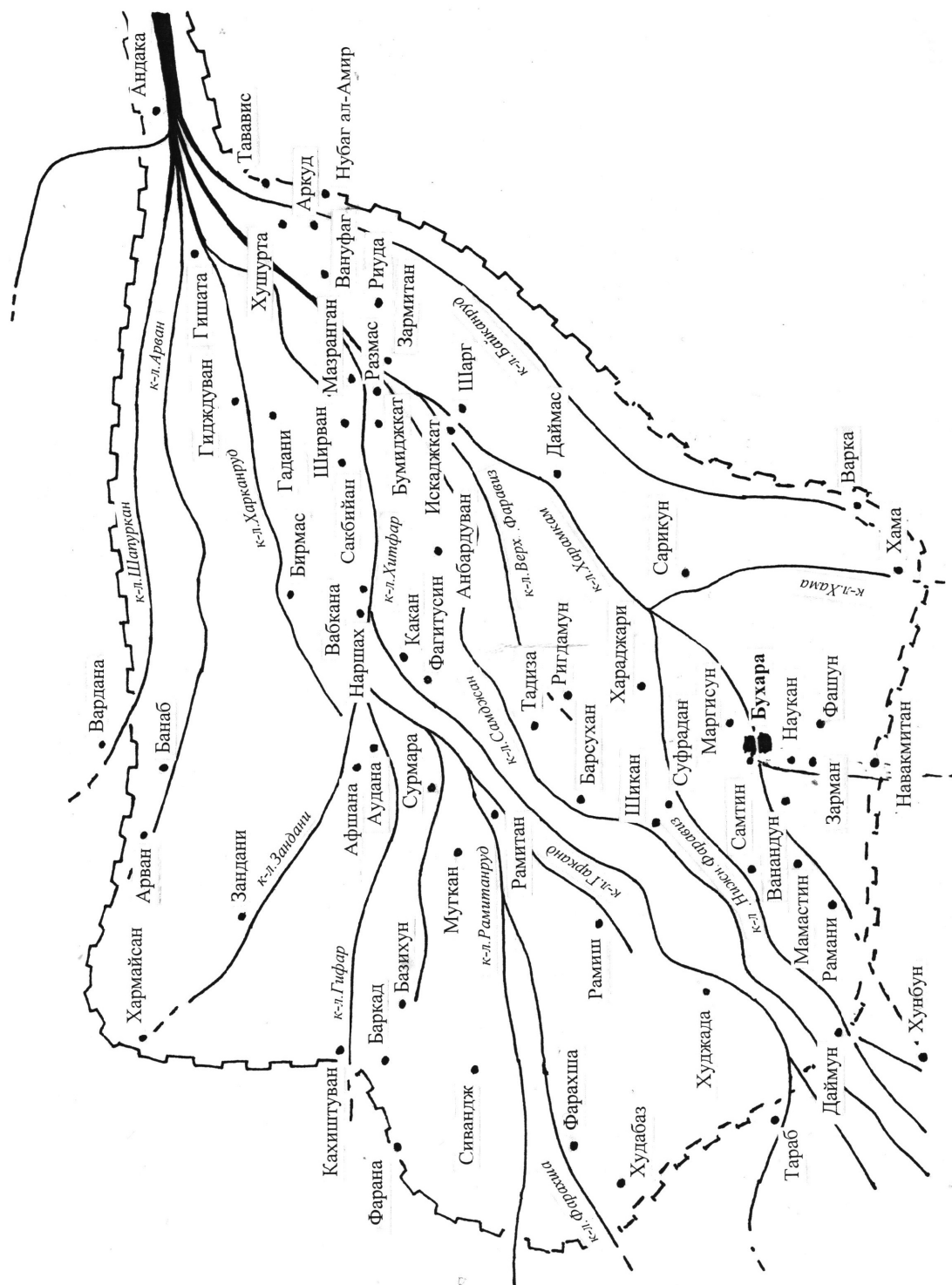

Рис. 2. Карта-схема Бухарского оазиса

вераннахр пребывал в жестоком и затяжном кризисе, и многие населённые пункты, в том числе и столичные города, значительно опустели.

Вышеотмеченные термины Политимет, Намич, Вади ас-Сугд, Нахр ал-Бухара и др. применялись для обозначения реки Согда в целом - от истока до дельты. В то же время в низовьях существовали и местные названия реки: Руд-и Самджан ("Река Самджан"), Руд-и Шарг ("Река Шарга") и Харамкам (ан-Наршахий, 1991, 97 бет). По мнению А.Р. Мухамеджанова, в раннем и развитом средневековье главным руслом в низовьях был Харамкам, в то время как Руд-и Самджан и Руд-и Шарг - это два названия одного бокового протока, т.е. ответвления, вытекавшего из основного (по представлениям тех времён) русла (Мухамеджанов, 1978. С. 65-66).

Арабо-иранское название "Харамкам" ("Огороженный канал") по понятным причинам возникло не ранее конца VIII – нач. IX вв. и в связи с тем, что низовья реки действительно были огорожены и обособлены от остальных частей Согда общебухарской оборонительной стеной Канпирак (Кампирдивал).

Название "Самджан" в переводе с согдийского означает "Чёрный канал" и образовано от сочетания слов "сам" (на бухарском диалекте—"чёрный") и "джан" ("канал") (Хромов, 1974. С. 14; Лурье, 2004. С. 132, 205, 229).

Названием "Руд-и Шарг" река обязана древнему городу, который располагался на её берегу по пути из Бухары в Самарканд. Ему соответствует городище Катта-тепа, расположенное на окраине селения Димас у истоков Шахруда (Мирзаахмедов, Одилов, Пардаев, Максудов, 2002. С. 146-149). Этимология самого названия "Шарг" пока остаётся неясной.

По сообщению Ибн Хаукаля главным руслом реки Согда в низовьях являлся Нахр-и Зар, он же Руд-и Зар (Мухамеджанов, 1978. С. 61). Верховенство в своеобразной иерархии русел определялось тем, что этот проток протекал непосредственно через город Бухару. Таким образом, Харамкам тождественен Руд-и Зару.

Средневековое название "Руд-и Зар" А.Р. Мухамеджанов напрямую увязывает с позднесредневековым "Зарафшан", так как в обоих гидронимах присутствует композит "зар" (Мухамеджанов, 1978. С. 61). Но, скорее всего, компонент "зар" в более раннем названии имеет к понятию "золото" весьма косвенное отношение. На фарси-дари "зар" также является синонимом понятия "давлат" ("государство", "имущество") (Словарь таджикского языка..., с. 438), так что не исключено толкование этого гидронима в смысле "Река государства". Для главного русла, протекавшего через столицу - вполне подходящее название. Ещё одно значение слова "зар" - "старый", "древний" (Словарь таджикского языка..., с. 439). Стало быть, данное название могло также означать "Старая река", и это снова является указанием на верховенство городского русла над другими протоками. Однако, вероятнее всего, название "Руд-и Зар" является результатом не совсем верного начертания, чтения и произношения. А правильной формой, по-видимому, должно быть "Руд-и Зер" - "Нижняя река" (в пер. с фарси-дари "зер" - "низ"). А подтверждает наше предположение тот факт, что Махмуд б. Вали называет данное русло Пай-и Руд (Махмуд б.Вали, 1977. С. 22). "Пай-и Руд" - полный синоним названия Руд-и Зер" (В пер. с фарси-дари "пай" - "нижний", "подножие"). Можно предположить, что местные жители временами намеренно искажали первоначальное название, вкладывая в него уже другие смысловые значения. И в конце концов в их представлениях данное название прочно стало увязываться с понятием "золото". В конце концов, золото - это не только драгоценный металл, но также символ богатства, достатка и т.п. Тем са-

мым подчёркивалось значение этого главного русла для благополучия и процветания Бухары. А что касается более точной этимологии названия "Зарафшан", то с точки зрения прошлых и современных природных, экологических и географических реалий форма "Зерафшон" является более верной при чтении, начертании и произношении в значении "Нижняя россыпь". Тем самым подразумевается, что в своём нижнем течении река разветвляется (буквально "рассыпается") на великое множество больших и малых естественных протоков, искусственных каналов, арыков, не говоря уже о природных и рукотворных хранилищах воды: озёрах, прудах, болотах.

Каналам области Бухары в книге ан-Наршахи посвящён целый раздел—XIII глава. Всего перечисляются 12 магистральных каналов: Кармина, Шапуркам, Харкана ул-Улйа (Верхняя Харкана), Харканруд, Гав-Хутфар (Хутфар, Руд-и Нафар), Самджан, Байканруд, Фаравиз ул-Улйа (Верхний Фаравиз), Фаравизи ас-Суфла (Нижний Фаравиз, Кам-и Даймун), Арван, Кайфур, Руд-и Зар (ан-Наршахий, 1991, 110-111 бетлар). Кроме каналов в "Тарих-и Бухоро" упомянуты и озёра. Один из поздних редакторов "Тарих-и Бухоро" сообщает о крупном озере в окрестностях Байканда (Пайкенда) которое называлось Баргин-и Фарох (в пер. с фарси-дари - "Широкий водоём"). У озера было и тюркское название - Каракуль, т.е. "Чёрное озеро" (ан-Наршахий, 1991, 100 бет). По словам того же редактора у озера было ещё одно название - Бухайра-и Самджан (в пер. с араб. "Бухайра" - "озеро"). В него стекали все сбросовые воды Бухары, а размеры водоёма достигали 20 фарсахов (более 120 км) (ан-Наршахий, 1991, 100 бет). Однако, в данном случае редактор явно спутал одно озеро с другим, о чём подробнее будет изложено ниже.

Автор "Худуд ул-Олам" тоже упоминает об озере возле Байканда, которое называлось Оваза-и Байканд (Худуд ул-Олам, 1983. С. 20, 34). Вероятно, более точно - Хавза-и Байканд - "Байкандский водоём".

На карте, составленной ал-Мукаддаси, отмечено озеро под названием Зара, в которое впадают 3 реки, текущие из гор (al-Muqaddasi, 1994, p. 449, map XI). Уже из самого названия озера понятно, что оно могло иметь непосредственное отношение к протоку Руд-и Зар, хотя сама по себе карта весьма недостоверна. В данном случае важен сам факт существования в низовьях реки Согда озера с таким названием, который и отмечен в трудах ал-Мукаддаси.

По сообщению ал-Истахри, излишки реки Согда впадали в озеро, которое находилось недалеко от Байканда и Фарабра (Фараба) и называлось Сам Хуваш или Сам Хаш (Камалиддинов, 1996. С. 82). Средневековый географ ал-Балхи (XII в.) в составленной им карте Мавераннахра отметил это озеро под названием Самджан, а Ибн Хаукаль именуется его Бахр ал-Бухара (в пер. с арабского "бахр" - "море") (Мухамеджанов, 1978. С. 67).

В настоящее время все эти каналы и озера можно более или менее уверенно идентифицировать с нынешними. Значительная часть работы в данном направлении уже была проделана такими исследователями, как В.В. Бартольд, О.Г. Большаков, В.А. Шишкин и А.Р. Мухамеджанов, хотя и не все варианты локализаций следует признать удачными. Поскольку некоторые исторические каналы сохранили свои названия без изменений или с лёгкими искажениями, то с их отождествлением не возникает никаких проблем. К их числу относятся такие каналы, как Кармина (Кармана), Шапуркам (Шафиркан) и Верхний Фаравиз (Паравиз).

Название "Кармина" перешло к каналу от древнего города, так что изначально оно было топонимом, а не гидронимом. В первой части этого топонима можно видеть среднеперсидский (пехлевийский) композит "хар" или "кар", означающий "большой", а во второй части - согдийский "мене" – "селение". Таким образом, данное название означает "Большое селение" (Лурье, 2004. С. 58, 125, 237).

Название "Шапуркам" означает "Канал Шапура" или "Канал принца" (в пер. со среднеперсидского "шапур" - "сын царя", "принц"). Оно связано с легендой о принце-изгнаннике по имени Шапур, сыне шаха Хосрова из династии Сасанидов, который якобы построил этот канал и основал расположенный на его берегу город Вардана (ан-Наршахий, 1991, 110-111 бетлар).

Название "Фаравиз", а точнее "Паравиз" согдийского или хотанского происхождения и имеет значение "течь", "протекать", "орошать" (Лурье, 2004. С. 44, 182, прим. 258).

Древний канал Руд-и Зар В.А. Шишкин отождествил с нынешним каналом Джуй-и Зар. На первый взгляд, локализация выглядит достаточно обоснованной. Прежде всего, в известной мере совпадают названия. Во-вторых, В.А. Шишкин подчёркивал тот факт, что Джуй-и Зар намного длиннее того канала, который протекает непосредственно через г.Бухару (Шишкин, 1963. С. 24). И тем не менее ан-Наршахи, ал-Истахри и другие средневековые авторы отмечали, что Руд-и Зар протекал именно по территории города (ан-Наршахий, 1991. 111 бет; Бартольд, 1963. С. 155). А между тем русло Джуй-и Зара пролегает вне территории города - к северу и северо-западу от Бухары. Стало быть, именно пересекающее город русло - Шахруд - и должно соответствовать Руд-и Зару. Это только кажется, что городское русло было короче Джуй-и Зара. В действительности первоначально оно тянулось вплоть до Пайкенда, но затем, на весьма протяжённом нижнем участке, древнее русло вышло. Кстати, оно хорошо просматривается на военно-топографической карте 1946 г. В настоящее время этот нижний участок снова функционирует, так как по нему проложены трассы современных каналов. Ниже г.Бухары по древнему руслу Руд-и Зара течёт современный арык-коллектор Каракуль, длина которого до-стигает почти 20 км. Коллектор вытекает непосредственно с территории города и впадает в Куймазарский канал примерно в 4-х км восточнее селения Раимабад. Показательно, что по обоим берегам коллектора от-мечено много древних поселений. Продолжение древнего русла выявлено и к западу от селения Раимабад. Оно тянется по направлению к Пайкенду на протяжении почти 16 км. Уже в наше время, параллельно сухому руслу, а местами и непосредственно по его ложу прорыт участок Куймазарского канала, так что теперь городище Пайкенд размещается на его берегах: по правому берегу - основная часть древнего города, по левому - часть предместья, в котором выявлено множество остатков рабатов (постоялых дворов) конца VIII-XII вв. Письменные источники, в частности ал-Мукаддаси, тоже указывают на существование между городами Бухара и Байканд - на всём протяжении данного участка - какого-то сухого русла, по которому во время половодий осуществлялся сброс излишков воды, причём непосредственно с территории столицы; и эта вода достигала Байканда (al-Muqaddasi, 1994, p. 292). О том, что Харамкам (Руд-и Зар) некогда протекал возле Байканда, сообщается и в "Тарих-и Бухоро" (ан-Наршахий, 1991, 100 бет).

Таким образом, Руд-и Зар или Харамкам - это современное и древнее русло Шахруда - от местности Дуоба до окрестностей городища Пайкенд. Кроме того, по это-

му руслу располагалась столица, и сам проток был достаточно протяжённым. Поэтому нет ничего необычного в том, что как раз Руд-и Зар первоначально считался основным нижним руслом реки Согда. Даже его нынешнее название, которое является результатом именно искажения (спонтанного или намеренного) гидронима Шахр-Руд («Городская река»), звучит с претензией на верховенство - Шах-Руд («Главная река»). Можно считать, что такого рода этимология данного гидронима в какой-то мере тоже является верной даже с точки зрения исторической науки, поскольку отражает место этого протока в древней иерархии дельтовых русел реки Согда.

После того, как рассматриваемое русло высохло более чем наполовину, оно, естественно, уже не могло считаться основным. Теперь эта роль стала приписываться другому каналу, который прежде являлся лишь боковым ответвлением Руд-и Зара. Видимо, "перераспределение" ролей произошло не сразу, что вполне объяснимо с точки зрения народной памяти и психологии. Боковой рукав долгое время мог сохранять свои старые названия. Но со временем к нему перешло чужое название "Зар". Показательна и последовательность замены одного из композитов в гидрониме: сначала "Река Зар" (Руд-и Зар) затем "Канал Зар" (Кам-и Зар), наконец, "Арык Зар" (Джуй-и Зар). Прежние названия бокового ответвления оказались забытыми. Теперь уже городской отрезок русла стал считаться рукавом и был переименован соответствующим образом - Шахр-Руд. А поскольку Шахр-Руд независимо от своей действующей нижней протяжённости, хотя и очень короткой, орошал не что-нибудь, а саму столицу, то это новое название распространилось до самого устья в местности Дуоба. Теперь данное название в слегка искажённой форме "Дахруд" распространяется на всю гидросистему города Бухары и её ближайших окрестностей.

Относительно идентификации канала Самджан у исследователей Бухары имеются серьёзные расхождения. В.А. Шишкин отождествил с Самджаном нынешний Рамитанруд на основании того, что один из двух саманидских рустиков с названием "Самджан" соответствует более позднему туману (волости) Рамитан (Шишкин, 1963. С. 23). В то же время О.Г. Большаков считает Самджаном нынешнюю Каракульдарью. В "Тарих-и Бухоро" отмечено, что канал Самджан протекал поблизости от Шарга, на небольшом удалении от Байканда и впадал в озеро Самджан, на чём указанный исследователь и акцентирует внимание (Большаков, 1956. С. 22-23). Данная точка зрения выглядит гораздо более предпочтительной, и канал Самджан никак не может соответствовать Рамитанруду в силу следующих причин.

Во-первых, ал-Истахри упоминает и канал Рамисана (Рамитанруд), и оба рустака с названием "Самджан", причём без всякой связи между первым и вторыми.

Во-вторых, русло Рамитанруда расположено слишком далеко от городищ Катта-тепа (Шарга) и Пайкенд (Байканда).

В-третьих, вода Рамитанруда, как в прошлом, так и теперь, полностью разбирается на орошение полей. А вот Каракульдарья и поныне имеет сезонный сток в Денгизкуль через свой проток Тайкыр.

В силу вышеуказанных причин А.Р. Мухамеджанов разделяет точку зрения С.Г. Большакова и с полным на то основанием отождествляет озеро Самджан с Денгизкулем. Да и само нынешнее название озера достаточно древнее, поскольку ещё в средние века арабы и тюрки на своих языках именовали его «Морем» (Мухамеджанов, 1978. С. 6, 7).

А.Р. Мухамеджанов отождествляет с этим водоёмом и озеро Овоза-и Байканд (Мухамеджанов, 1978. С. 67), но данная точка зрения может быть оспорена. Озеро Денгизкуль расположено на расстоянии более чем 50 км к югу от соответствующего городища, что по меркам Западного Согда является значительным расстоянием. К тому же древний город не имел с указанным озером прямого водного сообщения. Сведения средневекового редактора "Тарих-и Бухоро" об озере возле Байканда, одним из названий которого было Бухайра-и Самджан - это не более чем натяжка, так же как и явно преувеличенные размеры водоёма (26 фарсахов). В тексте источника прямо указано, что редактор руководствовался не собственными наблюдениями, а сослался на книгу неизвестного ему автора под названием "Масалик ва Мамалик" (ан-Наршахий, 1991, 100 бет). Скорее всего, подразумевается соответствующий труд ал-Истахри. Другое дело, что в непосредственной близости от Байканда в прошлом действительно существовало озеро, называвшееся Баргин-и Фарох, Каракуль, а также Зара (по ал-Мукаддаси), но не имевшее никакого отношения к Бухайра-и Самджан. Иными словами, существовали два удалённых друг от друга озера, а средневековый редактор ввиду недостатка информации просто спутал одно с другим. И первое из них как раз и соответствует озеру Овоза-и Байканд из "Худуд ул-Олам". Оно располагалось на стыке между двумя оазисами, и его тюркское название оказалось наиболее устойчивым. В дальнейшем оно закрепилось и применительно к возникшему к западу от городища Пайкенд крупному населённому пункту. Если гидроним «Каракуль» ставший затем топонимом, относился первоначально к Денгизкулю, то, стало быть, он "перекочевал" на северо-запад от озера через безлюдную степь почти на 60 км. Понятно, что такого быть не может.

Пониженный рельеф местности к югу от городища Пайкенд, а также современная топонимика окрестностей, подтверждает гипотезу о древнем озере. Так, урочище, расположенное на восточной окраине Каракульского оазиса, называется Каттакуль (в пер. с узб. – «Большое озеро»). С северо-востока с ним граничит урочище Пайкендчуль, прилегающее непосредственно к городищу с юга. А на западном участке Пайкендчуля имеется обширный солончак. Всё это указано на военнотопографической карте 1946 г. Следовательно, недолго просуществовавшее озеро Янги-Мазаркуль это в известной мере возрождённое на том же самом месте древнее озеро Овоза-и Байканд, Баргин-и Фарох, Каракуль и Зара. И подпитывалось древнее озеро водой из Харамкама (Руд-и Зара).

Возвращаясь к проблеме идентификации канала Самджан, следует более подробно обосновать его несоответствие нынешнему каналу Рамитанруд, хотя позднесредневековые письменные источники и указывают на обратное. К этому же склоняется и А.Р. Мухамеджанов. Как уже отмечалось выше, ал-Истахри сообщает о существовании двух саманидских рустаков с таким названием: Передний Самджан и Задний Самджан. По всем признакам район Рамитана соответствует первому из них, а окрестности Варахши - второму. Одно время Рамитанруд назывался Руд-и туман-и Самджан - "Река тумана Самджан". Впоследствии слово "туман" могло выпасть из названия, в силу чего Рамитанруд ошибочно называли Руд-и Самджан. Видимо, этим и объясняется только кажущееся тождество Самджана с Рамитанрудом (Мухамеджанов, 1978. С. 63-65). В те времена южные границы Рамитанского рустака пролегли по руслу Самджана-Каракульдарьи. Поэтому к указанному району перешло название протока. А Варахшинский массив вовсе находился на большом удалении от поймы Самджана. Однако по соседству с ним располагался рустак Ра-

митана, и поэтому возникли соответствующие названия: Передний Самджан и Задний Самджан. Понятно, что второе из них имело только косвенное смысловое значение. Как показали новейшие археологические исследования, Варахшинский массив полностью опустел еще в XI-XII вв., а в XV-XIX вв. обживались только северные и восточные окраины этих земель (Адылов, Мирзаахмедов, 2008. С. 76-77). Следовательно, в позднем средневековье тумана Задний Самджан уже не существовало. Остался только один туман с названием "Самджан", ассоциированный с Рамитаном.

Без особых проблем локализуется канал Гав-Хутфар. По данным ан-Наршахи, он был весьма значительным по длине русла, широте поймы и мощности. А ещё историк считал его природным источником в отличие от остальных магистральных каналов, упомянутых им в соответствующей главе. По его сведениям, вода из канала сама проложила себе русло (ан-Наршахий, 1991, 111 бет). Ал-Истахри называл его Наджар-Хитфар, и по сообщению автора, канал в своём нижнем течении достигал селения Хармайсан (Хурмитан) (Камалиддинов, 1993. С. 70). Это древнее селение локализуется по нижнему течению канала Зандани на месте городища Ходжа-Порсан в Пешкунском тумане, Зандани - это второе название позднесредневекового тумана Худфар. По всем этим признакам не вызывает сомнения тождество Гав-Хутфара и Вабкентдарьи, что отмечено ещё В.А. Шишкиным (Шишкин, 1953. С. 22). Можно только уточнить - древнему каналу соответствует верхнее русло Вабкентдарьи и её северо-западный проток Зандани. Весьма примечательна сама этимология названия "Гав-Хутфар". В его первой части можно видеть древнейший иранский префикс "гав" ("бык"), который был широко распространён в исторической гидронимии Средней Азии в значении "река", "проток" (Гулямов, 1957. С. 138). Кроме того, у обитавших в данном ареале народов бык всегда ассоциировался с силой и мощью. Как отмечал Захир ад-дин Мухаммад Бабур, в среде кочевых узбеков сильных мужчин было принято именовать "бука" («бык») (Захир ад-дин Мухаммад Бабур, 1994. С. 47). Известно также, что на всём пространстве, которое прежде называлось Согдом, ещё в XIX-XX вв. термин "гав" в понятии "сила", "мощь" использовался применительно к имени богатырей и палванов (борцов) (Сагдуллаев, 2007. С. 153). Что касается второй части названия, то оно этимологизируется от согдийского "хути-бар", что означает "самотёк" (Лурье, 2004. С. 19, 69, 228, 238, 242). Таким образом, название "Гав-Хутфар" означает "Речной самотёк" или "Мощный самотёк" - в полном соответствии с вышеотмеченным древним преданием о том, что в этой части русла вода сама себе проложила дорогу.

По мнению В.В. Бартольда, которое поддержал В.А. Шишкин, историческому каналу Верхняя Харкана соответствует нынешний проток Калкан-Ата (Бартольд, 1963. С. 149; Шишкин, 1965. С. 22). Действительно, историческое и современное названия в чём-то созвучны, к тому же именно в этой местности вблизи северо-восточной оконечности Бухарского оазиса локализуется и рустак Верхняя Харкана, упомянутый у ал-Истахри. Однако Калкан-Ата представляет собой сравнительно небольшой проток, в то время как название "Харкала" (точнее, "Харкал") в иранской топонимии подразумевает именно "Большой канал" (Савина, 1971. С. 36). Более верной является его локализация по руслу Канимехского канала. Как уже отмечалось выше, канал Канимех был проложен в новейшее время, но теперь понятно, что ложем ему послужило сухое русло древнего. Подтверждением тому являются многочисленные древние поселения по его обоим берегам. В этой же пойме на мес-

те городища Кузимон-тепа локализуется и центр рустака - древний город (селение) Харганкат (Адылов, 2011. С. 74). Само название "Харганкат" (точнее, Харканкат) в переводе с согдийского означает «Селение Большого канала».

Канал Харканруд («река Харкан», по ал-Истахри - Верхняя Харкана), В.А. Шишкин отождествил, с нынешним каналом Калканруд. Действительно, современное название "Калканруд", безусловно, является слегка искажённой формой старого гидронима Харканруд. Однако с другой стороны соответствующая идентификация вызывает серьёзные возражения.

Во-первых, нынешний Калканруд намного уступает по длине каналу Пирмаст, являясь протоком второго. Нет оснований полагать, что в прошлом русло Калканруда было на порядок длиннее. Опять-таки с длиной этого канала не увязывается гидроним «Харкай».

Во-вторых, что самое главное, через райцентр Гиждуван протекает вовсе не Калканруд, а Пирмаст. "Харкан" - это второе название исторического города (селения) Гиждуван (Гудждаван, Гиждуван), точнее - его эпитет, который был в обиходе вплоть до XII в. (Чехович, 1965. С. 88). В книге В.В. Бартольда ошибочно указано, что селение Гиждуван орошается каналом Калканруд (Бартольд, 1963. С. 172). Стало быть, историческому каналу Харканруд соответствует всё-таки нынешний Пирмаст. По-видимому, в позднем средневековье по каким-то причинам существенно возросло значение селения Пирмаст, в силу чего соответствующее новое название закрепилось и за большим каналом. Старое название в слегка искажённой форме перешло к боковому ответвлению этого русла. Точно также, как одно из боковых ответвлений протока Руд-и Зар было постепенно переименовано в Джуй-и Зар.

Историческому каналу Байканруд («река Байкан»), по В.А. Шишкину, соответствует нынешний Абу Муслим (Шишкин, 1963. С. 24). Ал-Истахри называл этот канал Батинкан, что, вероятно, является результатом искажения исходной формы. По сообщению этого географа, данный канал протекал вдоль восточной границы оазиса и достигал селения Варка. Древнее селения Варка локализуется на месте городища Ходжа-Барги на территории одноимённого современного селения вблизи восточных окраин райцентра Каган. Поблизости находилась гора, откуда жители Бухары брали камни для строительства зданий, известь, гипс, а также глину для посуды (Бартольд, 1963. С. 163, 166; Камалиддинов, 1993. С. 73). Эта местность вплотную прилегает к предгорьям Кайнагача, и здесь действительно были каменоломни. Поэтому следует уточнить - Байканруду соответствует нынешний Абу Муслим и его древнее нижнее русло, по которому течёт современный коллектор Шорарык. Вполне вероятно, что название "Байкан" этимологизируется от согдийского "бикан", что означает "Внешний" (Лурье, 2004. С. 45). Однако с другой стороны не исключено, что оно является арабизированной формой иранского "Пайкан", в котором чётко выделяются два композита: "пай" ("нижний") и "кан" («канал»). Следовательно, "Байкан" ("Пайкан") может также означать "Нижний канал". С точки зрения географии канал Байканруд действительно был "внешним", поскольку его русло пролегло по самой восточной окраине Бухарского оазиса.

Канал Нижний Фаравиз В.А. Шишкин отождествил с нынешним каналом Джай-Хун по двум причинам. Во-первых, орошаемая Джай-Хуном территория находится рядом с каналом Паравиз (Верхний Фаравиз). Во-вторых, канал получил своё второе историческое название Кам-и Даймун от селения, а оно сохранилось до настоящего времени (Шишкин, 1963. С. 2). Теперь селение называется Демун, и оно дей-

ствительно расположено вблизи хвостового участка канала Джай-Хун. На окраине селения сохранились остатки некогда крупного городища Демун-тепа, которые и соответствуют историческому Даймуну. Судя по всему, именно это древнее селение в прошлом было центром рустака Нижний Фаравиз, о котором упоминает ал-Истахри.

Название "Даймун" этимологизируется, скорее всего, от персидского "дайма", что означает "богарная земля" (Лурье, 2004. С. 182). Коль скоро канал Нижний Фаравиз получил своё второе название от селения Даймун, следовательно, он должен был орошать его окрестности. Однако нынешний канал Джай-Хун этого селения не достигает и сливается с Каракульдарьёй намного выше по течению. Между тем на самом деле окрестности селения орошаются каналом Джуй-и Зар. Кроме того, в вакуфных документах XVI в. тоже имеются прямые указания на расположение Даймуна в пойме именно Джуй-и Зара (Иванов, 1954. С. 156). Стало быть, скорее всего, Нижнему Фаравизу теперь соответствует Джуй-и Зар.

В.А. Шишкин отмечал, что из всех магистральных каналов, упомянутых в соответствующей главе "Тарих-и Бухоро", ему не удалось найти соответствия Арвану и Кайфуру. С другой стороны, ему не удалось исторически идентифицировать такие крупные нынешние каналы, как Султанабад и Пирмаст (Шишкин, 1963. С. 24). Археолого-топографические исследования последних лет позволяют восполнить эти пробелы. Выше уже было обосновано тождество Харканруда с Пирмастом.

"Арван" - это название не только канала. Ал-Истахри упоминает рустак с таким названием, правда в форме "Гарван" (Бартольд, 1963. С. 165). Центром рустака был одноимённый город. Ал-Мукаддаси называет его Урван (al-Muqaddasi, 1994, p.240). Современный топоним-гидроним "Джалъван (Джилвон) - напрямую связан с указанными вариантами из письменных источников. Городище, соответствующее центру рустака - Джилвон-тепа - расположено в самом конце русла канала Султанабад. Следовательно, он и соответствует историческому каналу. А касательно этимологии названия "Арван" и других, ему подобных, возникают следующие соображения.

Не исключено, что все они являются искажёнными вариантами исходной формы "Алвон", которая на фарси-дари означает "Разноцветный" (множественное число от "лавн" - "цвет"). Можно допустить, что искажение персидского названия произошло в результате неверного чтения и начертания в арабских письменных источниках: несохранившемся первоначальном варианте "Тарих-и Бухоро", а также трудах ал-Истахри и ал-Мукаддаси. В частности, в одной из ранних рукописей исходное название могло быть написано через слегка укороченную "лам", которую последующие переписчики прочитали как «ра». К тому же известно, что соответствующие согласные звуки относятся к категории взаимозаменяемых при произношении. Можно объяснить и происхождение такого названия. Цвет воды в канале менялся в зависимости от сезона. Весной во время паводков она была совершенно мутной (т.е. "чёрной"), летом и осенью муть немного оседала (т.е. вода становилась "красной"), а ближе к зиме - более-менее прозрачной (т.е. "белой"). Правда, и все остальные каналы области Бухары были в той же степени «разноцветными», однако к данному каналу такое название могло пристать по той причине, что у всех других уже были устоявшиеся со временем названия.

Согласно другой версии, название канала происходит от персидского "Арванд" - "могущество", "сила", "мощь". Для такого крупного водного источника и одноимённого города - вполне подходящее название. Достаточно сказать, что Фирдоуси в

своей эпической поэме называет Арвандом одну из двух великих рек Месопотамии – Даджлу (в европейской традиции эта река именуется Тигр). (Словарь таджикского языка..., с. 82).

Канал Кайфур - это, скорее всего, тот самый источник, который был известен ал-Истахри под названием Гифар, а ас-Самани (XII в.) и Йакуту ал-Хамави (XIII в.) - как Джифар. Причём два последних географа упоминают этот канал в рассказах о селении Удана (Аудана, Авдана), (Бартольд, 1963. С. 166, 183). Селение под названием Авдуни сохранилось до наших дней. Оно расположено вблизи юго-восточных окрестностей райцентра Пешку вблизи истока канала Сарай-Дейча; здесь же находится и соответствующее городище - Авдуни-тепа. Таким образом, средневековые авторы имели в виду именно данное русло, и к этому можно добавить, что на его хвостовом участке расположено старинное селение Кахиштуван и относящееся к нему городище, занятое под мазар. В "Тарих-и Бухоро" замок ("ках") Хиштуван упоминается как место обитания сторонников учения Муканны (ан-Наршахий, 1991, 145 бет). По труду ал-Истахри известно о рустаке под названием Гахуштуван (Бартольд, 1963. С. 166). Поэтому, скорее всего "Кахиштуван" было ещё одним названием этого канала. А его основное название этимологизируется от персидского "кайфар", что означает "желоб", "река воды" (Лурье, 2004. С. 23).

Как уже отмечалось выше, ан-Наршахи считал все перечисленные им магистральные каналы рукотворными, исключая Гав-Хутфар. На самом деле не только последний, но и все остальные являются естественными протоками реки Согда в её нижнем течении. В этом убеждает хотя бы глубокая древность археологических объектов, выявленных в низовьях этих протоков. Так, например, в окрестностях городища Варахша В.А. Шишкин обнаружил несколько кремневых орудий, относящихся, предположительно, к верхнему палеолиту (Шишкин, 1963. С. 19). Эти находки являются свидетельством эпизодических проникновений первобытных людей в соответствующую эпоху на эти западные окраины области Бухары. А в эпоху неолита северо-западные, западные и юго-западные окраины обживались уже на постоянной основе - здесь отмечены не только каменные орудия, но и остатки стоянок охотников и рыболовов, относящихся к кругу Кельтеминарской культуры (VI-IV тыс. до н.э.) (Исламов, 1963. С. 31-45; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. С. 194-196; Касымов, 1962).

Территория Бухарского оазиса - это возникшая ещё в доисторические времена гигантская дельта реки с первоначально избыточной увлажнённостью и густыми тугайными лесами. В те стародавние времена все естественные протоки дельты реки Согда подпитывали в своих нижних течениях болота, большие и малые озёра, а Самджан (Каракульдарья) через свои хвостовые ответвления даже достигал Джайхуна (Амударья). Именно по берегам озёр и протоков поначалу возникали неолитические стоянки. Затем в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) в низовьях протоков возникло земледелие, основанное на примитивном (лиманном) орошении (Мухамеджанов, 1976. С. 47). Таким образом, основные магистральные каналы внутренней части Бухарского оазиса с их многочисленными ответвлениями никак не могут быть рукотворными. Поскольку сама природа создала на данной территории густейшую сеть из больших и малых русел, оставалось только дополнить её множеством арыков - как оросительных, так и дренажных. Именно так и происходило на заре освоения основной территории Бухарского оазиса, которое датируется IV в. до н.э. (Адылов, 1998. С. 27-28).

Сомнения в естественном происхождении могли бы возникнуть только относительно тех каналов, русла которых пролегают на стыках оазисов со степной зоной, или просто вклиниваются в степь. Такие каналы на окраинах строятся именно для орошения близлежащих степных участков, но только после того, как более внутренние территории уже освоены. В данном случае такими "внешними" каналами являются Шапуркам (Шафиркан), Байканруд (Абу Муслим), Верхняя Харкана (древнее русло на месте Канимеха) и Кармина.

Хотя предание и связывает строительство канала Шапуркам с представителем семьи Сасанидов, в действительности поселения в его пойме существовали задолго до того, как этот царственный род появился на исторической арене. В подъемном материале из соответствующих поселений нередко отмечаются фрагменты красноангобированной лощёной керамики, которая по всем признакам датируется в пределах первых вв. до н.э. - первых вв. н.э., но никак не позднее III-IV вв. Поэтому, скорее всего, Шапуркам тоже является естественным протоком, который легендарный "принц" просто основательно расчистил по мере освоения новых участков поймы под поселения, посевы и пастбища.

По археологическим данным, освоение поймы Байканруда началось в одно время с основной территорией Бухарского оазиса, т.е. в IV в. до н.э. Именно так датируются нижние слои древнего города Аркуд, который локализуется на месте городища Ходжа-Бустон в верховьях канала Абу Муслим (на территории селения Ходжа-Бустон) (Адылов, 1987. С. 12).

Нижние слои Харганката (городище Кузимон-тепа), который располагался в верховьях канала Верхняя Харкана, тоже относятся к IV в. до н.э. (Адылов, 1987. С.12). В низовьях канала обживание началось даже ранее, чем в VI-V вв. до н.э. Здесь выявлены остатки поселений этого времени (Мухамеджанов, 1999. С. 35-36).

Сравнительно недавно установлено, что поселение на месте цитадели городища Бургут-тепа, которое расположено в пойме канала Кармина, также было основано в IV в. до н.э. (Хужаназаров, Грицина, Мирзаахмедов, 2002. С. 179).

Таким образом, не остаётся сомнений в естественном происхождении Байканруда, Верхней Харканы и Кармины.

Пожалуй, впервые более-менее протяжённые оросительные каналы жители области Бухары начали прокладывать на рубеже древности и раннего средневековья, когда в экономике и культуре всего Согда наметился мощный подъём. Именно тогда стали строиться новые магистральные каналы для освоения прежде пустовавших земель, были основаны новые города и селения. Так, например, второй половиной IV в. датируется строительство канала Нарпай (точнее, Нахр-и Пай – «Нижняя река»). Он был прорыт для освоения левобережных земель в средней части долины реки Согда (территории Каттакурганского, Нарпайского и Пахтачийского туманов Самаркандского вилоята). В результате на пространстве между основным руслом реки и каналом сложился сначала раннесредневековый удел, который после арабского завоевания стал рустак. В письменных источниках он известен под названием Фай (Пай) (Адылов, Мирзаахмедов, 1996. С. 128, 148).

После того, как значительно увеличилось потребление воды в верховьях реки Согда, протоки в низовьях начали мелеть, как результат, это повлекло за собой некоторое перераспределение местных водных ресурсов. Однако и в низовьях в указанное время не только строились совершенно новые магистральные каналы, но и восстанавливались старые заброшенные ирригационные системы.

В северо-западной части Бухарского оазиса после строительства во второй половине IV в. Древнекызылкырского канала были заново рекультивированы земли, которые обживались ещё в эпохи неолита и бронзы, но затем опустели в конце II тыс. до н.э. Здесь во второй половине IV-V вв. сложилась Кызылкырско-Сеталакская зона памятников, относившаяся к пойме Гав-Хутфара. Правда, на рубеже V-VI вв. зона опять опустела, а затем вновь обживалась в IX-XVI вв. (Мухамеджанов, 1983. С. 26).

В указанное время проводились восстановительные работы и в западной части оазиса. Были расчищены сухие или сильно обмелевшие русла протоков на хвостовых участках канала Рамитанруд, также относившиеся к системе Гав-Хутфара. После восстановления старой ирригационной системы снова возродился Варахшинский массив поселений, большая часть которого опустела в III в. н.э. (Адылов, Мирзаахмедов, 2008. С. 67-68).

Широкие оросительные работы проводились и на юго-западных окраинах области Бухары. Из протока Кам-и Даймун (Нижний Фаравиз, Джуй-и Зар) на участке между городищем Пайкенд и селением Раимабад был проложен канал к Харамкаму (Руд-и Зару) с целью дополнительной подпитки затухавшего в своём нижнем течении основного русла и освоения земель в окрестностях Байканда. Даже после строительства канала русло Кам-и Даймуна оставалось полноводным. В частности, ас-Сам'ани характеризует селение Займун (Даймун) как пункт, изобильный водой (Камалиддинов, 1993. С. 74). Сухое русло рукотворного канала сохранилось в рельефе местности; жители окрестных селений называют его Кыз-Арык (в переводе с узбекского - "Девичий арык"). Было высказано предположение, что канал был построен в начале VI в. (Мухамеджанов, 1978. С. 99, 101, рис.16-17).

Однако новые данные позволяют предполагать более раннюю дату - вторую половину IV в. Согласно результатам археологических исследований Байканд, который прежде был всего лишь небольшой крепостью на юго-западных окраинах Согда, во второй половине IV - начале V в. перерастает в один из крупнейших региональных пунктов торговли и ремесла (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семёнов, 1988. С. 102-103, 187). Строительство данного канала и урбанизация Байканда - безусловно, взаимосвязанные явления.

Сопоставляя археолого-топографические материалы со сведениями из письменных источников, можно установить историческое название этого канала - Хунбун. Во времена халифата Умайядов Тагшада Бухархудат владел недвижимостью в верховьях Хунбуна. После того, как его дочь вышла замуж за наместника Хорасана Насра б. Сайяра (в 738/9 гг.), он передал эти земельные угодья в качестве подарка новобрачным (ан-Наршахий, 1991, 134 бет; История ат-Табари, с. 269). Однако название Хун-бун носил не только канал, но и населённый пункт - крупная крепость на юго-западной окраине Бухарского оазиса, о которой упоминают ан-Наршахи, ас-Сам'ани и Йакут ал-Хамави (ан-Наршахий, 1991, 120-121 бетлар; Камалиддинов, 1993. С. 757). Историческая крепость Хунбун локализуется на месте городища Шахр-и Ислон-тепа (ныне мазар) в окрестностях селения Раимабад и вблизи истоков канала Кыз-Арык. Судя по подъёмному археологическому материалу, городище обживалось во второй половине IV-XI-XII вв. Этот материал подтверждает уточнённую датировку канала, у истоков которого и возникла крепость Хунбун, предназначенная охранять стратегически важный участок.

Само название "Хунбун" - гидроним, которое в переводе с фарси-дари означает, буквально, "Кровяная жила" (от "хун" - "кровь", "бун" - "жила", «основа»), или в переносном смысле - "Красный канал". Поэтому современное название "Кыз-Арык" (вероятно, точнее "Кызыл арык" - "Красный арык") - это, скорее всего, искажённая тюркская "калька" первоначально персидского названия.

В "Тарих-и Бухоро" упоминается ещё один рукотворный канал, который остался недостроенным. Правитель Мавераннахра Арслан-хан в начале XII в. попытался проложить его к высохшему руслу Харамкама с целью возрождения опустевшего к тому времени Байканда (ан-Наршахий, 1991, 100-101 бетлар). Тем не менее, следы этого недостроенного канала всё ещё прослеживаются в рельефе к северо-западу от городища, причём предполагалось проложить его от русла Самджана (Каракульдарьи) (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семёнов, 1988. С. 11).

Интенсивность перераспределения водных ресурсов в низовьях в дальнейшем возрастала по мере обмеления реки Согда. Постоянно расчищались старые ирригационные и мелиоративные системы, а также строились новые. Тем не менее, в эпоху позднего средневековья довольно обширные участки в западной части Бухарского оазиса были заброшены. Только в новейшее время началась рекультивация этих земель древнего орошения, которая продолжается и в наши дни.

Использованная литература:

- Адылов Ш.Т.* Становление и развитие городской культуры Бухарского Согда по материалам стратиграфических исследований (IV в. до н.э.—VIII в.) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканд, 1987.
- Адылов Ш.Т.* Истоки и возникновение цивилизации и государственности в Западном Согде // ОНУ. 1998, № 4-5.
- Адылов Ш.Т.* Исторические озёра Бухары и впадавшие в них протоки // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд-Рим, 2006.
- Адылов Ш.Т.* Из истории горных промыслов и металлургии Бухары // ИМКУ. Вып. 35. Ташкент, 2006 (2006а).
- Адылов Ш.Т.* Нумиджат, Навакмитан, Байканд, Рамитан(из истории древних столиц Западного Согда) // Археология Узбекистана. 2011, №1 (2), Самарканд.
- Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К.* Новые материалы к изучению рустака Фай // ИМКУ. Вып.27, Самарканд, 1996.
- Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К.* Из истории древнего города Вардана и владения Обавия // ИМКУ. Вып. 32. Ташкент, 2001.
- Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К.* Новые сведения по истории обживания Варахшинского массива // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.
- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского завоевания. Соб. соч. т. I. М., 1963.
- Бартольд В.В.* Работы по исторической географии. Соб. соч. т. III. М., 1965.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. III. М.-Л., 1950.
- Большаков О.Г.* Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX-X вв. // КСИИМК. Вып. 61. М., 1956.
- Буряков Ю.Ф.* Из истории горного дела и металлургии Согда // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов межд. конфер. М., 2005.
- Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времён до наших дней. Ташкент, 1957.
- Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Захир ад-дин Мухаммад Бабур.* Бабур-намэ (Записки Бабура). Ташкент, 1994.
- Иванов П.П.* Хозяйство джуйбарских шейхов. М.-Л., 1954.
- Исламов У.И.* Многослойная стоянка Кельтеминарской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963.
- История Самарканда.* Т. I. Ташкент, 1969.

- История ат-Табари.* Ташкент, 1987.
- История Узбекистана* в источниках. Ташкент, 1984.
- Камалиддинов Ш.С.** "Китаб ал-Ансаб" Абу Са'да Абдалкарима ибн Мухаммада ас-Сам'ани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Ташкент, 1993.
- Камалиддинов Ш.С.** Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX- начала XIII вв. Ташкент, 1996.
- Касымов М.Р.** Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г.Бухары // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
- Лурье П.Б.** Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии. Дисс. канд. филол. наук. СПб., 2004.
- Массон М.Е.** Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // Труды ЮТАКЭ. Т. XIII. Ашхабад, 1966.
- Махмуд ибн Вали.** Море тайн относительно доблестей благородных. Ташкент, 1977.
- Мухамеджанов А.Р.** История орошения Бухарского оазиса. Ташкент, 1978.
- Мухамеджанов А.Р.** Древнебухарская стена Канпирак и кызылкырская оросительная система// Культура Древнебухарского оазиса III-VI вв. Ташкент, 1983.
- Мухамеджанов А.Р.** Городу Бухаре - 2500 лет. Ташкент, 1999.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семёнов Г.Л.** Городище Пайкенд. Ташкент, 1988.
- Немцева Н.Б.** Царская крепость в бухарской степи. (Рабат-и Малик, XI-XII вв.) // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
- Савина В.И.** Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М., 1971.
- Сагдуллаев А.С.** Поход Александра Македонского в Согдиану. Ташкент, 2007.
- Словарь таджикского языка (X - начало XX вв). Т. 1. М., 1969.
- Хромов А.Л.** О структурных особенностях Иранской топонимии Мавераннахра в период IX-XIII вв. Восточная филология. Вып. 3. Душанбе, 1974.
- Хужаназаров М., Грицина А.А., Мирзаахмедов Д.К.** Археологические исследования Карманинского отряда // Археологические исследования в Узбекистане - 2001 год. Ташкент, 2002.
- Чехович О.Д.** Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965.
- Шишкин В.А.** Варахша. М., 1963.
- Якубов Ю.** Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.
- Мирзаахмедов Ж., Одилов Ш., Пардаев М., Максудов Р.** Қизилтепа кадимиятидан лавхалар. Тошкент, 2002.
- Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий.** Бухоро тарихи. Мерос. Тошкент, 1991.
- Худуд ул-Олам. Душанбе, 1983.
- Al-Jakubi** – Ahmad ibn Abi Jakub ibn Wadhih al-Katib. Kitab al-Buldan. BGA, pars. 7. Lugduni-Batavorum, 1967.
- Al-Mukaddasi.** The Divisions for Knowledge of the Regions. London, 1994.
- Tremblay X.** La Toponymie de Lu Sogdiane et Le traitement de xoet foen iranien, in: Sl. t. 33, 2004.

РЕМЕСЛО СТЕКЛОДЕЛОВ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО УЗБЕКИСТАНА IX-XV ВВ.

(По материалам Бухары, Пайкенда, Самарканда, Ташкента, Ахсикета и Кувы)

© 2011. Дж.К. Мирзаахмедов

Институт археологии АН РУз

При характеристике средневековых ремесел Узбекистана необходимо опираться как на данные письменных источников, так и материалы археологии ясно показывающие, что в IX-XV вв. здесь были развиты самые различные производства, славившиеся далеко за её пределами. Не случайно Истахри утверждал, что жители Мавераннахра имели у себя всё в изобилии и не нуждались ни в каких произведениях других стран, так как сами весьма изобильно изготовляли всё необходимое. (Бартольд, соб. соч. том I. С. 295).

Среди ремесленных производств средневековой Средней Азии значительное место занимало стеклоделие. Его производство считалась достаточно сложным и носило городской характер (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 285). Несмотря на его отдельные находки в доисламский период, технология изготовления, видимо, была ещё несовершенна, а секреты мастерства передавались из поколения в поколение. Видимо, поэтому впервые о его производстве здесь мы узнаём из китайской хроники «Бейшу» где сообщается, что «в 424 году высококвалифицированные мастера – стекловары прибывшие из владения Юечжи плавлением горных пород получили разноцветные стёкла, которые по своим качествам превосходили изделия привозимые из западных стран». В последующий период в хронике «Таншу» речь идёт о том, что в 713-755 гг. из Средней Азии неоднократно присылали в Китай стеклянные изделия красного и изумрудного цветов, высоко ценившихся в «Поднебесной империи» (Бичурин, 1950. С. 321-322).

Даже из этих отрывочных данных китайских летописей становится ясным, что Средняя Азия и, в частности, южные районы Узбекистана могли являться не только известными центрами стеклоделия, но и первыми внедрили его производство в Китайской империи.

Тем не менее, по археологическим материалам стеклянные изделия, как в эпоху античности, так и в период раннего средневековья продолжали оставаться достаточно редкими и дорогостоящими предметами роскоши, с набором небольших форм парфюмерного назначения.

Наиболее ранние материалы по стеклу из археологических комплексов Узбекистана мы имеем по исследованиям погребальных памятников эпохи бронзы в Согде и Хорезме. Это образцы стеклянного бисера из могильника Заманбаба датируемые концом III – первой половиной II тыс. до н.э. из Бухарского оазиса (Кузьмина, 1958. С. 30-31) и бусы из светло-голубой пасты могильника Кокча 3 в Хорезме датируемые XIII-XI вв. до н.э. (Итина, 1961. С. 86-89).

Безусловно, эти находки носили привозной характер, но являются первыми бесспорными, свидетельствами далёких контактов и знакомства населения края с ха-

рактарным, востребованным типом изделий из неё. Значительно позже, наряду с продолжающимся широким спектром спроса на украшения из стекла, получает распространение и стеклянная посуда.

Так, по результатам раскопок Афрасиаба в 1947 г. А.И. Тереножкиным в слоях Афрасиаб - IV был выявлен сосудик каплевидной вытянутой формы (флакон ?), с несохранившимся венчиком, отнесённый автором ко II в. до н.э. – I в. н.э. (Тереножкин, 1950. С. 157, рис. 70:7; рис. 69: V). По результатам последующих исследований Г.В. Шишкина конкретизирует его датировку, по сопровождающему керамическому материалу, началом нашей эры (Шишкина, 1986. С. 18). Фрагмент флакона шаровидной формы голубого цвета, был получен в слоях Греко-Бактрийского периода из шурфа на цитадели Старого Термеза (Абдуллаев, 1998. С. 129).

Значительно больший интерес представляют находки стеклянных изделий полученные при раскопках II и III храмовых зданий городища Топрак кала – древней резиденции правителей Хорезма. Это, прежде всего, огромное количество стеклянного мелкого бисера зелёного, синего, голубого, красного и жёлтого цветов (663 экз.), бус различных форм (343 экз.) и многочисленные осколки стеклянной посуды. Большую группу, среди последних, составляют фрагменты сосудов с полированным и гравированным орнаментом из прозрачного бесцветного, зеленоватого и желтоватого оттенков, толстостенных и тонкостенных кубков, бокалов, чаш, венчиков и тулова кувшинов. Встречаются также сделанные из тонкостенного стекла стенки бокалов, фрагменты мозаичного стекла, с орнаментацией из накладных нитей, росписью, покрытые сильной иризацией или патиной, датируясь периодом поздней античности или эпохой Великого переселения народов - IV - нач. VI вв. (Трудновская, 1981. С. 117-121, рис 58, 59; Неразик, 1981. С. 53-55).

По результатам исследований более широкого круга памятников Древнего Хорезма: Джанбас кала, Аяз кала, Думан кала, Базар кала, Беркут кала, Наринджан и Кават кала было отмечено такое же большое количество находок, преимущественно из стеклянных бус различных размеров, форм и цветовой гаммы относящихся к эпохе античности и раннего средневековья. Они имели широкий спектр параллелей с находками из памятников Северного Причерноморья, Кавказа, Восточной Европы, Сибири и отчасти Средней Азии, указывая, в большинстве случаев, на импортный характер их происхождения.

Вместе с тем, встречались образцы бус, отличающиеся по различным параметрам от привозных. Отсутствие аналогий, по отдельным из них, по предположению автора, свидетельствует не только о наличии местного хорезмийского производства стекла, но даже торговлю изделиями из него (Пташникова, 1952. С. 110-118). По материалам находок женских и мужских украшений из Топрак калы, следующий исследователь, основываясь на своеобразии и следах последовательной производственной обработки одной из её групп, а также оригинальных фрагментов посуды приходит к такому же выводу (Трудновская, 1952. С. 130-131).

Таким образом, исследователи для эпохи античности наиболее показательным отмечают появление ограниченного количества стеклянных сосудов. В основном же стекло продолжало идти для изготовления украшений, главным образом бус. Стекло всё ещё играло роль заменителя ценных камней – самоцветов, а также инкрустации художественных изделий. Стеклянные бусы становятся предметом массового и повсеместного употребления в кочевой и оседло-земледельческой среде

(Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963. С. 82-83). Далее авторы предполагают о наиболее вероятном зарождении собственного производства стекла в Средней Азии последними веками до н. э., обосновывая это многочисленностью находок, их повсеместным распространением, а также расширением ассортимента стеклянных изделий (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963. С. 88).

Для следующего раннесредневекового этапа VII – нач. VIII вв., мы наблюдаем появление новых типов стеклянных изделий происходящих из Тохаристана (Балалык тепа) и Согда (Афрасиаб) в виде небольших медальонов с женскими божествами, отражающими культ богини – матери и плодородия (Альбаум, 1960, рис. 53; Тереножкин, 1950, рис. 72:1). А.И. Тереножкин далее, в приведённой работе отмечает, что вплоть до мусульманского периода находки стеклянных изделий здесь немногочисленны. По настоящему массовый сдвиг в его производстве на городище прослеживается со второй половины VIII в., когда изделия из стекла почти стали столь же обычными для самаркандцев как и глиняная посуда. В это время наибольшим распространением пользовались сосуды, дутые в формах с рельефным узором – широкие, низкие кружки, стаканы, рюмки на высокой ножке, различные бутылочки и флакончики (Тереножкин, 1950. С. 167).

Г.В. Шишкина в обобщающей работе по стеклу Афрасиаба согласуется с этим: «Почти полное отсутствие стеклянных изделий на Афрасиабе среди находок в слоях вплоть до середины VIII в. объясняется, надо думать, малым объёмом производства, связанным с этим дороговизной и малой распространённостью стекла в быту. Датированные стеклянные изделия на Афрасиабе известны лишь с конца VIII в.» (Шишкина, 1986. С. 18). В последних публикациях по стеклу раннего средневековья В.И. Распопова также поддерживая точку зрения Тереножкина, добавляет: «Мне кажется, что до этого времени нельзя говорить о развитом самостоятельном согдийском стеклоделении. Подавляющая масса изделий из стекла была привозной. Стеклянные сосуды из Пенджикента хорошо отражают торговые связи Согда со странами Ближнего и Среднего Востока» (Распопова, 2010. С. 4). Далее автор ещё более лаконично подчёркивает, что «знакомство со стеклянными сосудами не по изданиям, а «вживую» утвердило моё мнение, что стеклянные сосуды в Согде V – первой трети VIII в. были не местного производства, а привозными» (Распопова, 2010. С. 6). И, наконец, обобщая приведённые выше точки зрения И.Б. Бентович отмечает, что в «VI-VIII вв. в городах Средней Азии существовало производство стекла, но ещё не на высоком уровне. Ассортимент изделий очень не богат. Местные стеклоделательные мастерские производили, в основном, парфюмерную посуду и в очень ограниченном количестве – посуду хозяйственную» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 69).

Таким образом, несмотря на краткость разбора материала по стёклам периодов античности и раннего средневековья, вырисовывается единая картина их использования как предметов роскоши происходящих, преимущественно, из дворцовых комплексов и богатых захоронений. Они имели ограниченный характер распространения, состояли, преимущественно, из украшений и незначительного количества парфюмерных и посудных форм. Во всех обобщающих исследованиях делается вывод о широком распространении стекла лишь с конца VIII – начала IX вв.

Вместе с тем, результаты работ по стеклу крупнейших средневековых городских центров Узбекистана за последние десятилетия внесли определённые дополнения к вышеприведённым выводам и коррективы к характеру назначения отдельных типов

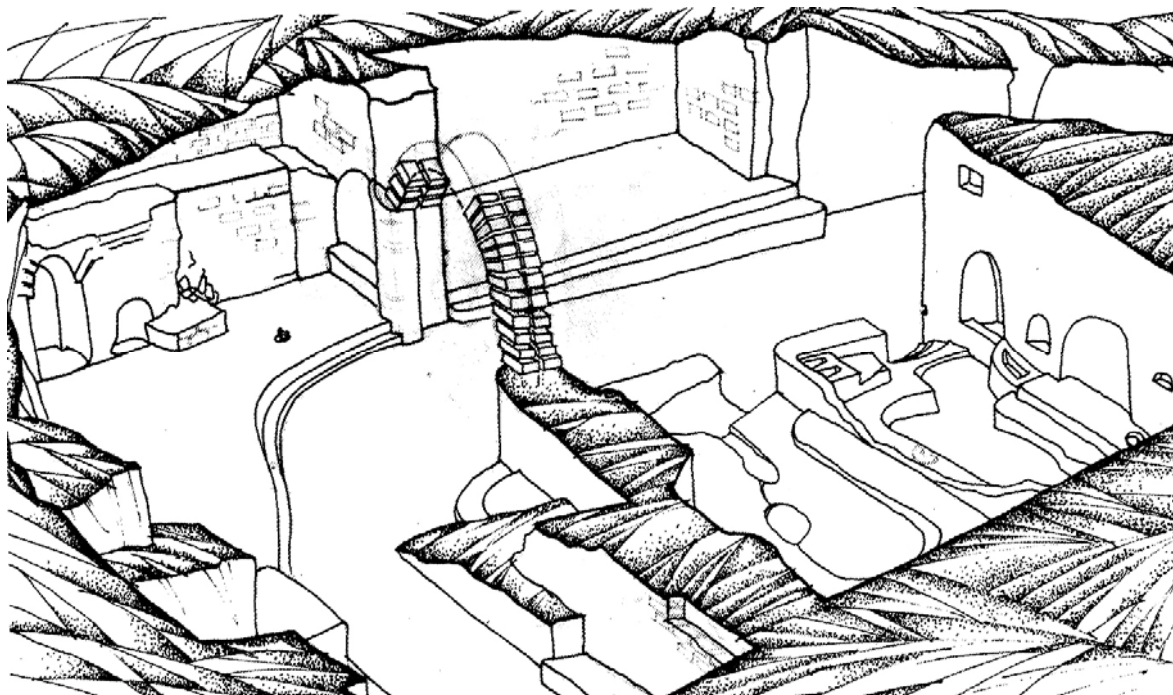
изделий. Существенное значение, в этом плане, положившее начало более углубленному изучению одного из значимых направлений в стеклоделии развитого средневековья, явилось открытие в 1983 году, по данным исследователей, остатков помещений уникальной аптеки на городище Пайкенд (Мухамеджанов, Семенов, 1984. С. 35-39).

Объект выявлен в центральной части памятника, на перекрестье основных уличных магистралей, соединявших два его шахристана и, возможно, по аналогиям с позднесредневековыми торговыми куполами Бухары, мог носить специальный торгово-производственный характер. Здесь, в первом, из трёх помещений аптеки (рис. 1) было получено 14 археологически целых стеклянных алембиков и их фрагменты из зеленоватого полупрозрачного стекла, а также небольшая медная четырёхугольная чашечка размерами 23x23x7 мм с остатками воска на дне (рис. 2).

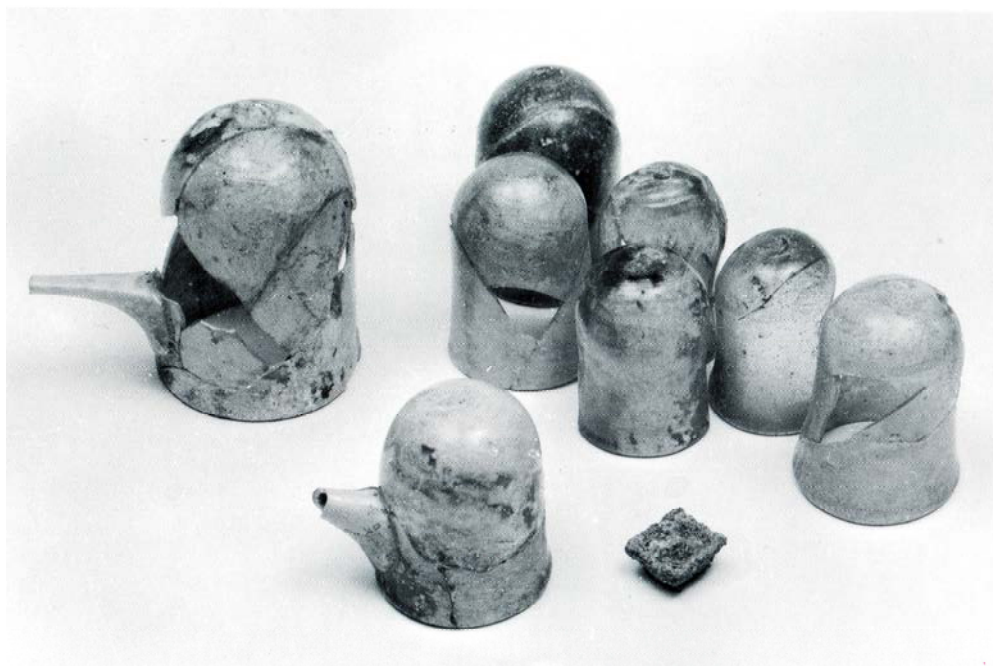
Алембики и их обломки, в большинстве случаев, были выявлены раздавленными с полов помещения и фрагментарно в нише заполненной чистой белой золой, а также археологически целой в одной из ям (Мухамеджанов, Семёнов, 1984. С. 35-39). Они имели цилиндрическую форму с округлым основанием и слегка утолщенным венчиком. Сбоку от сосуда отходит, полая внутри, стеклянная трубочка, обычно, с наклоном в сторону полукруглого основания. Поверхность отдельных из них гладкая и блестящая, других—чуть матовая. Диаметры их резервуаров колеблются в пределах 3,5-5,1 см, высота 4,5–8 см, носики сосудов сохранились на длину 6-9 см. (Мухамеджанов, Семёнов, 1988. С. 62- 63).

Подобные сосуды были широко распространены в странах Ближнего и Среднего Востока в X–XII вв. Наиболее ранние их образцы происходят из Ирана и датируются VI-VIII вв. (Lamm. 1935, p. 15).

О назначении этих сосудов велись дискуссии. Большинство авторов относили их к типу специальной химической посуды, считая, что открытыми резервуарами они приставлялись к перегонным дистилляционным аппаратам и при возгонке летучие

Рис. 1. Общая реконструкция приемных помещений пайкендской аптеки

Рис. 2. Археологически целые формы малых алембиков и маленькой четырехугольной бронзовой чашечки из пайкендской аптеки.

пары ртути, медицинских или ароматических веществ через длинные узкие полые трубочки было удобно перегонять в сосуды приёмники типа сфероконусов (симвокузача) или стеклянные пузырьёчки (Аминджанова, 1961. С. 253; Папахристу, Ахрапов, 1981. С. 94; Атагарыев, 1980. С. 116; Шарахимов, 1973. С. 228).

Другие исследователи, видимо, учитывая, что у стаканообразных алембиков носики при перегонке будут направлены не вниз, а вверх, в сторону округлого дна и, при этом, пары летучих веществ сложно вводить в приемники, полагали, что данный тип алембиков предназначался для более простых операций по сливанию ртути в другие сосуды (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963. С. 132) или для переливания различных дорогих ароматических масел в сосудики-приемники (Джанполадян, 1965. С. 214-215).

При этом исследователи, в большинстве случаев, не принимали всерьёз наиболее раннее сообщение Ламма о том, что это сосудики для кровопускания, основанной на одной миниатюре багдадской школы XIII в. (Lamm, 1930, tabl. 1:13, 14, 16).

На ещё большую конкретизацию вопроса о спектре деятельности Пайкендской аптеки может указывать найденная здесь небольшая четырёхугольная чашечка (23x23x7), содержащая остатки воска на дне (рис. 2). В эпоху средневековья, по данным источников, воск широко использовался в различных сферах ремесла и быта. Но находка, в исследуемом помещении, небольшого сосудика с ним, указывает не на производственный, а скорее, медицинский характер его употребления. В восточной фармакопее воск (мум) считался средством лечения от различных болезней и использовался как для внутреннего, так и наружного применения.

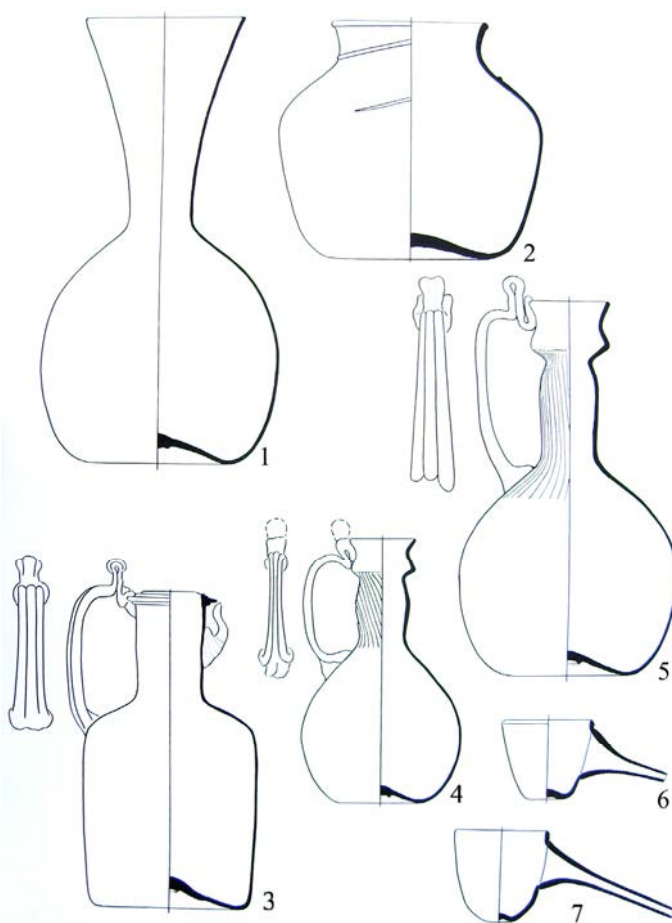
У Абу Али ибн Сины отмечается, что воск используют как самостоятельно, так и в различных смесях, причём при приеме внутрь его пьют в виде пилюль подобных просяным зернышкам, в количестве 10 штук он помогает от прекращения выделе-

ния молока в груди кормилиц. Так же, в количестве 10 просяных зерен, в просяных и рисовых кашах от язв в кишках (Абу Али ибн Сина, 1956. С. 396-397). К тому же, отмечаемое в источниках, ограниченное количество употребления воска, прямо соответствует небольшому объему его находки.

Таким образом, на основании выявленных с полов помещения материалов, большой суфы располагавшийся здесь, где мог производиться прием больных и продажа лекарств, безусловно, указывают на открытие в Пайкенде остатков «аптеки» или, вернее, специализированного помещения для приема больных, осуществлявшееся местным лекарем-табибом. Датировка «аптеки» совершенно определенно фиксируется на находках с пола помещения большого количества монет и черепка с ранней арабской надписью с датой «суббота, 30 июня 790 г.» указывающих на его функционирование, по крайней мере, в конце VIII века.

Тем не менее, возвращаясь к нашей теме отметим, что как в первой, так и во второй публикации, авторы учитывая спорность вопроса о назначении стаканообразных алембиков сомневались в чисто медицинском характере их назначения. Поэтому, хотя они и называют вскрытый объект аптекой, тем не менее его функции связывают, в целом, с химическим производством, что конечно же не отрицало, а включало занятия медициной и алхимией (Мухамеджанов, Семёнов, 1988. С. 64).

Дальнейшее решение проблемы назначения стаканообразных алембиков, мы находим в публикации большого комплекса стеклянной посуды из бадраба, второй половины X—нач. XI вв. в стратиграфическом шурфе на территории шахристана I городища Пайкенд. Здесь, наряду с другими видами стеклянной посуды было выявлено два таких алембика. Диаметры их венчиков составляют 5,5 - 6 см, высота 5-6 см, сохранившаяся длина носиков 6-9 см (рис. 3: 6,7). Исследователи разбирая вопрос об их назначении отмечают, что кроме стаканообразной ее разновидности, существовала и вторая, встречающаяся значительно реже, но более крупных размеров. Стеклянные алембики этой разновидности имели широкую, прямую горловину, заходящую внутрь колбообразного резервуара, создавая таким образом приемник с внутренним желобком, как у чернильницы-несливайки (рис. 4).

Рис.3. Малые стеклянные алембики и сопровождавшая их стеклянная посуда из стратиграфического шурфа на Шахристане I городища Пайкенд.

Носики у этих сосудов отходят прямо или вниз, относительно полусферического основания. В таком сосуде, видимо, было удобно конденсировать из пара в жидкость не только ртуть, но и другие вещества. Испаряющиеся пары оседая и охлаждаясь стекали по стенкам в желобок, а затем по носику вниз, попадая в заранее установленный сосуд (Мирзаахмедов, Адылов, Мухамеджанов, 1990. С. 45). По мнению Р.М. Джанполадян, исследовавшей средневековые армянские рукописи, именно эти алембики полностью соответствуют тем сосудам, которые алхимики употребляли для дистилляции,

Рис. 4. Образец крупного алембика из бадраба 5 в сторогородской части Бинката-Ташкента

без особо приспособленного холодильника. Такой алембик ставился на сосуд, в котором находилось исходное вещество, а хоботок его соединялся с сосудом-приемником. Эти приборы имели не только узко лабораторное назначение, а широко применялись и в быту. Автор приведенного выше химического трактата указывает, что подобным способом были устроены и аппараты для получения розовой воды. А розовая вода, как известно, имела широкое употребление в косметике и медицине, а также являлась предметом широкой торговли (Джанполадян, 1965. С. 214). Что же касается стаканообразных алембиков, то они не пригодны в качестве прямого конденсатора: у них сравнительно малоемкий резервуар и отсутствует внутренний желобок, где могла бы скапливаться сконденсированная жидкость. Носики этих сосудов вовсе не предназначены для сливания ртути в другие сосуды. Если бы у них носики были направлены так же как у алембиков второго типа, вниз относительно горловины, то при насадке лишь незначительная часть сконденсированной жидкости действительно могла бы стечь по трубке (значительная же часть по стенкам стекла бы обратно в колбу с полуфабрикатом). У стаканообразных алембиков повсеместно носики направлены вверх относительно горловины. Исходя из этого, можно утверждать, что для получения ртути, или подобных ей тяжелых по удельному весу веществ удобнее было пользоваться не малыми, а крупными алембиками, с непосредственным процессом конденсации. Подтверждением этого может послужить находка М.Е. Массоном в Бухарской области крупного стеклянного алембика хранящегося ныне в Музее истории Узбекистана в Ташкенте, с керамической ретортой для перегонки ртути (Аминджанова, 1961. С. 248).

В отличие от больших, малые алембики, встречающиеся среди археологического материала гораздо чаще, видимо, имели более широкое распространение. Безусловную достоверность в назначении последних, как кровопускающих, мы получаем из последующих публикаций, где для доказательства наряду с находками алембиков из Пайкенда приводится миниатюра из багдадской рукописи 1237 г. «Макамат» Ал Харири, хранящейся в Национальной библиотеке Франции в Париже, где показан для слушателей лекционный сеанс врачевания над сидящим пациентом с открытой спиной и стоящими в ряд на полке малыми алембиками (рис. 5). Еще более конкретизирована эта точка зрения в миниатюре из другого иракского варианта рукописи «Макамат» Ал Харири 1240 г. хранящегося в Институте востоковедения в Санкт-Петербурге (рис. 6). Здесь также показан сеанс врачевания для большого количест-

Рис. 5. Миниатюра из багдадской рукописи 1237г. "Макамат" Ал-Харири с изображением сеанса врачевания и стоящими в ряд на полке малыми стеклянными алембиками

Рис. 6. Миниатюра из другого варианта багдадской рукописи "Макамат" Ал-Харири 1240 г. с изображением сеанса врачевания, где на оголённую спину пациента приставляется малая форма стеклянного алембика

другой исторический источник – трактат о хирургии и инструментах медика жившего на рубеже X-XI вв., где говорится о применении кровотоотсасывающих банок и способе пользования ими. Здесь автор отмечает, что они делались из рогов, дерева, меди или стекла и предназначались для кровотоотсасывания, а не кровопускания, как отмечалось выше. Ставились они двумя способами: с надрезами на коже и отсасыванием крови и без надрезов (последние могли ставиться в двух вариантах: с огнём и без огня), являясь, в какой-то степени, прообразом современных стеклянных банок, применяемых при простудных заболеваниях. В зависимости от болезни пациентов и назначения врачей банки имели различный характер применения, конструкции, размеры. Различие в размерах также объясняется возрастом пациентов, местом на теле куда прикладывались банки, а также к каким венам они приставлялись (Абул-Касим Аз-Захрави, 1983. С. 211-216).

К представленным данным источников можно добавить так же интересные материалы по этнографии. Вплоть до настоящего времени в округе Пайкенда (Каракульский район Бухарской области) один из представителей народной медицины (табиб) продолжает традицию лечения отдельных болезней путем кровотоотсасывания. Инструментом для этой процедуры служит небольшой по размерам (около 10 см в длину) рог бычка. Наряду с естественным открытым резервуаром, у его противоположного заостренного кончика было просверлено маленькое сквоз-

ное отверстие сообщавшееся с резервуаром. К этому навершию сверху приставлялся лоскутик мягкой тонкой кожицы, крепившийся с помощью нитки к неглубокому круговому канальчику. Процедура кровопускания заключалась в нанесении больному небольшого надреза, куда плотно приставлялся рог и отсасывания с его конца воздуха из резервуара инструмента. Затем табиб с помощью языка, прикрывал мягкой кожей отверстие рога. В результате разряженности в резервуаре значительно быстрее шел не только процесс кровоотсасывания, но и исключалась вероятность естественного свертывания крови из небольшого надреза и необходимость в повторе подобной процедуры (Мирзаахмедов, Адылов, Мухамеджанов, 1990. С. 46-47).

Таким образом, вышеприведенные материалы археологии, исторических источников и данные этнографии, совершенно определенно, указывают на то, что малые стаканообразные алембики являлись не химическими, как утверждало ранее большинство исследователей, а медицинским инструментом. Их длинные носики-трубочки направленные кверху предназначались для отсоса воздуха лекарем-табибом и создания разряженности в резервуаре и самотека крови. Различные размеры малых алембиков зависели от того к какой части тела они приставлялись – для туловища обычно использовались крупные, а для головы, шеи, рук, а также маленьких пациентов – меньшие размеры. По сравнению с металлическими, костяными или деревянными аналогами широкое распространение, по данным археологии, в IX—нач. XIII вв. стеклянных малых алембиков, видимо, объясняется тем, что последние, будучи прозрачными, позволяли зрительно контролировать процесс отсоса и их лучшей гигиеничностью при многократном использовании. Также, видимо, необходимо учитывать их значительную дешевизну в сравнении, по крайней мере, с металлическими и костяными образцами и, исходя из этого, массовым использованием в народной среде, возможностью лечения, по традиционной восточной медицине, не ограниченного количества, а более широкого спектра болезней. Простота процедуры, дешевизна стеклянных алембиков, а также легкость контроля за процессом могла позволять, в большинстве случаев, проводить курс лечения или повторные процедуры силами самих домочадцев, а также обращаться к квартальным цирюльникам, которые, по данным средневековой персидской прозы или этнографии Бухары, часто занимались подобными операциями по кровопусканию, выдерживанию зубов, извлечением из тела больных тонких, длинных червей ришта.

На исторические корни внедрения, важность традиции кровопускания и её происхождение из западных частей Халифата могут указывать отмеченные в источниках специальные праздничные дни посвященные кровопусканию в Багдаде. Операцию эту производил цирюльник, получавший за это около 912 г. по пол дирхема. В связи с этим, богатые люди держали своего собственного цирюльника (Мец, 1966. С. 335, прим. 76). В этом же плане необходимо рассматривать и данные следующего источника X в., где порицается ношение пёстрой одежды, приличествующей для женщин и слуг. Мужчина мог надевать её, в крайнем случае, в четырёх стенах своего дома, в дни лечения кровососными банками или во время попойки (Мец, 1966. С. 306).

Оригинальный комплекс малых алембиков различных размеров также был получен из раскопа 50x50м при археологических исследованиях древнего шахристана города Бухары в 1978 г., располагавшегося к северу от медресе Мири Араб. Комплекс из шести целых и фрагментов от более восьми малых алембиков был извлечён из небольшой ямы размерами 55x43 см, заполненной чистой сероватого цвета

золой (рис. 7). Сама яма и относящийся к ней сильно разрушенный культурный горизонт были выявлены в фактуре разрушенных южных раннесредневековых стен первого шахристана города, некогда разделявшегося протоками городской реки - Шахрруда, отходившего от Зарафшана, на несколько самостоятельных частей. Полученный из ямы и рядом с ней сопутствующий керамический материал составляли мелкие невыразительные фрагменты стенок от кувшиновидных сосудов. По характеру последних, отсутствию среди находок каких-либо фрагментов глазурованной керамики и расположению зольной ямы в структуре заброшенной и обживавшейся населением раннесредневековой стены указывают на хронологию находок приблизительно началом IX в. На основании археологически целых образцов комплекс состоял, преимущественно, из больших и вдвое меньших по размерам стаканообразных алембиков из голубоватого, покрытых патиной и, реже, зеленоватого цвета стёкол. Размеры диаметров крупных колеблются в пределах 5-5,5 см, высота 5,5-6 см, длина носиков достигала до 8,5 см. Размеры диаметров малых алембиков соответственно составляли 3,5 см и по высоте 4,5 см.

Добавим, что из зольной ямы, наряду с алембиками, были выявлены фрагменты, в значительной степени собирающегося, сильно коррозированного бронзового усьмадона. Сохранилась большая часть округлого резервуара диаметром 5,5 см, плоское основание диаметром 3 см и обломанный носик (2 см) с характерным желобком для слива жидкостей из резервуара сосудика.

Рис. 7. Комплекс малых алембиков и усьмадона из зольной ямы в раннесредневековой стене старого Шахристана города Бухары

В целом, интересной особенностью полученных материалов являются её параллели с комплексом из «аптеки» городища Пайкенд. Это, касается не только находки набора различных по размерам алембиков, но и бронзового сосудика усьмадон, а также обнаруженной в пайкендской аптеке ниши с такой же чистой золой, из которой были извлечены фрагменты алембика. Для объяснения, что эти параллели являются не случайными отметим, что все алембики и их фрагменты в комплексе из Бухары были выявлены из чистого зольного слоя. Исходя из этого, вполне допустимо предположить, что и алембики из пайкендской аптеки также должны были находиться в зольнике ниши и по какой-то неблагоприятной причине оказались раздавленными на полу. Попытаемся выяснить, по какой причине профессионалы лекари содержали один из наиболее употребительных инструментов, а также медные сосудики в зольнике.

Материалы по эпохе средневековья, а также широкие параллели по этнографии, вплоть до сегодняшнего дня показывают, что чистая зола, по своей структуре, являясь щелочесодержащей, массово использовалась при стирке белья, отбеливании материй, а также в повседневном быту для чистки посуды и другой утвари. Исходя из этого, зола в эту эпоху, для инструментов средневековых медиков могла играть роль антисептика – уничтожавшего, по крайней мере, значительную часть опасных микроорганизмов или, в большей степени, асептика—препятствовавшего их проникновению. А если к золе добавить воду то получался дезинфицирующий раствор более активного спектра действия—простым универсальным средством стерилизации инструмента (Мирзаахмедов, 2003. С. 5).

Все эти данные, со всей очевидностью, позволяют предполагать, что уже к концу VIII- нач. IX вв. в традиционной медицине Мавераннахра существовали совершенно определённые представления об инфекционном характере отдельных болезней. На основании наших археологических материалов мы можем с уверенностью констатировать, что табибы прекрасно понимали, что человеческая кровь может являться источником болезни, а его переносчиком медицинские инструменты много разового использования типа алембиков, ножей которыми делались надрезы, для дезинфекции которых, видимо, при каждом приёмном помещении лекарей, в нишах или суфах, устанавливались специальные ямки с золой.

Второй находкой из зольника с алембиками в Бухаре явились остатки бронзового усьмадона. Как в первом случае из Пайкенда, так и во втором случае из Бухары, это относительно небольшие формы. Если в бронзовом сосудике из пайкендской аптеки содержались остатки воска (мум), то в комплексе из Бухары бронзовый усьмадон, по прямому назначению являлся косметическим прибором, куда женщинами собирался сок усьмы для подкрашивания бровей. Представленная металлическая её форма была особенно незаменима в зимний период, когда в резервуаре усьмадона высушенные листья растения увлажнялись водой и подогревались на огне (Мирзаахмедов, 1998. С. 117). И хотя, по этнографическим параллелям, её назначение определяется совершенно очевидно, тем не менее, её находка в комплексе с алембиками, а также аналогичному сосудику из пайкендского комплекса, не может быть случайной.

Нам представляется, что в период раннего и развитого средневековья усьмадоны могли иметь более широкий спектр использования довольно часто встречаясь в археологических комплексах (Ширинов, Матбабаев, Иванов, 1998. Рис. 34; Кабанов, 1956. Рис.19). В.И. Распопова, по материалам Пенджикента середины VIII в., скло-

няется к мнению об их использовании для аптекарских и косметических нужд (Распопова, 1980. С. 125, рис. 82:7, 9). Здесь также мог храниться воск (мум), производиться лечение им, а в зимний период он мог подогреваться на огне. Но всё же, в большей степени, как мы полагаем, оба сосудика должно объединять то, что размягченными во рту восковыми шариками – мякишами лекари–табибы прикрывали отверстия носика – трубочки после высасывания воздуха из резервуара алембика, как это мы наблюдали по этнографическим параллелям на примере рога с тонкой кожицей из округи Пайкенда.

Таким образом, как сами алембики, так и чашечки с воском участвовавшие в процессе лечения кровотоасыванием могли подвергаться дезинфекции, в первом случае засыпанием в золу, а во втором, прогреванием бронзовых сосудиков с воском на огне.

Ещё одним достижением археологических исследований последних лет, в данном направлении, явилось открытие на городище Пайкенд, вдоль одной из центральных торговых артерий, выходящих к южным воротам, на втором шахристане города трёх лавок, из культурных горизонтов которых было извлечено большое количество малых алембиков (Торгоев, 2007. С. 24-29). Материал был здесь извлечён с полов помещений, из ташнау и из подпрямоугольного хозяйственного ящичка, датируясь второй половиной X - нач. XI вв. В лавке X было выявлено 8 археологически целых и около 20 во фрагментах, в лавке XI не менее 9 во фрагментах, в лавке XII – 28 археологически целых и более 70 во фрагментарном (рис. 8) состоянии (Торгоев, 2007. С. 24-29). Причём, в комплексе последней лавки имелись фрагменты ножа, возможно, служившего для надрезов на коже. Исходя из ранее несопоставимого количества находок алембиков, включавшего и небольшой набор стеклянной посуды – колб, кувшинов, стаканчиков и пузырёчков, характерных для медицины или химии (рис. 9), а также, учитывая, вскрытое прежде на городище помещение аптеки, исследователь полагает близость их по плану, хотя по материалу лавочки датируются позднее.

При этом, к наиболее интересным формам на последнем рисунке (9:1,2) можно отнести стеклянный флакон с рельефной орнаментацией, выполненный методом дутья в форму и предназначавшийся для хранения каких-то ароматических жидкостей или мазей. Другой редко встречающейся формой является колбообразный сосуд с небольшим шаровидным основанием и длинной узкой цилиндрической горловиной (рис. 10). В материалах по античному стеклу начала нашей эры подобные сосуды носят название бальзамария - флакона для хранения душистого масла, широко использовавшегося в погребальном ритуале (Кунина, 1997. Кат. 220, 221).

В химической литературе такие формы носят название мерных колб, круглодонных с длинной цилиндрической горловиной. Предназначаются для растворения веществ, приготовления растворов определенных концентраций и т.д. Исходя из этого, оба предмета, также безусловно, имели отношение к лавке лекаря–табиба, являясь сосудами парфюмерно-аптекарского назначения.

Таким образом, принимая во внимание, что малые алембики, хотя и в небольших количествах, повсеместно присутствуют в археологических комплексах IX - нач. XIII вв. по всем регионам Мавераннахра, их можно отнести не только к наиболее распространенным, но и самым ранним, встречаемым со второй половины VIII века специальным видам стеклянных медицинских инструментов. Ещё больший интерес вызывают их массовые, показательные находки в Бухарском оазисе, включавшие, в

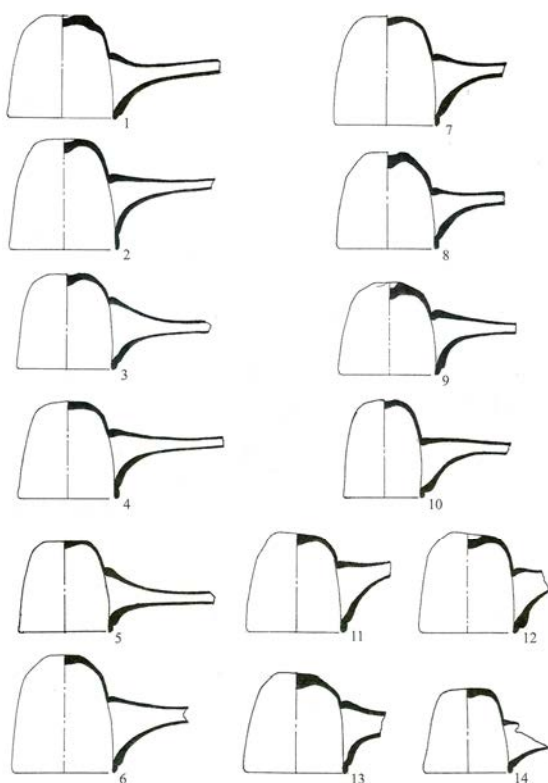

Рис. 8. Шахристан II городища Пайкенд. Часть комплекса малых аламбиков из ямы лавки XII.

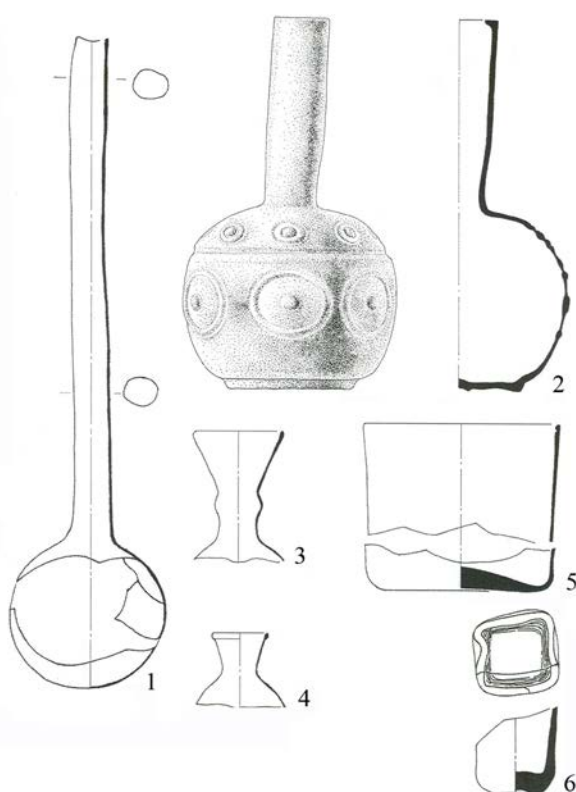

Рис. 9. Изделия из стекла, полученные в комплексе с находками малых аламбиков из Шахристана II городища Пайкенд из ямы в лавке XII.

отдельных случаях, около сотни экземпляров. На сегодняшний день можно совершенно уверенно утверждать, что не только пайкендская аптека, но и комплекс из Бухары и три лавки из Пайкенда, безусловно, являлись приёмными помещениями местных лекарей-табибов. На широкую практику последних в народной среде указывает и их месторасположение. Пайкендская аптека – на перекрестье магистральных улиц соединявших I и II шахристаны города, а три следующие лавки - на центральной улице при входе в город, у южных ворот, за пределами которого располагался базар, куда с товарами стекались и сельские жители.

Таким образом, на основании представленных материалов, мы полагаем, что вскрытие целого ряда приёмных помещений табибов в Бухаре и Пайкенде, совершенно очевидно указывает на значительный взлёт культуры врачевания в Оазисе. Исходя из этого, появление из Бухары такого выдающегося энциклопедиста и врача как Ибн Сина, знания которого, как мы убедились, опирались на мощный пласт традиционной народной медицины, представляется, по нашему мнению, вполне закономерным.

Так, уже живший за столетие до Ибн Сины, в той же Саманидской империи, выдающийся алхимик и медик Ар-Рази не только выявил такие опасные инфекционные заболевания как корь и оспу, но и предложил, используемый до наших дней, новаторский метод лечения последней, методом прививки (Каримов, 1957. С. 32-33).

Следующую небольшую группу стеклянных сосудов, на которой мы уже частично останавливались выше и аналогичных по названию с предыдущими, составляют алембики больших размеров. Наиболее сохранившийся её экземпляр, хранящийся в Музее истории Узбекистана в Ташкенте, также происходит из Бухары и найден М.Е. Массоном вместе с керамической ретортой для перегонки ртути (Аминджанова, 1961. С. 248). Интересной её особенностью является наличие на полусферическом навершии сплошной массивной круглой ручки. Назначение крупных стеклянных алембиков, практически, не вызывает споров и все авторы сходятся во мнении, что они предназначались для дистилляции воды и различных других препаратов, улавливания паров ртути. Особенно подробно, принцип его действия описан в позднесредневековых армянских рукописях, где они показаны как часть дистилляционного аппарата насаживавшегося открытым резервуаром на более широкую горловину реторты изготовлявшуюся из различных материалов и, в том числе, стекла (Джанполадян, 1965. С. 212-214).

Реторта с исходным веществом нагревалась на огне, поднимающиеся пары соприкасаясь с полукруглым навершием алембика охлаждались, стекали в желобок и затем по трубочке в приемник. Подобные аппараты имели широкий спектр действия не только в алхимии, фармации и ремесленных производствах, но и в быту населения, для получения розовой воды, розового масла и вплоть до восстановления цвета жемчуга (Абу-Райхан Ал-Беруни, 1963. С. 121).

Одной из интересных археологических находок, в этом аспекте, явилось открытие в 1985 г. в старгородской части Ташкента, на границе старого шахристана и рабада города, бадраба (№5) с комплексом подобной стеклянной химической посуды датируемой концом X – серединой XI в. (Мирзаахмедов, Ильясова, Адылов, 1999. С. 243-245). Оригинальность комплекта заключается в том, что здесь, наряду с двумя крупными стеклянными алембиками – насадками были получены одна большая и одна маленькая колбы, один крупный графин, а также целый набор небольших пузырёчков из прозрачного зеленовато-голубоватого стекла. При этом оказалось, что два обнаруженных крупных алембика очень удобно насаживаются на горловину крупной колбы-реторты (Мирзаахмедов, Ильясова, Адылов, 1999. Рис. 3:4, 5, 6). Таким образом, данная крупная реторта в комплекте с насадками – алембиками служила для термической обработки и конденсации каких-то жидкостей, например ртути или получению дистиллированной воды (рис. 11). Подтверждением данного мнения может служить также и извлечение из данного бадраба прилипшей к фрагментам стеклянного основания сосуда кусочков чистой, видимо, сильно отвердевшей под воздействием жара, жирной в своей основе, и блеском при разломе глины. Первоначально мы не придали этому значения, но при рассмотрении её в контексте с находкой большой колбы без дна и плотно сающихся к горловине колбы больших алембиков, полученных из одного бадраба, можно предположить, что это особый, отмеченный в источниках тип глины. Ар-Рази называл её «глиной мудрости» и специально останавливался на описании её изготовления (Каримов, 1957. С. 156, прим. 358). Ар-Рази и армянские источники рекомендовали покрывать ею днища стеклянных и керамических сосудов, чтобы они не лопались от огня, а также уплотнять ею края насаживаемых друг на друга приборов, для придания им большей герметичности, при проведении химических операций (Казанджян, 1955).

Рис. 10. Стекланный флакон и мерная колба из комплекса с алембиками на Шахристани II городища Пайкенд из ямы в лавке XII.

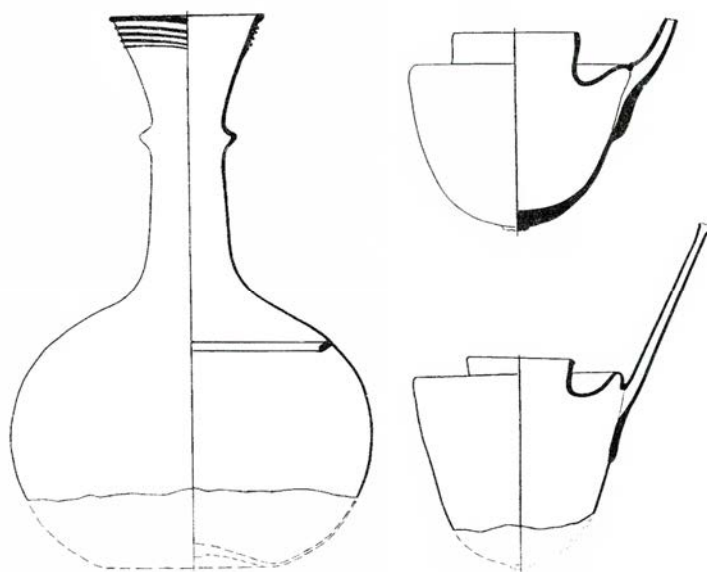

Рис. 11. Стекланная реторта и два крупных алембика из бадраба 5 старгородской части Бинката-Ташкента

Остановимся вкратце на особенностях колбы-реторты, на которой производилась возгонка. Тулово широкое сферической формы, венчик с раструбом для насадки. На шейке горловины у неё имеется небольшое расширение – желобок, а по плечикам так называемое ребро – ободок жёсткости, образуемое незначительным вдавливанием стенок внутрь, способствовавшей его большей прочности.

Исследователи полагают, что как незначительное сферическое расширение стенок на горловине, так и выступ внутрь стенок по плечикам, так называемое ребро жёсткости служили, в основном, для декантации, то есть удобства сцеживания жидкости с оставлением в сосуде осадка. При этом, выступ по плечикам являлся первым препятствием, а расширяющаяся шейка на горловине второй преградой для осадка, ещё раз указывая на её характер назначения – как специфической химической посуды (Джанполадян, 1965. С. 215–216). Как подобные большие алембики, так и крупные колбы – реторты известны не только по Бухаре, Ташкенту и Самарканду (Шишкина, 1986. Рис. 6:7), но и соседним государствам.

В тот же комплект химического набора, видимо входила и другая колба, но меньших размеров (рис. 12:1). Несколько подобных небольших колб было выявлено из располагавшихся рядом бадрабов 8 и 10 (рис. 13:15, 16). Они также имели близкие к сферическим стенки тулова и характерное кольцевое расширение стенок на шейке. От себя мы также можем добавить, что желобки горловины предназначались, вместе с тем, для замедления скорости стекания и утончения струи жидкости при её выливании. Подобные желобки и сейчас используются в современном бутылочном производстве (Мирзаахмедов, Ильясова, Адылов, 1999. С. 241). Представленные данные ещё раз указывают на назначение отмеченных колб для декантации, то есть сцеживания жидкости с оставлением в сосуде остатков или осадков и химический характер их функций.

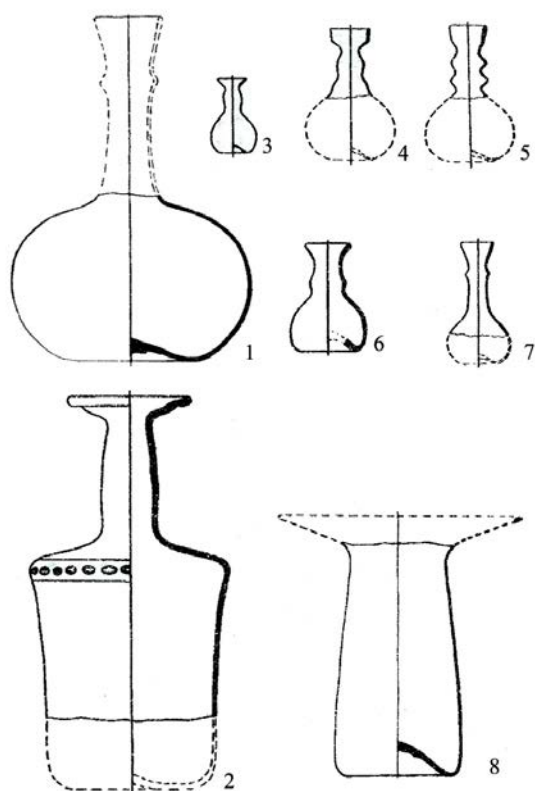

Рис. 12. Остальная группа стеклянных изделий из бадраба 5 старгородской части Бинката-Ташкента

Поскольку устье у этих колб маленькое, то возможность насадки на них алембиков исключается. Стало быть, в данных колбах, скорее всего, смешивали жидкости, хотя и термическая обработка для осуществления химической реакции тоже не исключена. А происходящая из бадраба 8 колба могла предназначаться, видимо, не только для обработки, но и хранения реактивов, поскольку устье сосуда явно рассчитано на крышку (рис. 13:16).

Учитывая, что из бадраба 5 происходит оригинальный комплект химической посуды конца X – пер. пол. XI в. интерес представляют и другие формы изделий из стекла, выявленные здесь, на предмет их принадлежности к утвари домашней лаборатории средневекового фармацевта или алхимика из Бинката – Ташкента. К такому можно отнести крупный графин со слегка сужающимся к основанию подцилиндрическим туловом, по плечикам которого нанесён круговой орнамент из вмятин (рис. 12:2). Идентичный по фор-

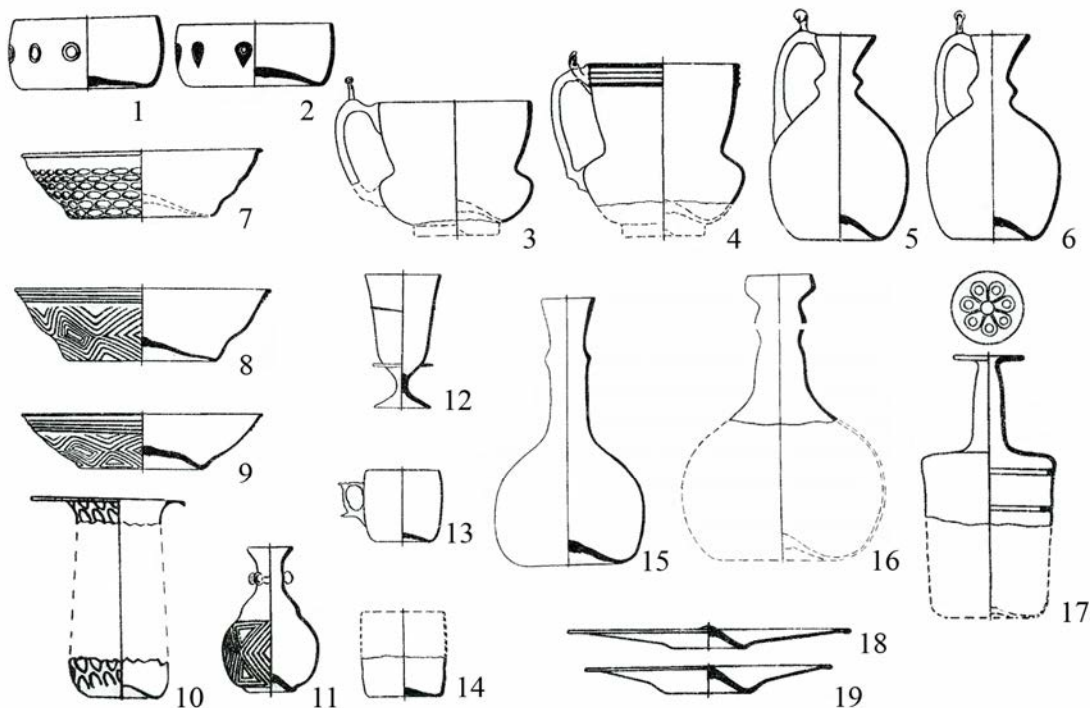

Рис. 13. Комплексы стеклянной посуды из соседних бадрабов X-XI вв. старгородской части Бинката-Ташкента.

ме, но меньший по размерам графин был обнаружен из близлежащего бадраба 10, датируемого X в. (рис. 13:17). В отличие от большего, стеклодув по верху тулова небольшими узкими полосами, умяв стеночки графина внутрь ёмкости, образовал два ребра жёсткости, способствовав не только укреплению резервуара, но и приобщив его к формам химической посуды. Вместе с тем, объединяет оба графина также отсутствие на их горловинах расширяющейся шейки – желобка, что, скорее всего, указывает на их предназначение не столько для разлива, сколько для хранения жидкостей, а узость устья и горизонтально отогнутый бортик, был вполне пригоден в качестве упора для крышки. Подобные графины также имели широкое распространение и по другим регионам Узбекистана (Мирзаахмедов, Адылов, Матбабаев, 2008. Рис. 5:3) (рис. 14) и, прежде всего, Самарканда (Аминджанова, 1962. Рис. 1:14, 15; Алмазова, 1997. Рис. 1: 17; Джанполадян, 1965. Рис. 4:3).

К последней группе сосудов имеющих отношение к бадрабу 5 примыкает комплект из пяти небольших пузырёчков из прозрачного зеленовато-голубого и жёлтого стекла, в целом, имеющих близкие формы и размеры (рис. 12: 3-7). Мы полагаем, что по характеру назначения они также должны были быть, в какой-то степени, связаны с описанным комплектом химической посуды. По данным литературы, подобными сосудиками пользовались при изготовлении и хранении лекарств, а также парфюмерии или с их помощью смешивали в малых дозах различные их компоненты. Тем не менее, при общей простоте форм, на горловине каждой из них имеются по одной или две расширяющиеся шейки – ободка предназначавшиеся для декантации. Если же учесть их возможную связь с колбой для термической обработки жидкостей и их перегонки через большие алембики, представленные пузырёчки вполне могли играть роль приёмников.

Подводя итоги рассмотрению материалов из бадраба 5 отметим на исключительность случая, когда в твёрдо датированном комплексе конца X – пер. пол. XI в. был получен полный комплект стеклянной химической посуды, т.е. большой реторты с насадками из больших алембиков. Эта находка ещё раз подтверждает мнение о специфическом характере назначения больших и малых алембиков, а мелкие фрагменты днища реторты со слоем налипшей твёрдой, особого сорта, глины, безусловно, подтверждают использование сосуда для термических операций.

Полученная из этого же бадраба мелкая парфюмерно-аптекарская посуда со специальными желобками на шейках, видимо, предназначались не только для дозированного разлива, смешивания или сцеживания находящихся в них жидкостей, но и как сосудики-приёмники для стекавшей с хоботка алембика вещества. Специально выделенные устья, отдельных из них, явно предназначались для установления в них пробок, т.е. для хранения быстро улетучивающихся ароматических или неприятных запахов, опасных при испарении химических препаратов.

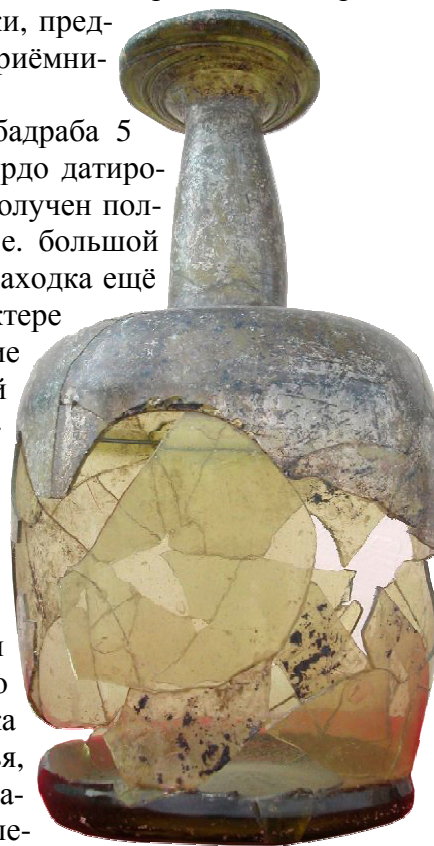

Рис. 14. Графин для хранения жидкостей. Кува XI в.

Набор представленных материалов также указывает на то, что хозяин домовладения, в той или иной степени, занимался химическими операциями связанными с фармакологией, парфюмерией или медициной.

Если брать в целом, в закрытых археологических комплексах, встречается масса находок небольших пузырёчков, колб, графинов и других форм стеклянной посуды имевших определённо медицинский, парфюмерный или химический характер назначения. Исследователи относят их к парфюмерно–аптекарской посуде. По этому поводу еще в начале прошлого столетия писал В.Л. Вяткин, считая что в аптечном деле и торговле парфюмерией употреблялось большое количество стеклянной посуды. Иногда находят по-много предметов совершенно одинаковых в одном месте, например пузырьков или флаконов (Вяткин, 1926. С. 62, рис. 72-75). К таковым можно отнести и комплекс стеклянной посуды нач. XI в. из Арка Ахсикета. Здесь, наряду с фрагментами графинов, малых алембиков встречено до 50 флаконов во фрагментах грушевидной формы, из полупрозрачного светло–голубого стекла, без какого–либо внешнего украшения (Папахристу, Ахраров, 1981. С. 93).

Авторы учитывая большое количество фрагментов подобных форм отмечают, что следует разграничить изделия предназначенные для ароматических веществ и для лекарств. Жидкости с тяжёлыми и лёгкими, насыщенными, веселящими запахами должны были помещаться в сосуды с соответствующим оформлением. Известны прекрасно изготовленные флакончики из Нисы, Абырылга, Хульбука, которые, вероятнее всего, и являлись сосудами парфюмерного назначения. Посуда, предназначенная для лекарств, не требовала столь изящной декоративной обработки. Мы полагаем, что данные сосуды из слоя шурфа начала XI века, предназначались именно для лекарств (Папахристу, Ахраров, 1981. С. 93-94).

Работами в последующие десятилетия, здесь же в Арке был выявлен из бадраба X-XI вв. комплекс стеклянных изделий, в еще большей степени напоминающий комплект аптекарского назначения (Анарбаев, 2002. Рис. 10). Определяющим признаком для большинства из них может считаться их колбообразная форма: две большие и три небольших размеров, но с обязательным присутствием расширяющихся шеек желобков на горловине, предназначенных для декантации (рис. 15). К этому же типу посуды для хранения различных настоек может быть отнесена еще одна бутылка с налетом по горловине, широко отмечаемая и по другим комплексам (Папахристу, Ахраров, 1981. Рис. 1:16). Все сосуды были изготовлены из светло-голубого и светло-зеленого прозрачного тонкостенного стекла.

Следующий исследователь, по материалам Бухары, также приходит к отмеченному выше заключению: «Стеклянные изделия, имеющие форму химических сосудов, светлой, зеленовато-голубой окраски преимущественно прозрачны. Сосуды с тонкостенной профилировкой, используемые в быту, окрашены в различные цвета от светло-желтого, голубого и светло-зеленого до насыщенных темно-синих, зеленых, фиолетовых и коричневых тонов» (Абдуллаев, 1981. С. 57).

Поддерживая, в целом, точку зрения исследователей по возможному разграничению назначения форм изделий, исходя из характера внешнего оформления, вместе с тем отметим, что по данным источников, однозначным требованием к стеклянной посуде медицинского и аптекарского назначения являлась её прозрачность. Или, по крайней мере, возможность наблюдать в её содержимом наличие или отсутствие осадков, цвета, количество и другие параметры содержимых лекарственных препаратов.

В разделе о стекле в Минералогии Бируни отмечается: «От сосудов, изготовленных из него требуется полная прозрачность, дабы снаружи можно было видеть то, что находится внутри них» (Ал-Беруни, 1963. С. 208). В другом источнике по Кодексу приличий на востоке, в разделе о приличиях соблюдаемых при питье воды отмечается: «Хазрет Ибн Аббас... любил пить из стеклянной посуды на том основании, что прозрачность такого сосуда даёт возможность рассмотреть в нём содержащееся» (Мухаммед Садык – и-Кашкари, 1992. С. 52). К этому можно добавить и мнение Ар-Рази в алхимической части его книги «Книга тайн», посвящённой описанию приборов. Он делит их на две группы: приборы для изготовления металлов и приборы для других химических операций с неметаллическими веществами. Многие из приборов второй группы должны быть «сделаны из стекла, что будет лучше, ибо такие приборы несколько не стираются и не смешиваются с веществами. Такое смешение очень вредно, а стеклянные приборы (для сего) не опасны и хороши» (Аминджанова, 1961. С. 248).

Таким образом, представленные данные источников и литературы, в совокупности с выявленными археологическими материалами по ранним изделиям из стекла показывают, во-первых, на начало вхождения и распространения их в быту населения с конца VIII века. Во-вторых, наиболее востребованной среди горожан формой стеклянных изделий оказались медицинские кровососные банки, а затем примкнувшая к ним аптекарская и парфюмерная посуда.

Следующим направлением получившим широкое распространение в эпоху развитого средневековья является производство парфюмерной стеклянной посуды. Как уже было отмечено выше, ее находки фиксировались и в предшествующие периоды, но преимущественно из элитных комплексов, продолжая оставаться достаточно редкими и дорогостоящими предметами роскоши, в основном, привозного характера.

Начиная с IX века наметились процессы более широкого вхождения стеклянных изделий в быт горожан. Уже для конца VIII - начала IX вв., по отдельным закрытым комплексам Афрасиаба (бадрабов, ташнау, ям и т.д.), соотношение стеклянных изделий к керамическим формам, составляет около 25%. А для середины IX века, это соотношение, в первом закрытом комплексе достигает 35%, а во втором, около 50%. В дальнейшем, для второй половины IX-XI вв. эта тенденция приобретает более устойчивый характер, составляя около половины найденных сосудов (Шишкина, 1986. С. 19, 23, 27). В городах и, в частности, по Бухаре, по данным ис-

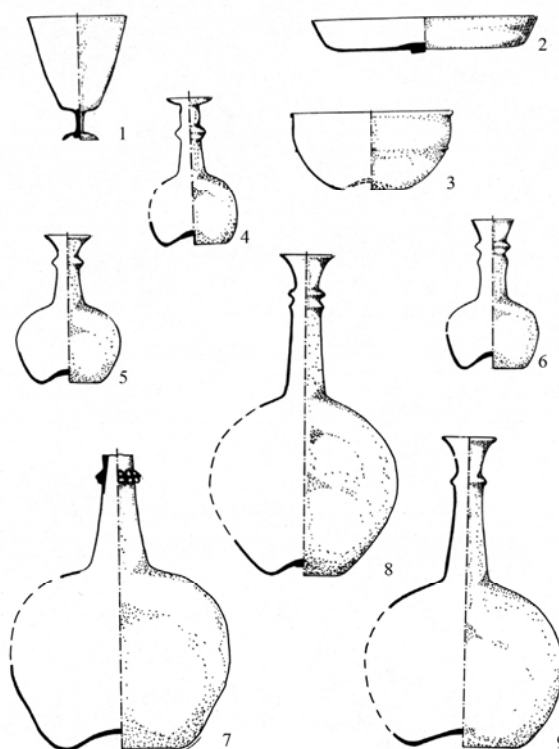

Рис. 15. Комплект стеклянных колб, бутыли и флакончиков X-XI вв. аптекарского назначения из Арка Ахсикета

точников, известны целые кварталы стеклоделов-«бутылочников» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 285).

При этом, в закрытых комплексах, наряду с другими стеклянными изделиями, продолжает устойчиво распространяться и косметическая посуда или, как чаще отмечают исследователи – парфюмерно-аптекарская (рис. 16). Это объединение, особенно на первоначальном этапе развития стеклоделия, объясняется вхождением стекла в быт широких слоёв горожан. Формы парфюмерных и аптекарских сосудиков были во многом идентичны, просты в исполнении, маленькими по размерам, преимущественно, округлых, подцилиндрических или подпрямоугольных очертаний. Несмотря на определение, что они встречаются чаще других видов стеклянных изделий (Аминджанова, 1962. С. 96, рис. 1-3) и имеют самые различные формы (Абдуразаков, Безбородов, Заднепровский, 1963. С. 125-126, рис. 26), у авторов нет четкого разграничения их на парфюмерно-косметическую и аптекарскую посуду. Также используя, в целом, слабо разработанный музейный материал, датируемый в широких рамках IX - нач. XIII вв. (Аминджанова, 1962. С. 90), исследователям не

Рис. 16. Парфюмерно-аптекарская посуда с городища Афрасиаб

Рис. 17. Образцы специально выделенных цветных, многогранных и обычных бесцветных флакончиков-пузыречков X-XI вв. парфюмерно-косметического назначения, а так же фрагмент стеклянного браслета из Бухары.

удалось провести определенной хронологической шкалы развития, а также динамики изменений по формам и характеру назначения изделий. Между тем, мастера-стеклодувы уже к X-XI вв. стали, во многих случаях, достаточно четко выделять образцы парфюмерно-косметического назначения (Абдуллаев, 1981. Рис. 1:8, 9; Кабанов, 1956. Рис. 25; *Terres secretes de Samarcande...*, 1993. n.316-319; *Islamische Kunst...*, 1984. n.1-5, 6-8). Хотя, еще раз оговоримся, что в среде простых горожан для косметических целей могли использоваться самые обыкновенные небольшие пузырьочки (рис. 17). Так при археологических работах у бывшей ташкентской дороги, к востоку от Музея истории города Самарканда, в слое отвала мелкого стеклянного брака был найден маленький округлый пузырьчек с остатками румян розового цвета на дне. Такие же мелкие, простые по форме пузырьочки с остатками румян розового цвета получены и по материалам Бухары (рис. 18).

Рис. 18. Косметические пузырьки с остатками румян розового цвета из Бухары

Следующую большую группу изделий в археологических комплексах средневекового Мавераннахра составляет стеклянная посуда столового назначения. По материалам Афрасиаба, ее наиболее ранние образцы, датируемые концом VIII—начала IX вв. характеризуются формами рюмок с колоколовидными резервуарами на небольших массивных неустойчивых ножках. Формами цилиндрических банок и полусферических мисок, полученных в технике дутья в орнаментированную форму. Образцы кружек, алембика, флакона, пузырьочка, узкой горловины колбообразного сосуда и т.д. (Шишкина, 1986. Рис. 1).

Для первой половины-середины IX в., по материалам Афрасиаба Г.В. Шишкина выявляет совершенствование предшествующих и появление новых форм изделий: рюмки и бокалы приобретают более тонкие и устойчивые ножки, на их стенках появляются накладные нити. Выявляются сосуды с жгутообразной или многолопастной круговой накладкой на горловине, бутылки с развернутым устьем, а также ребром жесткости по тулову, ложки с витой ручкой, стаканы и банки дутые в ячеистые, ребристые, фигурные формы (Шишкина, 1986. Рис. 2-4).

С конца IX-X вв. начинают встречаться кувшиновидные кружки (рис. 19), оконные дисковидные стекла, появляются высокие горловины колб с полочкой у устья, предназначенные для закрытия пробкой и несколькими вздутиями – желобками для декантации, крупные бутылки с горловиной-раструбом, на которых, возможна, термическая обработка веществ с помощью насадок крупных алембиков, кувшины с оттянутым сливом (рис. 20). Входят в быт стеклянные туваки и другие принадлежности детских люлек-сумаки, косметические флаконы с многогранным или бугристым туловом (Шишкина, 1986. Рис. 5-9).

Для второй половины XI - первой пол. XII вв. наблюдается явное преобладание рюмок, причем на отдельных экземплярах по основанию конуса – резервуара, на стержень крепится второй конус-щиток, начинают встречать-

Рис. 19. Кувшиновидная кружка X в. из Бухары

ся цветные (светло-красные) оконные стекла, видимо являвшиеся украшением оконных решеток – панджара, фрагменты которых также встречены на Афрасиабе указанного периода. Для второй пол. XII - нач. XIII вв. существенных изменений в развитии стеклоделия на Афрасиабе не прослеживается (Шишкина, 1986. Рис. 10, 11, 13).

Отмеченная выше масса столовой стеклянной посуды различных форм, расцветок и ornamentацией, видимо, учитывая ее хрупкость, чаще использовалась в парадных случаях, при приеме гостей, торжествах или для украшения полок михманханы.

Несколько меньшую группу в комплексах составляют стеклянные изделия специального назначения, к которым относятся оконные стекла различных расцветок вставлявшиеся в решетки панджара (рис. 13:18, 19). От себя отметим, что появление оконных стекол, в отдельных случаях разноцветных, знаменует новую ступень развития в жилом и общественном градостроительстве, значительное улучшение качества жизни среди массовых слоев общества, облагораживание интерьеров гражданских и монументальных сооружений.

Общепотребительным среди массы населения становится и другой вид предметов специального назначения, как принадлежности для детских люлек – бешик, туваки и сумаки. Появление стеклянных туваков и сумаков, более гигиеничных, удобных в употреблении, а с конца X - нач. XI вв. непрозрачных туваков из темного или черного стекла можно отнести к понятиям роста культуры широких кругов потребителей и стеклодувов (рис. 21).

К третьему типу изделий специального назначения, нередко встречаемых в археологических комплексах относятся небольшие стеклянные чернильницы различных форм. Самые простые из них имели стаканообразную профилировку и вставлялись в количестве, от одной и до пяти, в алебастровые подставки (Тереножкин, 1950. Рис. 72:3; Ставиский, 1960. С. 278-281). Реже встречались талько-хлоритовые многоячейстые подставки, а также чернильницы-непроливайки (Аминджанова, 1962. Рис. 3:7).

Находки чернильниц, безусловно, являются показателем грамотности населения, его образованности и, в целом, роста культуры в обществе. А присутствие многоячейстых чернильниц на использование различных цветов туши в письме. По данным средневековых источников, мы хорошо знаем о различных цветах бумаги использовавшейся при написании писем официального, радостного, печального или любовного характера. Несомненно, это могло иметь отношение и к чернилам. Также многоячейстые стеклянные чернильницы с различными цветами туши использо-

Рис. 20. Кувшин голубоватого стекла с оттянутым сливом. Афрасиаб IX в.

Рис. 21. Тувак из непрозрачного чёрного стекла (Кува) и сумак для девочек (Бухара) и мальчиков (Афрасиаб).

вались при написании или переписке рукописей, что являлось достаточно распространенным занятием каллиграфов, а позднее, просто образованных людей в данную эпоху.

Лишь по музейным материалам мы знакомы с изделиями типа воронок, стеклянных ртутных сосудов - симобкузача (Аминджанова, 1962. Рис. 2:9, 28), массивная, толстостенная предполагаемая форма которого, с отбитой горловиной отмечена и по Бухаре (рис. 22). Встречаются также небольшие стеклянные поильники X-XII вв. с выдвинутым узким носиком для детей (Кабанов, 1955. Рис. 26). К этой же редко встречаемой форме относится более крупный поильник X в. шарообразной формы, напоминающий современный чайник, но его носик располагается не прямо, а сбоку по отношению к ручке (Шарахимов, 1973. Рис.1:7). Мы полагаем, что подобные поильники имели скорее медицинский характер, предназначаясь для лежачих немощных людей (рис. 23).

Также редки подвески из литых, штампованных медальонов-амулетов с изображением женского божества VII—нач. VIII вв. с Афрасиаба и Балалык тепе (Тереножкин, 1950. Рис. 72:1; Альбаум, 1960. Рис. 53). К этой же группе, но чуть позже по времени относятся медальоны по типу напоминающие образцы происходящие из двор-

Рис. 22. Стеклянный ртутный сосуд симобкузача (?) из Бухары (X-XI вв.)

Рис. 23. Стекланный поильник X в. из Афрасиаба

Рис. 24. Образец медальона с изображением всадника XII - начала XIII вв. из дворцового комплекса Термезских правителей

цового комплекса Термезских правителей XII - нач. XIII вв. Они выполнены из зеленоватого или красноватого стекла, с изображениями, в большинстве случаев, различных сцен охотничьего характера (рис.24), с зооморфными, орнитоморфными и эпиграфическими мотивами, которые, видимо, тоже вставлялись в оконные решетки – панджара (Жуков, 1945. С. 150-156).

Особое значение, при характеристике стеклоделия исследуемого периода играют их наборы из закрытых комплексов, позволяющие ознакомиться с ассортиментом изделий в семейном быту отдельно взятых граждан, на тех или иных этапах нашей истории.

К таковым можно отнести комплекс стеклянных изделий из бадраба на шахристане I Пайкенда, столовая посуда которой датируется второй пол. X века (Мирзаахмедов, Адылов, Мухамеджанов, 1990. Рис. 1, 2). Преобладающими в наборе являются чашечки двух форм: с цилиндрической банкообразной, со стенками чуть загнутыми внутрь (рис. 25:1-10) и чашечки усеченно-конической конфигурации с расходящимися в стороны стенками (рис. 25:11-14).

Значительная часть чашечек выполнена в технике дутья в форму, со стенками из косых и вертикальных рельефных линий, из прозрачного стекла, зеленоватых, голубоватых и желтоватых оттенков.

Археологические раскопки в регионах Средней Азии и соседних государств показывают на их распространенность в X-XII вв., хотя термин чаша был бы приемлем для более крупных по размерам сосудов, предназначенных в быту для жидких видов пищи и напитков. Наши же сосуды более приземисты, имеют малую емкость и неудобны для питья. Для питья зафиксированы подобные сосуды из Двина, Бухары, Ташкента, Самарканда и расположенного близ него Кумушкента, но более высоких стаканообразных форм (Джанполадян, 1969. Рис. 6; Абдуллаев, 1981. Рис. 1:3; Мирзаахмедов, Ильясова, Адылов, 1999. Рис.2:6; Шишкина, 1986. Рис. 1:10, 11, рис. 4:22, 24; Алмазова, 1997. Рис. 1:1, 12, 26, 27).

Учитывая большое количество находок подобных изделий в пайкендском комплексе, унифицированность, а также парадные и обиходные их формы, можно предполагать, что эти изделия имели широкие функции назначения, но прежде всего, видимо, изготовлялись для сервировки дастархана. В Бухаре, вплоть до сегодняшнего дня, подобные чашечки – пиалы подаются гостям. В таких сосудах вы-

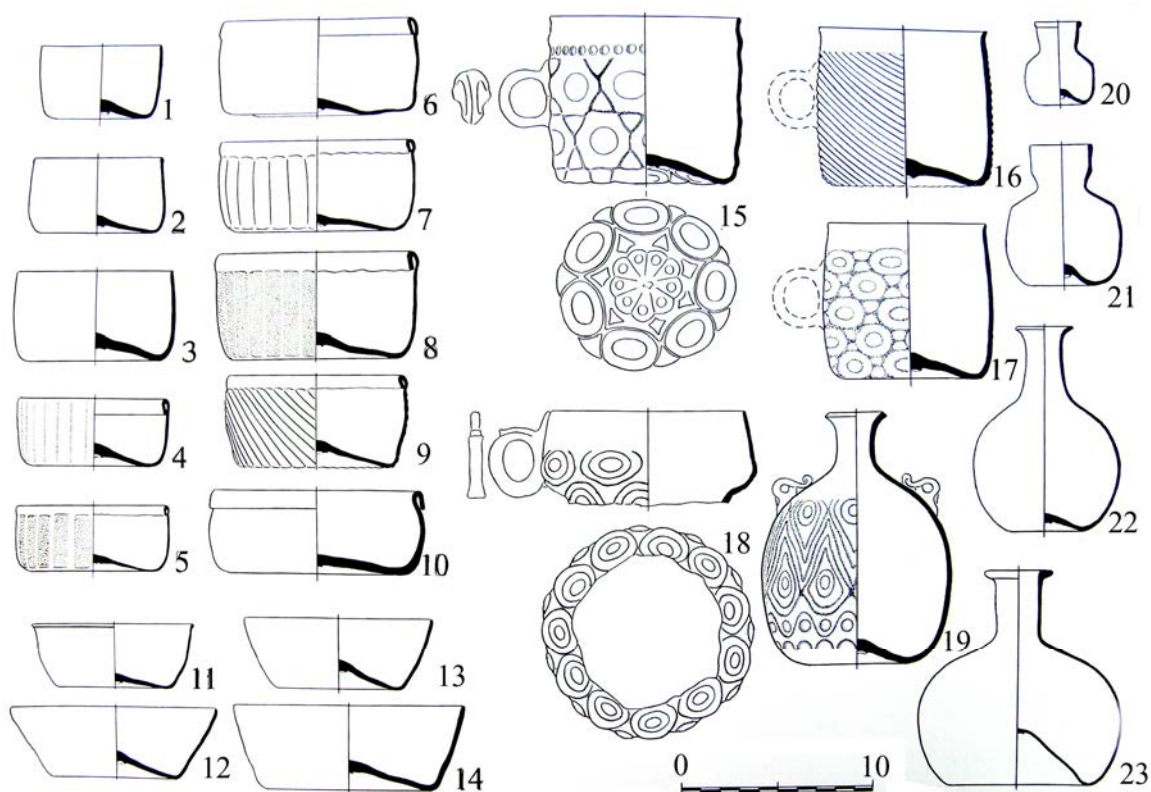

Рис. 25. Комплекс стеклянной посуды столовых и парфюмерно-аптекарских форм из стратиграфического шурфа на Шахристане I Пайкенда.

ставляются различные приправы и специи к горячей пище, деликатесы: жаренный горох, фисташки, косточки миндаля и урюка, орехи, кишмиш, курага, десятки видов вязких кондитерских изделий или сладости типа халвы и нишалды.

Чашечки меньших размеров (рис. 25:1-5) могли также использоваться как солонки, перечницы или как парфюмерно-аптекарские сосуды для косметического угля, румян, белил и лекарственных мазей.

Чашечки с усечено-конической формой (рис.25:11-14) с расширяющимися к верху стенками, вероятно, более приспособлены для полужидких молочных (каймак) или сладких (варенье типа шинни или жаупазак) продуктов. При этом варенье шинни, жаупазак и мураббои гули относятся к числу очень популярных в Бухаре. Первое, изготовлялось из сока тутовника или винограда, второе, из специального сорта мелких майских яблочек, третье, из лепестков специально выращиваемого сорта роз (бозори гул). Также очень популярно было в Бухаре варенье из моркови, дыни, корочек арбуза, айвы, урюка, инжира и т.д.

Кружки представлены в комплексе фрагментами от четырёх сосудов (рис. 25:15-18). Они изготовлены тиходутным способом в форму и покрыты богатым рельефным орнаментом. Большинство имеют цилиндрическую форму и петлевидную ручку, выполнены из относительно прозрачного стекла зеленоватых и голубоватых оттенков. На первой кружке узоры по стенкам состоят из повторяющихся штампованных звёзд с бордюром по венчику из шарообразных мотивов, а по донцу из лепестковой розетки в окружении эллипсов. Стенки второй кружки оформлены косыми рельефными линиями, а третьей из повторяющихся эллипсоидных мотивов. Четвёр-

тая кружка имеет усеченно-коническую форму стенок, с коленчатым перегибом в сужающееся донце, близко напоминающая металлические кружки подобного типа (Даркевич, 1976. Табл. 33). Орнаментация также состоит из эллипсоидных мотивов, возможно, на поддоне концентрировавшихся вокруг розетки, как на первом экземпляре.

Рис. 26. Стекланные кружки из Канки и Афрасиаба X-XI вв.

Судя по массивности и богатой орнаментации, кружки имели парадный характер и, видимо, выполнялись в подражание более ранним металлическим прототипам или, возможно, начинающим получать в этот период более широкое распространение хрустальным изделиям (Хилал ас-Саби, 1983. С. 69; Веймарн, 1974. Илл. 71,72). Близкие по форме образцы кружек встречаются и по другим регионам Мавераннахра (рис. 26).

Стекланные кружки являлись необходимой частью столовых сервизов, в них, видимо, подавались гостям не только различные виды фруктовых соков (Хилал ас-Саби, 1983. С. 69), но и мусаллас, кумыс, буза, молочные прохладительные (шабат, айран, чолоб) или сладкие традиционные ритуальные напитки шарбаты или гулоб, подача которых в Бухаре является обязательной и в наши дни. Так любая свадьба в Бухаре обязательно начинается с подачи на подносах и в пиалах сладкого напитка с добавлением ароматических веществ – гулоб. Напиток шарбаты (сладкая вода) подавался жениху и невесте после заключения акта бракосочетания (Мирзаахмедов, Адылов, Мухамежанов, 1990).

Столовая посуда закрытых форм представлена тремя кувшинами, кувшиновидным графином и горшковидной банкой. Кувшины изготовлены из прозрачного стекла светло-голубого оттенка (рис. 3: 3-5). Они имеют сферические и подцилиндрические формы тулова, горловины с косым изгибом рельефных линий и расширяющимся у устья желобком для декантации, а также ручки из трёх наборных шнуров – штабиков с хохолком. В целом, профилировка кувшинов, особенно с подцилиндрической формой тулова и налестами по венчику имитирующими насадки для установки крышек, выполнены в подражание под металл (Воронина, 1977. Рис. 35, б) и представляются очень интересными.

Несмотря на тонкость стенок тулова, стекланные кувшины были достаточно прочны, но в повседневном быту они уступали металлическим и керамическим сосудам, и их, по всей видимости, чаще использовали по торжественным случаям – при приёме гостей, по праздникам, а в остальные дни они являлись украшениями интерьеров помещений. От кувшиновидного сосуда со сферическим туловом и горловиной с растробом сохранились лишь фрагменты (рис. 3: 1).

К группе столовых сосудов относится также горшковидная банка (рис. 3:2), часто встречаемая среди археологических материалов. Известна она и по Бухаре (Абдуллаев, 1981. Рис.1:1, 2). Судя по форме и объёму, составлявшей около одного литра, подобные сосуды имели широкий спектр назначения и употреблялись, видимо, для хранения сухофруктов, отдельных видов сладостей или лечебных трав(рис. 27).

Сосуды парфюмерного назначения определяются достаточно уверенно одним крупным узкогорлым флаконом с богатой рельефной орнаментацией и двумя накладными петельками для подвешивания (рис. 25:19). Безусловное богатство оформления, изящные петельки для подвешивания на шею или плечи, узкая горловина предназначенная для пробки свидетельствуют, что флакончик мог быть использован для хранения розовой воды.

На четырёх следующих флакончиках различных размеров орнаментация отсутствовала (рис. 25:20-23) и характер их назначения может определяться как парфюмерно-аптекарской. Два более крупных, с узкими горловинами, для хранения лекарственных или ароматических препаратов, а маленькие сосудики с широкими горловинами были более удобны для содержания в них румян, помад, туши, розового масла или других мазей косметического или лекарственного характера.

Кроме того, в комплексе присутствовало несколько малых алейников, на которых мы останавливались выше.

Таким образом, комплекс стеклянной посуды из отдельно взятого частного домовладения горожанина Пайкенда, проживавшего во второй половине X – нач. XI вв., указывает на разнообразие ассортимента столовой посуды, многие образцы которых были богато украшены рельефной орнаментацией. Среди них особо выделяются чашечки, кружки, кувшины, которые наряду с керамической посудой предназначались для украшения праздничного стола и особенно ниш гостиных.

Вместе с тем, формы чашечек и особенно кружки, по своей изысканности, цветовой гамме, а также прозрачностью выглядели предпочтительней своих керамических прототипов и, судя по данным источников, пользовались большим спросом в верхних слоях общества (Мухаммед Садык и-Кашкари, 1992. С. 52). Исходя из этого, стекло по своим внешним признакам могло, видимо, уступать только ярким формам цветных металлических изделий, на что указывают отдельные образцы наших стеклянных кувшинов выполненных в подражание им.

Наряду со столовой посудой, богато представлены в комплекте наборы из парфюмерно-аптекарских и медицинских сосудов, свидетельствующие о распространенной в женской среде практике использования косметики, хранения в домашнем обиходе лекарственных препаратов, а также посещения и лечения отдельных членов семьи врачами – табибами методом кровопускания.

К следующему интересному археологическому комплексу с находками стеклянных изделий можно отнести материалы полученные из двух располагавшихся рядом и, безусловно, имевших последовательный характер заполнения бадрабов, выявленные при раскопках объекта 5б, из шахристана городища Кувы. Бадрабы размещались в полуметре друг от друга, имели непосредственное отношение к

Рис. 27. Горшковидная банка X-XI вв. из раскопок на шахристане Бухары

одному домовладению и, судя, по происходящим из них, а также с полов помещений керамическим материалам датируются XI веком (Мирзаахмедов, Адылов, Матбабаев, 2008. Рис. 6-9).

Из бадраба 6 происходят несколько археологически целых форм и фрагментов стеклянных изделий характеризующих бытовую утварь отдельно взятой кувинской семьи, на определённом хронологическом отрезке времени. К образцам из стекла относится, маленький сферический сосудик зелёноватого оттенка, с узкой горловиной удобной для установки пробки и, скорее всего, предназначавшийся для легко улетучивающихся ароматических косметических снадобий (рис. 28:6).

Следующий небольшой сосудик имел кувшинообразную форму, но по размерам и назначению был ближе к образцам декорированных стаканов. Он выполнен из зелёноватого стекла, имел широкий венчик и скошенные гофрированные стенки тулова (рис. 28:7). Археологически целой представляется форма, напоминающая салатницу, выполненную из синего стекла и орнаментированную в солярной символике из расходящихся от днища ребристых линий (рис. 28:5). Выполнена она, как и предшествующая, в технике выдувания с вращением в форму.

Остальную группу форм из бадраба 6 представляли бокалы и фужеры из прозрачного тонкого желтоватого стекла. По характеру художественного исполнения они делились на простейшие, без всякой орнаментации (рис. 28:1) и с наложением по верхней части резервуара от двух и более круговых стеклянных нитей (рис. 28:2, 3, 4).

Рис. 28. Комплекс стеклянных изделий из бадраба 6 городища Кува. Раскоп 5б.

4). К особо изысканным образцам, по основанию резервуара, добавлялись накладные ломанные линии (рис. 28:2, 3) или косые дисковидные юбочки из накрученных стеклянных нитей (рис. 28:3).

По месту находки и хронологии наиболее близки к последнему образцу, бокал и рюмка XI в., также происходящие из археологических раскопок на городище Кува (Ахраров, 1960. Рис. 1, 2). В целом, мы полагаем, что бокалы и рюмки, составлявшие большинство в комплексе, представляли собой наиболее сложные по выполнению изделия, собиравшиеся из нескольких частей, с наложением орнаментальных мотивов из контрастного цвета стекла и являли собой один из ярких показателей высшего мастерства стеклоделов.

Характерным для комплекса является и то, что полученные вместе со стеклом из бадраба образцы керамики приводят к противоположным выводам. Так, на керамической посуде основной тип орнаментации – эпиграфические мотивы полностью превращенные в орнамент, имитируют одно слово и занимают очень мало места, оставляя свободной подавляющую часть внутренней и внешней поверхности посуды.

Вторым показателем в комплексе является наличие значительного количества форм разнообразных и разноцветных, хорошего качества, стеклянных изделий.

В свою очередь, с сокращением в количественном и низком, в художественном плане типов керамической посуды, её место на полках михманханы начинает постепенно вытесняться изящными, высокохудожественными образцами стеклянной посуды. Особо выделяются среди них – бокалы и фужеры, от самых простых, до изысканно украшенных накладными нитями. Несмотря на различную степень усложнённости их внешнего оформления, определяющая разброс цен и покупательские способности населения, стандартность форм и техники украшения, предполагает их изготовление одним мастером. На основании керамических материалов, хронологически они определяются XI веком, предполагая её широкий экспорт по соседним регионам (Мирзаахмедов, Адылов, Матбабаев, 2008. С. 194-195).

Бадраб 7 расположенный рядом, по одному уровню пола и, несомненно, носивший последовательный характер заполнения оказался ещё более богатым. Здесь наряду с глазурованной и неглазурованной керамикой встречено большое количество фрагментов стеклянных изделий, из которых удалось собрать ряд оригинальных форм.

Наибольшим количеством, в шести экземплярах, представлены стеклянные фужеры. Из них, как и в предыдущем комплексе, четыре экземпляра составляют обычные формы (рис. 29:1, 2), без дополнительного художественного оформления. Стёкла прозрачные, желтовато – зеленоватые и желтоватые (рис. 30).

Пятый экземпляр такой же, лишь с дополнением в виде дисковидного желобчатого расширения по основанию резервуара (рис.29: 3), скорее всего, использовавшаяся для декантации. Безусловно, подобные изящные формы предназначались для хмельных, чаще винных напитков, при питье которых нередки случаи присутствия осадков на дне. Шестой образец более усложнённый, из прозрачного бесцветного стекла с желтовато–зеленоватым оттенком (рис. 29:4). По резервуару проходят контрастные синие накладные нити. Ниже по корпусу нанесён из более толстого синего накладного жгута псевдоэпиграфический узор, а по основанию резервуара из накрученных стеклянных нитей дисковидная юбочка.

Рис.29. Комплекс стеклянной посуды из бадраба 7 городища Кува. Раскоп 5 б

В целом, размеры фужеров варьируют по высоте в пределах 10-11,1 см, диаметры венчиков 6-7 см, диаметры донца 3,3-3,6 см.

Наряду с фужерами в комплексе были найдены фрагменты и восстановлена форма одного бокала, имевшего более крупные размеры в сравнении с первыми. Он выполнен из прозрачного стекла желтоватого оттенка с орнаментацией из накладных круговых и S-образных спиралей цвета основы, чередующихся с зигзагообразными ломаными линиями выполненными контрастным синим стеклом (рис. 29:5).

В отличие от предшествующего комплекса, мы здесь наблюдаем более объёмную, новую форму бокала, а к характеру орнаментальных композиций добавляется дизайн из накладных нитей контрастного синего стекла. Практически идентичен ей по форме, цветовой гамме и орнаментации бокал полученный ранее также из Кувы (Ахраров, 1960. Рис. 1). Хотя он несколько больше по размерам, но цветовая гамма и повторение S-образных и зигзагообразных мотивов, отмечённых и на форме ароматницы, приведённой ниже, безусловно, могут указывать на их выполнение одним мастером.

Новой формой в комплексе является изящная ароматница выполненная из желтого стекла (рис. 29:6). Она имеет шаровидное тулово, посаженное на широкое донце и длинный сужающийся кверху носик (рис. 31). Орнаментация по тулову состоит из толстых и тонких чередующихся S-образных и зигзагообразных накладных

нитей. По основанию горловины, из накрутки таких же нитей, сделаны два круговых декоративных колечка.

В ароматницах содержалась розовая вода, которой, обычно, пользовались не только в личных целях, но и обрызгивали гостей и помещения во время праздников, торжеств, свадеб и т.д. Поэтому ароматницы носили

Рис. 30. Образцы простейших стеклянных фужеров из бадраба раскопа 5 б городища Кува XI в.

косметический характер назначения, были парадными по исполнению и выставлялись на полках михманханы. Подобная ароматница по формам, размерам, характеру орнамента была найдена нами среди материалов XI в. из расположенного к северу столичного центра Ферганы городища Ахсикет (Абдуразаков, 1968. С. 1), а также широко известна по находкам из соседних регионов (Шишкина, 1986. Рис. 11:8; Islamische Kunst, Band 1, 1984, ull. 138, 190, 192, 197; Искусство ислама, 1990. №64; Байпаков, 1990. С. 137), бытуя вплоть до позднего средневековья (Масленицына, 1975. №52).

Исходя из средневековых источников по Ирану можно утверждать о широком распространении в исследуемую эпоху промышленного цветоводства, массового изготовления богатыми землевладельцами различных сортов розового масла и розовой воды, использовавшейся не только в парфюмерно-косметических целях, но и как лечебных мазей при различных заболеваниях (Петрушевский, 1960. С. 226-229). Подобную же роль, не только для декоративных целей, но и для изготовления различных лекарственных средств и предметов парфюмерии цветы играли и в Средней Азии (Абдураимов, 1966. С. 229-230).

Ещё одной находкой в комплексе является тувак, выполненный из непрозрачного чёрного стекла, обычной цилиндрической формы с отогнутым наружу бортиком (рис. 29: 8). Он изготовлен в технике выдувания в форму, с широко распространённым мотивом ромбиков по тулову. Такой же, практически, идентичный по размерам, цветовой гамме и характеру оформления ещё один тувак во фрагментах был выявлен из этих же слоев XI века раскопа с описываемыми бадрабами 6 и 7.

Исходя из внешнего оформления таких же находок, по соседним раскопам, на городище Кува вызывает интерес то, что большинство стеклянных туваков этого периода, принимая во внимание их специфическое назначение, делались из непрозрачного чёрного

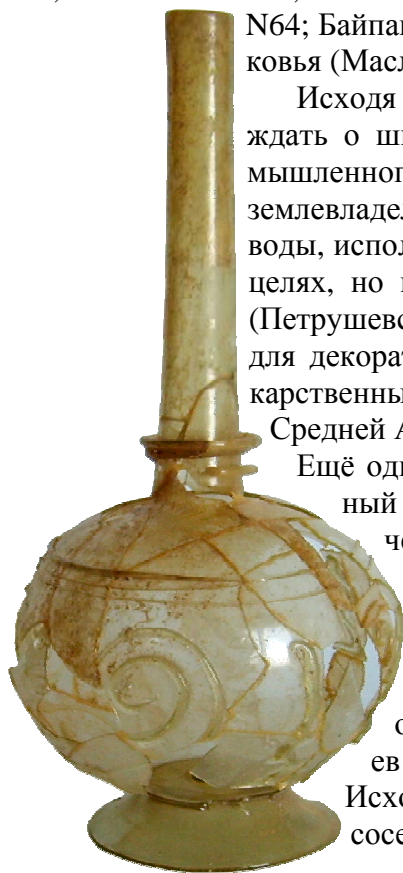

Рис. 31. Ароматница из бадраба 7 городища Кува. Раскоп 5б.

стекла, как бы вводя этот дизайн, стандартизацию размеров и внешнее оформление в массовую культурную традицию.

Последней археологически целой формой в комплексе является колбообразная бутылка, выполненная из прозрачного зеленоватого стекла (рис. 29:7). Форма тулова шаровидная, с сужающимся устьем и развёрнутым наружу венчиком. Достаточно уверенно, назначение сосуда, при рассмотрении его в комплексе с другими массовыми находками в виде бокалов и фужеров из бадрабов 6 и 7, может быть выражена как посуда для хранения и разлива различных винных напитков или, возможно, соков, широко употреблявшихся в исследуемый период. Также, эта особая форма посуды, наряду с бокалом, фужерами и ароматницей, видимо, являлась не только необходимым парадным столовым прибором, но и хорошим украшением и незаменимым дополнением рассмотренного комплекта, как традиционное украшение полок гостиных. Поэтому она достаточно часто встречается в широких географических ареалах исследуемой эпохи (Islamische Kunts, Band 1. 1984. Илл. 10) и может быть косвенным свидетельством появления подобных полок в интерьерах жилых помещений, по крайней мере, с XI века. С первой трети XIV века, подобные полки-шахнишины, с выставленной в них для обозрения дорогой, красивой посудой, зафиксированы для Средней Азии по помещениям Хорезма Ибн Баттутой (Ибрагимов, 1988. С. 75).

С полов помещений этого же домовладения 5б и стратиграфического уровня XI века, как и бадрабов 6, 7, получены еще две интересные формы стеклянных изделий. Первая, это крупный графин зеленоватого стекла с цилиндрической формой тулова и развернутым венчиком (рис. 32:1). Для укрепления стенок сделаны выступающий наружу у основания и вогнутый внутрь у плечиков каркас.

Второй образец представлен не полностью сохранившимся вазообразным сосудом из желтого стекла (рис. 32:2) с орнаментацией по тулову из повторяющихся парных S-образных и точечных налепов по тулову, а также контрастной синей ленточной полосой по венчику.

К особенностям графина предназначавшегося для хранения и разлива различных жидкостей и, в том числе, винных напитков необходимо отнести присутствие укреплявших стенки тулова ребер жесткости. Второй сосуд является новой оригинальной вазообразной формой для подачи к столу различных сладостей или сухофруктов. Наличие в ее оформлении контрастных синих лепных полос и оригинального S-образного спиралевидного мотива сближает ее с образцами бокала и ароматницы из бадраба 7, указывая на их приобретение в виде столового стеклянного сервиза у одного кувинского

Рис. 32. Крупный графин и вазообразный сосуд начала XI в. из помещений раскопа 5б городища Кува

Рис. 33. Комплекс стеклянной посуды из бадраба 17 раскопа 9 на цитадели городища Кувы.

лившая и неполившая керамика, стеклянные изделия, имеют безусловные параллели с вышеописанными комплексами из бадрабов 6 и 7 раскопа 5 б, в определенной степени дополняя их.

Среди полученных здесь изделий выделяется плоскостная форма из синеватого стекла с невысокими вертикальными стенками, условно названная нами салатницей (рис.33: 1). Эта форма встречается достаточно редко и при диаметре венчика 19 см, высоте 2,3 см, возможно, использовалась для подачи на стол широкого набора от мелких сладостей, до различных косточек, орехов, кишмиша, кураги, джиды, ягод и т.д.

Следующей оригинальной формой является изящный кувшинообразный сосуд без ручки, с полусферическим туловом и широкой горловиной (рис. 33:2). Изделие выполнено из желтоватого стекла с накладными спиралевидными, ломаными и точечными мотивами, по стилю близкими к вышеотмеченным образцам ароматницы, бокала и вазы. Работа эта, скорее всего, также была выполнена данным мастером, в чем убеждают и отдельные точки, нанесенные для контраста синим стеклом. Несомненно, сосуд богато украшенный орнаментацией мог носить, в большей степени, декоративный характер.

К последнему стеклянному предмету из третьего комплекса относится традиционная для Кувы XI в. форма фужера (рис. 33:3) желтоватого оттенка с круговым диском из накрученных стеклянных нитей по основанию резервуара.

Стеклянные изделия из третьего бадраба, в очередной раз, показывают на расширяющийся ассортимент форм, характер назначения подобных образцов, достигший в XI веке пика своего развития и, несомненно, вытесняя как со стола, так и с полок

мастера с характерными признаками производимой им продукции.

Материалы из бадрабов 6, 7 и относящимся к ним помещений домовладения XI века дополняют друг друга, включают отдельные новые формы столовой посуды, свидетельствуя о росте его ассортимента и являясь показателем дальнейшего совершенствования художественной стороны ремесла и изысканности вкусов стеклоделов Кувы.

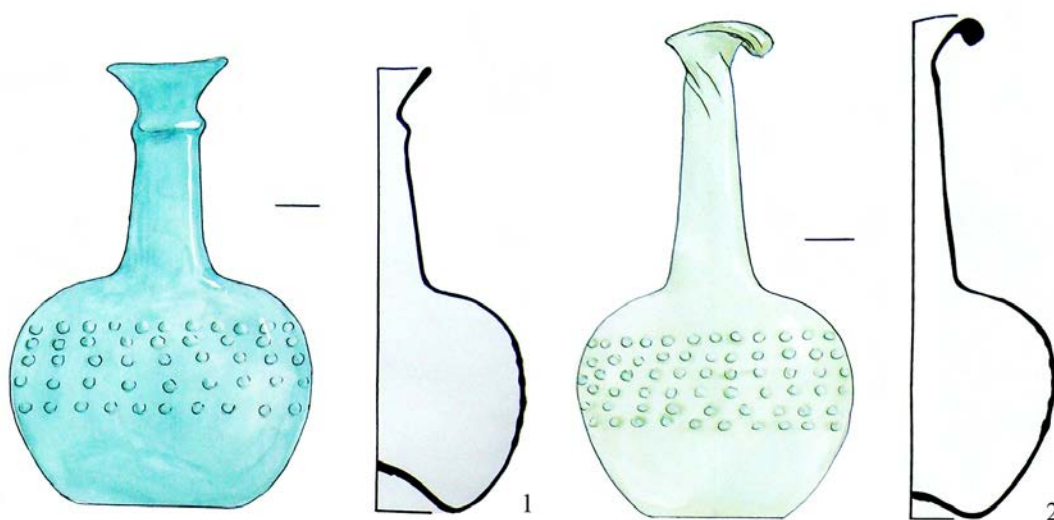
Для усиления и более полной характеристики стеклоделия эпохи привлечем для рассмотрения материалы из третьего закрытого комплекса – бадраба 17 из раскопа 9, расположенного в южной части цитадели Кувы. Полученные здесь предметы ремесла – по-

для украшения гостиных парадную керамическую посуду. Подобную массовость, разнообразие форм, цветов и изящество при их изготовлении мы наблюдаем лишь по соседним региональным столичным центрам как Ахсикет, Самарканд, Ташкент и Бухара. Тем не менее, как по нашим, так и материалам предшествующих лет, Кува может стоять в ряду крупнейших ее производителей и экспортеров продукции в окружающие ее регионы Центральной Азии.

Ко второй половине XII—началу XIII в., в закрытых комплексах мы наблюдаем значительное уменьшение количества и сокращение ассортимента стеклянных изделий. К таковым мы можем отнести два колбообразных сосуда полученных из бадрабов верхнего культурного горизонта в раскопе 5 б Кувы. Из бадраба 1 происходит колба традиционной формы из голубого стекла (рис.34: 1), небольших размеров и орнаментацией из нескольких рядов мелких овальных вмятин по тулову, полученных в процессе вдувания сосуда в форму. Следующая колбообразная форма из желтоватого стекла (рис.34: 2) по размерам и орнаментации близка первой. Вместе с тем венчик последней, в декоративных целях слегка развернут, с приданием косых рельефных складок по горловине и завершается клювовидным сливом.

По материалам из бадраба начала XIII века, с другого крупного городского центра Самарканда (Афрасиаб), среди керамических и металлических предметов, был получен единственный стеклянный сосуд чашевидной формы (рис.35) с чешуйчатой рельефной орнаментацией из зеленоватого стекла (Мирзаахмедов, 2007. рис. 1:4). Это, возможно, является еще одним свидетельством вышеизложенных данных о сокращении количества стеклянных изделий в комплексах второй половины XII-начала XIII вв.

Таким образом, наличие значительного количества изделий из стекла разных цветов, форм, назначения, наложением одних цветовых тонов стекла на другие, создавали неподражаемую красочность продукции стеклодувов. Мы также полагаем, что они были более дешевыми и успешно конкурируя стали вытеснять уже потерявшую, в большинстве случаев, свою неподражаемую красочность керамическую посуду.

Рис. 34. Образцы колбообразных сосудов из верхнего горизонта XII-начала XIII вв. раскопа 5б городища Кува

Исходя из этого, на базе разнообразных закрытых комплексов с материалами по керамике и стеклу IX-начала XIII вв. можно заключить, что если наивысший расцвет поливной керамики Мавераннахра приходится на X век, а начиная с XI века наблюдается его постепенное ухудшение, то в стеклоделии пик его подъема и наилучших достижений фиксируется на XI столетие.

Подводя итоги по представленным материалам отметим, что вторая половина VIII века оказалась переломной в развитии экономики, идеологии и культуры народов Средней Азии, включением последней в новую Афро–Евразиатскую империю – Халифат.

Эпоха ознаменовалась крушением в умах современников идеологии зороастризма и вхождения в быт новой мировой религии – Ислама. Постепенным исчезновением мелких самостоятельных княжеств, старого господствующего класса диканства и появлением нового чиновничьего бюрократического класса Империи. Принудительным выселением из крупных столичных центров торговой и диканской аристократии и вхождением в городскую среду новых этнических групп населения, с внедрением языка титульной нации – арабского и затем западно-иранского фарси – дари.

Вместе с тем, вхождение Мавераннахра в новое мировое экономическое пространство, овладение большинством образованных людей мировым языком науки и культуры, способствовало проникновению сюда последних научно-технических достижений из наиболее развитых западных частей Халифата. Именно здесь, при Аббасидах проводилась учёными большая работа по переводам на арабский бесценного античного Греко-Римского наследия, которые уже в новых рукописях, а также миграцией людей науки, ремесленников и представителей образованного сословия, не нашедшего своего места на родине, по трассам Великого Шёлкового пути проникали далеко на Восток, в самые отдалённые уголки арабского мира.

В связи с этим, мы полагаем, что какие-то формы самостоятельного стекольного производства в Средней Азии существовали и ранее, о чём, совершенно определённо свидетельствуют, как археологические материалы, так и данные китайских хроник. Но, именно в эту переломную эпоху из западных частей Империи стали попадать сюда мастера стекловары, которые уже на новом, более совершенном, качественном и дешёвом уровне стали постепенно внедрять здесь свое производство.

Процесс внедрения или расширения новых ремесленных производств и бытовых традиций в среду населения был, видимо, более шире, чем это принято считать в современной литературе. По археологическим материалам, эту переломную эпоху знаменует и появление в городах первых общественных бань, бадрабов, вместо выгребных ям ташнау, а стеклоделие и поливная керамика являлись лишь звеньями этой цепи, указывая на более широкое, чем просто идеология ислама, влияние Метрополии на окраины Халифата.

Рис. 35. Чашевидный сосуд конца XII—начала XIII в. из Афрасиаба.

Рис. 36. Стеклянная чаша с рельефной ornamentацией. Афрасиаб X в.

Рис. 37. Стеклянная чашечка из Бухары X-XI вв.

Наши археологические комплексы показывают на вхождение и постепенное превращение стекольного ремесла в одну из значимых, самостоятельных отраслей производства средневекового Мавераннахра фиксируемое с конца VIII века.

Толчком к внедрению её в быт горожан послужила одна из востребованнейших областей жизнедеятельности населения как медицина, а конкретнее одно из важнейших её направлений, в данную эпоху, как лечение большого спектра болезней – кровососными банками, массово выполнявшимся из стекла. Чуть позже, к ним примкнуло значительно большее количество форм фармацевтической и химической стеклянной посуды, использовавшейся при изготовлении и хранении лекарственных препаратов.

Исходя из этого, именно медицинское направление и, тесно связанная с ней, фармацевтическая посуда, с учётом химических, физических, и гигиенических её преимуществ, в сравнении с другими материалами, а также их дешевизна, оказались свойствами незаменимыми в обиходе простонародья, дав мощный толчок развитию стеклоделия в Мавераннахре и его широкому внедрению в ряд других отраслей ремесленного производства.

К таковым можно отнести появление в крупных городских центрах, первых образцов богато расписанной и покрытой стеклянной глазурью посуды, ставших теперь не только очень гигиеничными, но и яркими произведениями искусства, украсившими парадные залы гостиных, а также сыгравшей революционизирующую роль в дальнейшем её развитии и переходе поливы на декоративную архитектурную терракоту.

Уже в эту эпоху, получает более широкое распространение, в её женской массовой среде, близкая к медицинской и аптекарской – парфюмерная посуда состоящая, преимущественно из небольших богато украшенных, цветных пузырьчковых и флакончиков, где обычно хранились румяна, белила, розовое масло, розовая вода и т.д.

Со второй половины IX-XI веков стекольное ремесло достигает такого размаха, что в закрытых археологических комплексах его продукция встречается в близких или даже чуть больших соотношениях с образцами керамики. Распространение получает богато оформленная столовая посуда: чаши (рис. 36), чашечки (рис. 37), ва-

зы, графины, колбы, бутылки, кувшины, крынки, блюда (рис. 38), салатницы, стаканы кружки, бокалы, рюмки и сосуды специального назначения: ароматницы, чернильницы, оконное стекло, браслеты, туваки и сумачи. Реже встречаются большие алембики, стеклянные сфероконические сосуды, ложечки, медальоны, воронки, ритоны и крышки.

В закрытых археологических комплексах второй половины IX–XII вв., вместе с богато орнаментированной, цветной столовой посудой, во многих случаях, продолжает фиксироваться наличие малых алембиков и другой медицинско-аптекарской посуды. Наряду с отмеченным выше, присутствием в городах большого количества лекарей-табибов с их приёмными помещениями, это может указывать на широкое вхождение медицинских знаний в быт населения и, возможное наличие в каждом домовладении каких-либо домашних аптек. Когда же в семье появлялись дети и присутствовали представители старшего поколения с какими-то хроническими заболеваниями, то наличие и хранение, в той или иной степени, фармацевтических препаратов и медицинской посуды, видимо, становилось обязательным.

Таким образом, представленные материалы по стеклу полностью подтверждают данные исторических источников о высоком подъёме экономики, культуры, науки и, в том числе, медицины в IX – начале XIII вв.

Поэтому, нам представляется не случайным, появление в самом сердце Саманидского государства – столичной Бухаре, такого выдающегося энциклопедиста как Ибн Сина. Вместе с тем, как исторические источники, так и археологические материалы показывают, что Ибн Сина блестяще овладев достижениями античной – западной, разносторонними направлениями восточной и, в ещё большей степени, опираясь на мощный пласт местного традиционного народного врачевания, являлся не только выдающимся медиком, но и гениальным практиком, пересмотревшим, обобщившим и усовершенствовавшим все предшествовавшее мировое наследие медицины. Уже через столетие, его «Канон врачебной науки» стал хорошо известен на западе арабского мира «затмив» все остальные работы по медицине - были забыты труды даже таких знаменитых предшественников Ибн Сины, как Абу Бакр ар-Рази (865-925) и Али ибн Аббас (ум. 994). В XII в. он был переведен на общеевропейский латинский и уже здесь, в Европе с открытием печатного станка в XV в. пе-

Рис. 38. Образцы блюд с рельефной орнаментацией из старгородской части Бинката-Ташикента XI в.

реиздания Канона были сопоставимы лишь с переизданиями Библии (Абу Али Ибн Сина, 1985. С. 9). В течении пяти столетий “Канон” служил настольной книгой для врачей многих стран Азии и Европы. Во всех старейших университетах Европы до середины XVIIв. изучение и преподавание медицины основывалось на труде Ибн Сины (Campbell, vol. I. 1926. P. 79).

Монгольское нашествие положило конец последовательному развитию стеклоделия в Мавераннахре. Безусловно, в числе других ремесленников, в большинстве случаев, они были вывезены за её пределы. Находки его в периоды XIII – XV вв. очень фрагментарны, а археологические исследования в позднесредневековых городах Узбекистана ограничены и пока не дают собирающихся цельных комплексов. Тем не менее, новый всплеск в развитии городов и керамического производства со второй половины XIII века и отсутствие материалов по стеклу показывает на иные причины его регресса.

От себя отметим, что уже в закрытых комплексах второй половины XII – начала XIII в. стеклянных изделий, как по количеству, так и по ассортименту встречается уже значительно меньше. Возможно, серьёзного внимания заслуживает замечание Ал-Беруни «О его мягкости по своему веществу и малоценности вследствие его обилия» (Абу-Райхан Ал-Беруни, 1963. С. 208).

Стекло, безусловно, сыграло огромную роль в формировании медицинской, фармацевтической и химической отраслей, керамическом и других ремесленных производствах, а также занимало определённое место среди парадной столовой посуды, являясь украшением полок михманханы. Но уже с XII – нач. XIII вв., в связи с наметившимися кризисными тенденциями в экономике края и процессами обнищания населения, чётко прослеживаемому по ухудшению качества керамических изделий (Mirzaaxmedov, 2008. с. 65-68), видимо, спрос на него, являвшегося, вместе с тем, хрупким, непрактичным в повседневном быту материалом, постепенно теряет к себе интерес.

Тем не менее, в более ограниченной и парадной форме оно присутствовало в богатых домах аристократии и, в том числе, завоевателей. На это уже указывает, в начальные годы монгольского завоевания (20-годы XIII в.) китайский путешественник Чан Чунь при описании Самарканда: «Город показался Чан Чуню богатым: везде были видны медные сосуды блиставшие подобно золоту, кроме того в городе было много фарфоровой и стеклянной посуды. Вино пили только из последней» (Бартольд, Том III. С. 241). Об этом же, через столетие, свидетельствует проезжая через Хорезм Ибн Баттута, но уже в виде привозных сирийских образцов: «Принесли еще и другие подносы, на которых были фрукты - очищенные гранатовые зернышки в золотых и серебряных сосудах с золотыми ложками, а часть в иракских стеклянных сосудах, с деревянными ложками, виноград и удивительные дыни». Страницей ранее отмечается о богатом убранстве помещений красивыми коврами, со стенами, обитыми сукном, со множеством ниш, в каждой из которых стоят серебряные сосуды с позолотой и иракские кувшины (Ибрагимов, 1988. С. 75-76). Возможно, последние, также могли быть исполнены из стекла. В средневековой книжной миниатюре нашли отражение и лавки-дуканы по продаже дорогой парадной посуды: китайского фарфора, керамических и стеклянных узкогорлых кувшинов разных расцветок (Миниатюры к произведениям Алишера Навои, 1982. Табл. 199). Последние, по данным тех же миниатюр, использовались для разлива винных напитков.

Также, мы считаем, что хотя стеклянные изделия и были очень красивыми и относительно дешёвыми, тем не менее потеряли массовый спрос среди основного обнищавшего населения края. В богатых же домах её место заняли более изысканные, цветные местные и привозные формы, и металлическая посуда достигшая, по данным литературы, к XII - началу XIII вв. значительного расцвета и совершенства (Буряков, 1990. Рис. 2-5; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 287; Бартольд, Том III. С. 241).

Единственное направление, где ещё мастера стекловары продолжали традицию своего ремесла, вплоть до XV века, отмечены по цветным оконным стёклам на архитектурных памятниках Самарканда. Стёкла круглые, цельные или нарезные, различных расцветок: красного, синего, зелёного, жёлтого, фиолетового, вишнёвого и голубого оттенков вставлялись в оконные решётки – панджара. Выявлены они на многих памятниках архитектуры эпохи Тимуридов – Гур Эмире, Ишрат хана, Чинни хана (Давидович, 1953. С. 145-156), а также на ряде мавзолеев Шахи Зинда. Безусловно, также, что подобными мозаичными наборами разноцветных стёкол были традиционно оформлены и другие памятники архитектуры данной эпохи, но не сохранившихся до наших дней.

К следующему фундаментальному направлению тесно связанному со стеклоделанием можно отнести производство поливной архитектурной терракоты, которая получила распространение во-первых, на использовавшихся в ограниченных размерах, мозаичных образцов бирюзового цвета, воплощённых впервые на памятниках Бухары с начала XII в. (Минарет Калян, минарет в Вабкенте, Мечеть Магоки Аттори). Затем с XIV-XV вв. это направление стало неотъемлемой частью внешней и внутренней их отделки, как мозаикой, так и майоликой, в различных цветовых гаммах и используя самые важные свойства стекла – инертность к воздействию среды, окрашиваемость, плотное прилегание к черепку и, самое главное, дешевизна – ставящее её в ряд наиболее бесценных творений человечества.

Использованная литература

- Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Собр. соч. Т. I. М., 1963.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Том II. М.–Л., 1950.
- Кузьмина Е.Е.* Могильник Заман-Баба // СЭ. № 2. 1958.
- Итина М.А.* Раскопки могильника Тазабагыбской культуры Кокча-3 // Материалы Хорезмской экспедиции. Т. 5. М., 1961.
- Тереножкин А.И.* Согд и Чач // КСИИМК. Вып. XXXIII. М.–Л., 1950.
- Шишкина Г.В.* Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент, 1986.
- Трудновская С.А.* Предметы вооружения и быта. Украшения // Городище Топрак кала (раскопки 1965-1975 гг.). М., 1981.
- Неразик Е.Е.* Археологическое описание памятника // Городище Топрак кала (раскопки 1965-1975 гг.). М., 1981.
- Пташникова И.В.* Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // Тр. ХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
- Трудновская С.А.* Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала // Тр. ХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
- Абдуразаков А.А., Безбородов М.А., Заднепровский Ю.А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963.
- Альбаум Л.И.* Балалык тепа. Ташкент, 1960.
- Распопова В.И.* Стеклянные сосуды из Пенджикента (находки 1950-1999 гг.). СПб., 2010.
- Мухамеджанов А.Р., Семёнов Г.Л.* Химическая лаборатория VIII в. в Пайкенде // ОНУ. № 3. Ташкент, 1984.

- Lamm G.J.* Glass from Iran in the National Museum Stockholm upsala. 1935.
- Аминджанова М.* О некоторых стеклянных сосудах Мавераннахра // ИМКУ. Вып.2. Ташкент, 1961.
- Папахристу О., Ахраров И.* Стекло из раскопа в Арке домонгольского городища Ахсикент // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
- Атагарыев Е.* Новые археологические материалы из пригорода Новой Нисы // Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980.
- Джанполадян Р.М.* Лабораторная посуда армянского алхимика // СА. № 2. М., 1965.
- Lamm G.J.* Mittelalterliche Glaser und Steinschnittarbeiten aus den Nahen Osten. Berlin, 1930.
- Абу Али Ибн Сина* (Авиценна) Канон врачебной науки. Кн. II. О простых лекарствах. Ташкент, 1956.
- Мухамеджанов А.Р., Семёнов Г.Л.* О работах на Центральном раскопе // Городище Пайкент. Ташкент, 1988.
- Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Мухамеджанов А.Р.* Стеклянные изделия из Пайкента // Из истории культурного наследия Бухары. Ташкент, 1990.
- Setenov G., Mirzaakhmedov D.* La Pharmacie De Paykend // La medicine au temps des Califes. Paris, 1996.
- Абул-Касим Аз-Захрави.* Трактат о хирургии и инструментах. М., 1983.
- Мирзаахмедов Д.К.* Ещё раз к вопросу о керамике с зелёной поливой из Пайкента // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Торгоев А.* Шахристан II. Комплекс лавок вдоль улицы «А» // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. VIII. СПб., 2007.
- Каримов У.И.* Неизвестное сочинение Ар-Рази // Книга тайны тайн. Ташкент, 1957.
- Казанджян Т.Т.* Очерки по истории химии в Армении. Ереван, 1955.
- Аминджанова М.* Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда // ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962.
- Алмазова Н.* Стекло Кумушкента // ИМКУ. Вып. 28. Самарканд, 1997.
- Ширинов Т.Ш., Матбобоев Б.Х., Иванов Г.П.* Ахмад Ал-Фаргоний даврида Кубо шахри. Тошкент, 1998.
- Мирзаахмедов Ж.* Бухоро шишаси ва сополи тарихидан // SAN'FN, 2003, № 4.
- Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т., Матбабаев Б.Х.* Результаты археологических исследований на объекте P56 городища Кува // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.
- Абдуллаев К.* Художественное стекло Старого Термеза // ИМКУ. Вып. 29. Самарканд, 1998.
- Абу-Райхан Ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод А.М. Беленицкого. Л., 1963.
- Мухаммед Садык-и-Кашкари* (Адаб-уль-Салихын). Кодекс приличий на Востоке. Ташкент, 1992.
- Мирзаахмедов Д.К., Ильясова С., Адылов Ш.Т.* Средневековое стекло и керамика Бинката – Ташкента IX–XI вв. Раздел 1. Стеклянные изделия // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
- Мец А.* Мусульманский ренессанс. М., 1966.
- Mirzaakhmedov D.* La Production Ceramique du Maverannahr du IX au debut du XIII siecle // Islamisation del Asie Centrale. Studia Iranica. Cahier 39. Paris, 2008.
- Буряков Ю.Ф.* Мастерская торефта XIV в. в Самарканде // Культура Средневекового Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Давидович Е.А.* Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда // Труды Среднеазиатского Государственного Университета. Новая серия. Вып. 61. Гуманитарные науки, книга 6. Ташкент, 1953.
- Вяткин В.Л.* Афрасиаб – городище былого Самарканда. Ташкент, 1926
- Абу Али Ибн Сина.* Канон врачебной науки. Ташкент, 1985.
- Миниатюры* к произведениям Алишера Навои. Ташкент, 1982.
- Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Абдуллаев К.* Стеклянные изделия X-XII вв. из Бухары // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.
- Islamische kunst.* Loseblattkatalog unpublishierter werke aus deutschen museen. Band 1. Glas. Mainz / Rhein. 1984. Terres secretes de Samarcande. Ceramiques du VIII - au XIII siecle. Paris, 1993.
- Анарбаев А.А.* Военная казарма средневекового Ахсикента // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
- Кабанов С.К.* Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша // Труды Института истории и археологии АН Уз ССР. Вып. VIII. Ташкент, 1956.

- Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
- Ставиский Б.Я.* Самаркандские чернильные приборы IX-X вв. в собрании Эрмитажа // СА. № 1. 1960.
- Жуков В.Д.* Археологическое обследование в 1937 г. дворца Термезских правителей // Труды Академии наук УзССР. Серия I. История. Археология. Термезская археологическая экспедиция. Т. II. Ташкент, 1945.
- Джанполадян Р.М.* Новые данные о стеклоделии Двина // КСИМК. Вып. 120. М., 1969.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока. М., 1976.
- Хилал ас-Саби.* Установления и обычаи двора халифов. М., 1983.
- Веймарн Б.В.* Искусство арабских стран и Востока VII-XVII вв. М., 1974.
- Воронина В.Л.* Бронзы Ахсикета из коллекции А.И. Смирнова // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Кабанов С.К.* Археологическая разведка в верхней части долины Кашка Дарьи // Труды Института истории и археологии. Вып. 7. Ташкент, 1955.
- Шарахимов Ш.* Новые стеклянные сосуды с Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 2. Ташкент, 1973.
- Ахбаров И.* Средневековые стеклянные бокалы из Кувы // Известия АН УзССР. Серия общественных наук. № 4. Ташкент, 1960.
- Абдуразаков А.А.* Сув ўтмас, ўтда куймас // Фан ва турмуш. 1968. № 11.
- Искусство ислама.* Каталог выставки. Л., 1990.
- Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана. Алма-Ата, 1990.
- Масленицина С.* Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л., 1975.
- Петрушевский И.П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIV веков. М.-Л., 1960.
- Абдураимов М.А.* Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI - первой половине XIX века. Т. 1. Ташкент, 1966.
- Мирзаахмедов Д.К.* Комплекс материалов к событиям монгольского завоевания Самарканда (Афрасиаба) // Самарканд шахрининг умумбашарий мадания тарақиёт тарихида тутган ўрни (Самарканд шахрининг 2750 йиллик юбилеига бағишланган халқаро илмий симпозиум материаллари). Тошкент-Самарканд, 2007.
- Бартольд В.В.* Собр. соч. Том III. М., 1965.
- Campbell D.* Arabian medicine and its influence on the middle Ages. Vol. I. London, 1926.
- Кунина Н.* Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ СОГДА В РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА

© 2011. М.Х. Исамиддинов
Институт археологии АН РУз

1. Территория Согда

Согд, располагаясь в центре Среднеазиатского междуречья и являясь важным историко-культурным регионом, играл немаловажную роль в формировании и развитии транс-континентальных торговых путей. Здесь возникла одна из ранних земледельческих культур, обогатившаяся благодаря тесным связям со степными племенами, располагавшимися на огромных пространствах, начиная от Присырдарьинских и Приаральских степей до Урала на севере и Алтая на северо-востоке.

Тесные связи и постоянное взаимовлияние земледельческой и кочевнических культур, ощущается во все исторические периоды и нашло отражение в материальной культуре этих регионов.

Наиболее раннее упоминание о Согде имеется в Авесте. В источнике отмечается, что согдийцы являются оседлым, земледельческим населением - гава «селение», «сельская округа» и «Сугда», «Сугуда» - «Согдийское поселение» - обозначение всего Согда или части его (История Узбекистана..., 1984. С. 28-29). В Гатах имеется также сообщение, где можно получить представление о кочевых племенах обитавших «в северном поясе земли». Здесь выступают как религиозные враги Заратуштры и его общины. Предводители кочевых племен назывались термином - кави. Позднее этот же термин переходит в согдийский язык и обозначает «правитель, царь» (Лившиц, 1963. С. 141).

Вместе с тем в десятом Яште, посвященном Митре можно получить и географические данные о древней Согдиане, где «высокие горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются глубокие озера с вздымающимися волнами, где несутся, вскипая, глубокие широкие реки - Согдийской Гавы (Лившиц, 1963. С. 148).

Наиболее древние сообщения о кочевых народах окружающих Согдианы имеются у Геродота. Он рассказывая о событиях, последовавших за победой Кира над Мидийским царем Крезом сообщает: «На пути Кира лежал Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне...» (История Узбекистана..., 1984). Этим сообщением Геродот подчеркивает какую силу и мощь имели саки в середине I тыс. до н.э. и указывает, что племена саков, жили в бассейне Сырдарьи, Ферганской долине, огромных степях Казахстана.

Итак, по данным древних письменных источников по границам Согдианы располагались кочевые скотоводческие племена. Это подтверждается и античными историками более позднего периода.

Граница Согда, по их данным, проходила с юга по Амударье, а с востока - по Сырдарье. В частности Клавдий Птоломей пишет, что граница Согда на юге проходит по Оксу (Амударья) и по Кавказским горам (имеются в виду Бадахшанские горы, которые порой называют Индийскими горами); на севере горы «Окс», «Скифия», на востоке река Яксарт и гора Комед считаются границами между согдийцами и скифами (Пьянков, 1965. С. 35-50; Пьянков, 1971. С. 68-79).

Изучая письменные источники и нумизматические данные, Е.В. Зеймаль также приходит к мнению, что граница между Бактрией и Согдианой проходила по Амударье (Зеймаль, 1978. С. 192-214).

По Квинту Курцию Руфу к территории Согда, кроме сельскохозяйственных оазисов, относились и огромные степные и пустынные пространства. В частности он отмечает: «Согдиана представляет собой страну, большей частью пустынную: обширные безлюдные места простираются в ширину примерно на 80 стадиев. И в прямом направлении эта страна огромна» (Квинт Курций, 1961. С. 61). По сравнению с другими историками античного мира Квинт Курций Руф больше описывает природу Согдианы.

У Арриана тоже имеются данные о границах Согдианы. В частности он отмечает, что «На севере Согд граничил с землей саков, в северо-восточной части эта граница проходила по реке Яксарт (Арриан, 1962. С. 137).

Среди сообщений Арриана наиболее ценным является то, что «граница Согдианы проходит со скифской пустыней в непосредственной близости от р. Политимет и недалеко от Мароканд».

Итак, почти все античные историки единогласно включают территории между Амударьей и Сырдарьей в Согдиану. Вместе с тем, как свидетельствуют археологические работы проведенные сначала Э.В. Ртвеладзе, и позднее Узбекско-Французской экспедицией на оборонительной стене Дербент, близ Железных ворот, она была сооружена во II-I вв. до н.э., и после создания Кушанской империи, она превращается в оборонительную стену между последней и Согдианой (Ртвеладзе, 1986. С. 34-39; Рахманов, 2001; Рахманов, 2005. С. 132- 144; Рахманов, Рапен, 2002. С. 45-49).

Поскольку границы Согда непосредственно соприкасались со степными пространствами, а население оазисов всегда находилось в тесных контактах с населением степи у обоих народов формируются близкие традиции и нравы. Исходя из этого, другой античный историк Страбон пишет, что «образ жизни согдийцев и бактрийцев был схожим, но в то же время мало отличался от образа жизни кочевников (Страбон, 1964. С. 488).

Если в кушанский период территория Согда сужается до южных и юго-восточных границ долины Кашкадарьи, то в средневековых источниках, когда пишется о Согде, в основном понимается долина Зарафшана, только в некоторых источниках сюда включается и территория долины Кашкадарьи (Исамиддинов, 2002. С. 4-5).

Изучая этнографические данные Китабского оазиса в XIX, начале XX вв. Б.Х. Кармышева отмечает, что «выходцы из Шахрисябза себя считали «сугути» - согдийцами» (Кармышева, 1960. С. 47-59).

Другие средневековые источники, в частности Якуби, долины Кашкадарьи, Зарафшана включают в Согд. В то же время в конце XIX - начале XX века территория Согда сужается до предела. Вместе с тем, в историко-культурном отношении территории Кашкадарьинского Согда (Южный Согд), Бухарского Согда (Западный Согд) и Самаркандского Согда (Центральный Согд) всегда включались в общую территорию Согда со столичным центром Самаркандом.

Таким образом, территориально Согд в основном включал в себя долины Зарафшана и Кашкадарьи, огромные степные пространства, горные и предгорные массивы.

Природная среда и условия для скотоводства.

Зарафшанская долина расположена в центре Средней Азии и с трех сторон окружена высокими горами. Только с запада, с северо-запада и юго-запада ее окружают степные пространства. На северо-востоке она граничит с Туркестанскими и Памиро-Алайскими горными системами. В частности, с севера горами Чумгар, Гобдинтов, Нурагинскими

горами, Актов и Коратов. С юга долина окружена Зарафшанскими горными системами куда входят горы Чакаликалон, Каратепа, Зирабулак-Зиёвиддин, с юго-запада окружена степью Сандикли и с северо-запада Кызылкумами (Акрамов, 1961).

У подножий этих гор простираются большие и малые массивы адыров. В этих адырных и предгорных районах весной и в первой половине лета вырастают обильные луга, которые являются отличным кормом для скота.

По центру долины протекает река Зарафшан, берущая свое начало из ледников в восточной части Туркестано-Алайской горной системы.

В создании рельефа центральной и нижней части долины важную роль играла сама река Зарафшан. С выходом на равнину она становится шире. Ширина долины здесь достигает 35-40 км, местами и более. В 7 км северо-восточнее Самарканда р. Зарафшан разделяется на два рукава: северный - Акдарью и южный - Карадарью, образующие остров Мианкаль, длина которого 100 км и ширина около 10-12 км.

В месте слияния Акдарьи и Карадарьи долина вновь несколько расширяется и достигает 18-20 км. А в западную сторону долина постепенно сужается и ее ширина в районе г. Навои не превышает 8-10 км. В этом районе от долины отделяется Кенимехский оазис, вклиниваясь в степь в северо-западном направлении. Ширина его достигает 3-4 км (Мухамеджанов, 1978. С. 22).

Выйдя из Хазаринской теснины, река течет в нижнюю часть долины, к юго-западу и образует конусообразный Бухарский оазис, граничащий с севера и запада с землями древнего орошения, засыпанными песками, примыкающими к Кызылкумам. С востока к нему примыкают Чулималикский, Кызылтепинский и Куюмазарские адыры, с юга Каршинская степь. В 25 км ниже Яккатута р. Зарафшан-Каракульдарья образует свой самый нижний веерообразный оазис с аналогичным названием (Мухамеджанов, 1978. С. 2-22). А.Р. Мухамеджанову удалось установить, что р. Зарафшан в эпоху неолита через Махан-дарью ещё вливалась в Амударью.

Вместе с тем, по данным античных источников в начале эллинизма Зарафшан уже не достигал Амударьи и поглощался песками (Страбон, 1964. С. 484). Так же об этом пишет и Арриан (Арриан, 1962. С. 138).

Долина Кашкадарьи с севера окружена Зарафшанской горной системой, в частности горами Зирабулак-Зиёвуддин, западные границы проходят через невысокие плоскогорья Жаркок, Муборак и Денгизкуль. С южной и юго-западной сторон соприкасается через Занжирликум с Каракумами. С восточной стороны окружена Гиссарскими, а с юго-восточной — Байсунскими горами.

Для долины самым главным источником воды является р. Кашкадарья, длиной 332 км. Ее общая площадь, сбора составляет 8750 кв. км (Кашкадарьинская область, 1959. С. 94). Она начинается в Гиссарских горах на высоте около 3000 м в виде небольшой горной речки, которая у выхода в долину превращается в достаточно большую артерию. В настоящее время вся вода расходуется для орошения Каршинского оазиса.

В результате археологических исследований древних русел Кашкадарьи в 2-3 км от южных и восточных берегов озера Пайкенда, покрытых барханами, в пяти пунктах были обнаружены памятники неолитического периода, а в десяти пунктах южной части озера, вдоль Арни - памятники конца эпохи бронзы (Мухамеджанов, 1978. С. 50; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966. С. 194-196).

Это подтверждает, что Кашкадарья еще в эпоху неолита и поздней бронзы вливалась свои воды в р. Зарафшан. На месте слияния Кашкадарьи в Зарафшан, располагается археологический памятник Кумсултан, относящийся к античному периоду, что свидетель-

ствуется о том, что в эпоху эллинизма и античности Кашкадарья, так же доходила до самого Зарафшана.

На территории Восточной Кашкадарьи выделяется равнинная полоса, граничащаяся с двух сторон адырами: Каратепинским, Миракинским на севере, и Яккабагским, Гузарским—на юге, предгорными и горными районами. В низовьях Кашкадарьи Каршинский оазис окружен степными полосами, а на западе—Каракумами.

Равнинные территории, оазисы долин Зарафшана и Кашкадарьи с древнейших времен были основными земледельческими районами.

Почвенный покров образован лёссовыми суглинками и сероземами, а лёссовидные породы у подножия гор - продуктами выветривания коренных горных пород, смытых со склонов и отложенных у их подошвы временными потоками. Почвы плодородны. Растительный мир входит в состав южнотуркестанской эфемеровой и эфемероидной областей, в основном в виде лугообразной растительности. Среди них очень много верблюжьей колючки, пырея, житняка. В частности, в Кашкадарьинской области были широко распространены лугово-сероземные и сероземные почвы (Кашкадарьинская область, 1959. С. 94). В предгорьях преобладают горные светло-коричневые почвы карбонатные, глинистые или суглинистые, пригодные для развития богарного земледелия и пастбищного скотоводства» (Омельченко, 2003. С. 8).

Климат в Самаркандской, Бухарской и Кашкадарьинской областях является ярко выраженным континентальным, проявляющийся в резких колебаниях метеорологических элементов как в межсезонном, так и в годовом и суточном ходе.

Годовая амплитуда изменяется в отдельные годы различно, и ее максимальная величина за весь период наблюдений составила 32,4°C в 1934 г., от -7,2 в январе до 25,2°C в июле. Амплитуда абсолютных минимальных и максимальных температур составляет 68°C, от - 25,7°C в январе 1883 г. до 42, 3°C в июле 1972 г. (Петров, 1982. С. 47).

В этих краях характерна и неравномерность выпадения осадков в течении года, а значительные вариации годового количества определяются максимумом осадков, приходящихся на март-апрель и минимумом - на июнь-август.

Зимы умеренно мягкие, со средней многолетней температурой 1,5°C. Лишь в отдельные годы наблюдаются сильные холода, связанные с проникновением арктических воздушных масс.

«Суровая зима была в Мавераннахре в 885-886 гг., когда Амударья у Фараба промерзла на значительную глубину и войско Хорасанского правителя перешло по льду реку. В 921-22 гг. холодная зима наблюдалась в Самарканде и Хорезме. Амударья промерзла кое-где до дна, а в нижнем течении толщина льда достигала 17 четвертей» (Воейков, 1957. С. 11). Другой источник сообщает, что в 1003 г. саманид Мунтасир с отрядом пехоты в 700 человек и конницей поздней осенью переправился по льду через Амударью у Даргана (Вяткин, 1896. С. 30-37, 40-41).

В летнее время «... температура поверхности почвы на открытых участках поднимается до 68-74°C (Петров, 1982. С.73). Осадки в июле выпадают не ежегодно: за 100 лет отмечены 36 раз. Они незначительны и в среднем составляют всего 1 мм.

Описывая события, связанные с походом Александра Македонского, античные авторы оставили отрывочные письменные свидетельства и о погоде, и о климате всего Согда. «...жар летнего солнца воспламеняет пустыни», пишет историк Александра, - «когда они начинают гореть, непрерывный жар опалает все пространство. Затем мгла, возникающая от чрезмерного накала земли, закрывает свет, и равнины становятся похожими на обширное и глубокое море. Ночной поход казался не очень трудным, так как облегчение приносили

роса и утренний холод. Впрочем, жара начинается с восходом солнца и сухость поглощает всю влагу в природе...» (Квинт, 1963. С. 265, 267, 301).

Такой резко-континентальный климат определил растительный мир как долин Зарафшана и Кашкадарьи, так и предгорных, горных и степных их районов.

Обилие весенних дождей (март-апрель) дает возможность быстрому росту в адырных и степных зонах пастбищных растений. В адырных и предгорных зонах из-за хорошей благоприятной погоды богарная пшеница давала неплохой урожай. А в Самарканде и, в верхней Кашкадарье богарных земель было много и, судя по письменным источникам, здесь получали неплохой урожай. Достаточно вспомнить Ибн Хаукаля и ал-Мукаддаси, отмечавших возможности богарных земель рустака Абгар, где отсутствовало искусственное орошение. «В Абгаре селений было больше, чем в других волостях. Ибн Хаукаля уверяли, что в урожайный год продукция абгарских полей может прокормить все население Согда» (Бартольд, 1963. С. 145).

Это говорит о том, что в благоприятные годы, (т.е. дождливые) территория, где сеяли богарную пшеницу, она давала хороший урожай (Исамиддинов, 2002. С. 15-30). В таком же состоянии были луга адырных и степных зон. До настоящего времени, в благоприятные в климатическом отношении годы, местное население косит траву, чтобы кормить скот зимой.

Если учесть, что в эпоху античности климат Средней Азии был относительно мягким и влажным, то условия для развития скотоводства и особенно для отгонного животноводства, были здесь благоприятными. Достаточно вспомнить историков Александра описавших лесистую местность Басиста, расположенную недалеко от Самарканда или Базайра (по Квинту Курцию Руфу), где в одном из крупнейших заповедников недалеко от Самарканда Александр собственноручно убил льва (Арриан, 1962).

Историки Александра при описании битвы македонских воинов в Уструшане рассказывают об обширнейших и густых труднопроходимых зарослях тугаев по берегам Политимета (Арриан, 1962; Квинт, 1963).

Изучая климат Самарканда Ю.М. Петров приходит к мнению, что «в лесистых горах около нынешнего селения Агалька (в 20 км от Самарканда) водились горные козлы. Северные склоны гор между Шахрисябзом и Самаркандом еще в VIII в. н.э. были покрыты обширными и густыми лесами (Петров, 1982. С. 10).

В позднем неолите и в эпоху бронзы климат был относительно влажным. Аридизация климата Средней Азии и Казахстана и формирование жестких ксеротермических условий, близких к современным, началось на рубеже III-II тыс. до н.э.

Существенное изменение температур можно было наблюдать по изменению направления крупных рек. В частности, Амударья в нижнем и среднем плейстоцене впадала в Каспийское море, одним из его притоков служил Зарафшан с Кашкадарьей. Достаточно вспомнить Геродота, что Аракс (Амударья) при устье разделяется на 40 рукавов, из которых один впадает в Каспийское море с востока, а остальные - в болота и лагуны. Или Аристокл в III в. до н.э. писал, что амударьинские воды по руслу Узбоя достигают Каспия, а Яксарт (Сырдарья) соединяется протоком с Амударьей (Бартольд, 1965. С. 101).

Аналогичную точку зрения приводит и Страбон: «... Каспийское море не представляет особое море, отличное от Меотиды, он заключает из того, что Танаис впадает в Меотиду. С тех же самых Индийских гор, откуда текут Окс и некоторые другие реки, вытекает Яксарт и подобно тем рекам впадает в Каспийское море; это самая северная из всех этих рек...» (История Узбекистана..., 1984. С. 173).

Как было сказано выше, в низовьях Кашкадарьи, возле слияния ее с Зарафшаном, имеются памятники античного времени (Кумсултан), а в низовьях Зарафшана за Варахшинским массивом имеются памятники середины I тыс. до н.э. (Баштепинская группа памятников - Уртатепа, Чектепа, Кушкиртепа) и памятники вокруг Канимеха (Кумрабад, Арабон-1, Арабон-2 и Чордара).

В процессе разведочных работ в этом регионе установлено, что в настоящее время горные реки не доходят до Кумтепа, Койтепа, Баландтепа, Яркутантепа, Галатепа и до других памятников, расположенных несколько ниже от горной системы (рис. 1). Вместе с тем, эти памятники могли существовать только при наличии воды из горных саев.

Как видно по представленной карте в этой части Зарафшанских гор, в частности на хребте Каратепа, совершенно отсутствуют ледники, из которых могла бы в жаркое время поступать вода. В настоящее время в этой части гор имеется несколько сухих русел горных речек, в которые только во время больших селевых потоков поступает вода, а в остальное время они питаются из нескольких родников. В частности, в верхних частях Сазаганса и Тавакбулака имеются постоянные родниковые воды.

О значительной степени обводненности горных речек в эпоху раннежелезного века и эпоху античности свидетельствуют и ирригационные сооружения, расположенные западнее Койтепа. Эти сооружения являются большими и длинными дамбами для сбора дождевых вод, спускающихся из горных и предгорных зон. Между Койтепа и селением Эски Ангор представлена часть этого древнего водосборного устройства. Она сооружена перпендикулярно к направлению русел горных саев.

Дамба собирала воды горных речек и дальше вода протекала по седловидной ложбине, образуя в своем нижнем течении (в районе селения Парчакара) глубокий овраг. О достаточном обводнении этого района с древнейших времен свидетельствует каменная цилиндрическая печать Безымянного тепа с изображением бегущей дикой козы, в которую летит стрела и фантастического животного с рогами быка, хвост которого приподнят, а на спине сидит всадник(?) (Исамиддинов, 2002. Рис. 92 (фото), рис. 93 (прорисовка)).

Несмотря на то, что климат этих областей был относительно влажным, он не сильно отличался от климата сегодняшних дней. Все так же в адырных и неорошаемых степных землях в конце мая и начале июня трава начинает желтеть, т.е. из-за сильной жары выгорает. До какого-то времени эта высохшая трава является основным кормом для выпаса скота. Но, это никогда не обеспечивало выпаса большого количества скота. Поэтому скотоводам приходилось перекочевать наверх к лугам горных районов, или к северу, северо-востоку, к степным районам, где климат был относительно прохладным.

Континентальность климата, малое количество осадков, большие колебания температур между летним и зимними периодами, или днём и ночью, небольшое количество облачных дней, такие явления наблюдаются и по вертикальному изменению климата. Если летом на равнинных районах стоит 45-50° жара, то в верховьях гор еще лежит снег.

В предгорьях культурных земель, поля, сады, селения, постепенно сменяются полосой полупустынных сухих адыров, густо пересеченных оврагами, ручьями и реками. Еще выше зоны со степной растительностью, далее, ближе к водным источникам, встречаются арчовые леса, альпийские и субальпийские леса.

В дельтовых областях и долинах рек преобладают тугаи, где в обилии представлены лугово-болотные, луговые, лугово-солончаковые, солончаковые и песчаные растения. В местах, где грунтовые воды близки к поверхности, там в обилии представлены камыши, куга, кирк бугин, юлгун, тал и т.д. Все эти растения всегда были основным кормом для

животных. Особенно камыш является не только отличным строительным материалом, но и хорошим кормом для крупного рогатого скота.

На северных окраинах Согдианы начинается пустынный ландшафт. Эти территории пригодны для выпаса овец и верблюдов почти круглый год. Здесь на зимних пастбищах сохраняются ковыль, жусан, кияк, солянка, биюргун, кокпек.

С древнейших времен природа и естественные условия сами диктовали ведение того или иного способа хозяйства. Если в центральных районах Кашкадарьи или Зарафшана, возможно было вести земледельческое хозяйство, то в промежуточных районах, между орошаемыми полями или в степных полосах развивалось полуседлое, скотоводческо-земледельческое хозяйство. Они, в основном, были расположены ближе к земледельческим зонам.

В целом, к Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной области принято относить наличие нескольких хозяйственно-культурных типов: оседлых пашенных земледельцев (с ирригацией) и скотоводов, полуседлых скотоводов-земледельцев и, наконец, кочевников и полукочевников - скотоводов степей.

Зимой в горах скот укрывали в глубоких долинах, а летом выпасали на альпийских пастбищах. Маршруты перекочевков определялись наличием по пути колодцев и водных источников. В горах развивалось отгонно-пастбищное, кочевое, выгонное, стойлово-выгонно-яйлажное скотоводство (Кармышева, 1960. С. 45-60).

Такая географическая среда, климатические условия создали хозяйственный уклад скотоводов, приспособленный для ведения горно-долинного способа перекочевки и на юг-север - по широтному направлению, т.е. в поисках трав, пастбищ кочевья двигались на север и северо-восток.

Все эти данные говорят о том, что в эпоху античности климат территории Согдианы и Средней Азии в целом был относительно мягким, несколько влажным, и многоводным. Судя по тому, что на берегах и низовьях горных саев Джама, Сазагана, Илансая и Терсаксая имеются памятники середины I тыс. до н.э. и античности, это свидетельствует о том, что эти горные речки были относительно многоводными и до сооружения длинных, магистральных каналов являясь основными источниками воды для земледелия в этих регионах.

Итак, как на территории Согдианы, так и его окружении имелись благоприятные природные и климатические условия для развития земледелия и скотоводства.

Все эти физико-географические особенности играли весьма важную роль в формировании археологических комплексов, как оседлого населения, так и скотоводческого населения в разных частях Согдианы и прилегающих территориях.

Использованная литература:

- Акрамов З.М.* География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей. Ч. I. Ташкент, 1961.
Арриан Флавий. Поход Александра. VIII. 14. М.-Л., 1962.
Бартольд В.В. Работы по исторической географии // Сочинения. Т. III. М., 1965.
Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963.
Воейков А.И. Избранные сочинения // Сельскохозяйственная метеорология. Л., 1957.
Вяткин В.Л. Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию (Бабурнаме) // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 4. Самарканд, 1896.
Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966.
Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Л., 1978.
Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002.

- История Узбекистана в источниках* // Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1984.
- Кармышева Б.Х.* Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекистана // КСИЭ. Вып. XXXIII. М., 1960.
- Кашкадарьинская* область. Т. 1. Ташкент, 1959.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. Книга VII. М., 1963.
- Квинт Курций Руф.* История Александра Македонского. Книга VIII. 14. М.-Л., 1961.
- Ливииц В.А.* Общество Авесты // История таджикского народа. Т. I. М., 1963.
- Мухамеджанов А.Р.* История орошения Бухарского оазиса. Ташкент, 1978.
- Омельченко А.В.* Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
- Петров Ю.М.* Самарканд. Климат и погода. Л., 1982.
- Пьянков И.В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. М., №2. 1965.
- Пьянков И.В.* Список восточных сатрапий державы Ахеменидов у Ктесия // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.
- Рахманов Ш.* Каменные стены южного Гиссара // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд-Бишкек, 2005.
- Рахманов Ш., Рапен К.* О локализации Железных ворот // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Самарканд, 2002.
- Рахманов Ш.А.* Тавка. Ташкент, 2001.
- Рахманов Ш.А., Рапен К.* Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган ўрни. Тошкент, 2002.
- Ртвеладзе Э.В.* Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. №12. Ташкент, 1986.
- Страбон.* География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. М., 1964.

О РЕЗУЛЬТАТАХ КОНСЕРВАЦИОННЫХ РАБОТ НА ПАМЯТНИКЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА САРМИШСАЙ

© 2011. М.А. Реутова

Институт археологии АН РУз

Общие положения

Наскальное искусство является одним из основных видов культурного наследия народов Центральной Азии. Оно передает нам неоценимую информацию о жизни наших далеких предков, позволяет проследить историю человечества и его разнообразную деятельность на протяжении многих тысячелетий. На нынешнее время на территории нашей республики зафиксировано около 150 памятников с петроглифами. Они датируются эпохой от мезолита и до позднего средневековья. Одни из местонахождений насчитывают десятки изображений, другие же - несколько тысяч. Одним из самых известных памятников наскального искусства как в Узбекистане, так и во всей Центральной Азии является Сармишсай, расположенный на южном склоне хребта Каратау в Навбахорском районе Навоийской области.

Согласно наиболее распространенным представлениям древних народов мира, горы всегда являлись местом обитания богов и духов. И это не удивительно. Люди традиционно уважали горы как места священной власти и духовного совершенства. Они приходили туда для приобретения вдохновения. Это происходило и в Сармишсае. Благоприятные природные условия - изобилие чистой родниковой воды, разнообразной флоры и фауны, своеобразный и неповторимый вид самих скал сделали Сармишсай местом постоянного посещения людьми на протяжении нескольких тысячелетий. Эта территория с древнейших времен имела религиозно-культурное значение. Люди посещали ее для церемониальных обрядов и религиозных праздников. Древние художники оставили на скалах многочисленные и разнообразные по своей сюжетной тематике петроглифы, датирующиеся от эпохи неолита и вплоть до наших дней. Учитывая уникальную природную, культурную и историческую ценность Сармишсае, был поставлен вопрос о подготовке его для внесения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Для этого необходимо было провести целый комплекс исследований и практических работ, важное место среди которых занимали вопросы консервации и документации наскальных изображений.

Причины разрушения наскальных рисунков

Разработка планов по сохранению наскальных рисунков напрямую зависела от изучения состояния объекта и выявления причин его разрушения. Наскальные изображения находятся в самой природе, являются ее неотъемлемой частью и составляют культурный ландшафт. Поэтому, чтобы сохранить петроглифы, необходимо было установить причины, вызывающие их разрушение. Для выяснения общей картины, на памятнике было проведено обследование сохранности скальных выступов с петроглифами. Осмотр ряда групп показал, что на современное состояние наскальных рисунков влияет два основных фактора. Один из них - природный. Есте-

ственное разрушение каменного материала идет по многим причинам. Климат в районе памятника резко континентальный, характеризующийся большими суточными и сезонными колебаниями температур. Это создает условия для развития физического выветривания камня - морозного и термического. Резкие перепады температур, периоды замораживания и оттаивания в осенне-весенний периоды, безусловно приводят к образованию трещин и выпадению камней, что влечет за собой потерю каменного материала и части рисунков. Многочисленные виды мелких растений - травы и кустарники, пустившие корни в трещинах, свидетельствуют о том, как вода прокладывает себе путь по трещинам и щелям в скале.

При визуальном осмотре памятника на отдельных плоскостях были зафиксированы отслоения патинового слоя, являющегося носителем наскальных изображений. Процесс коркового отслоения начинается с образования микротрещин, параллельных каменной поверхности. Они возникают в результате инсоляций и связанных с нею температурных колебаний. Изучение показало, что наружные части породы нагреваются сильнее внутренних. Это ведет к нарушению связи между отдельными слоями породы и растрескиванию. Попадание в микротрещины воды и ее замерзание вызывает в дальнейшем разрушение в виде отслоения коркового слоя. В результате проведенного нами обследования было выявлено, что в некоторых местах такое отслаивание уже привело к частичной утрате оригинальных изображений (рис. 1).

Особую опасность для петроглифов представляют многочисленные разновидности лишайников, талломы которых встречаются практически на всех плоскостях. Как показали исследования, скалы Сармишса заселяет 81 вид лишайников - накипных и листоватых. Продукты их жизнедеятельности, в частности органические кислоты, разъедают поверхностные слои каменной структуры. Деструкции камня способствует также постоянное изменение объема слоевищ лишайников, увеличивающихся во влажные периоды и сжимающихся при высыхании. Лишайники обычно растут вдоль трещин. Разрастаясь, они покрывают поверхности петроглифов, которые уже невозможно различить на каменной плоскости. В качестве доминирующих в составе эпилитной лишенофлоры памятника Сармишсай определены виды родов *Caloplaca*, *Aspicillia*, *Lecanora*, *Candelariella* (Khudjanazarov, Toderich, Reutova, 2004).

Как показали геолого-геоморфологические исследования долина Сармишса сложена из кембрий-ордовик-силурийских отложений. Набор пород на отдельных участках различается. В зоне петроглифов силурийские отложения сложены преимущественно из песчаника, алевролитов и углеродного сланца, свойства которых сильно варьируются (Аубекеров, 2009. С. 73-86). Песчаник довольно прочный материал. Сланец же - частично твердый и стабильный, частично мягкий, значительно эродированный, разломленный и нестабильный. Поэтому во многих местах наблюдается его расслаивание и разрушение каменных выступов. Из-за смещения скальных пород после поднятия и затвердевания масс в период формирования скал, в породах возникли трещины, идущие как горизонтально, так и вертикально. Поэтому форма скальных выступов напоминают нам стоящие на полке книжки. Возникающие трещины приводят к уничтожению петроглифов. Так, в случае больших трещин, происходит выпадение фрагментов камня с находящимися на них петроглифами.

Рис. 1. Корковые отслоения на плоскости "Стадо куланов".

Рис. 2. Общий вид плоскости с различными повреждениями.

Негативные природные факторы усугубляются другим разрушительным фактором - антропогенным. Долину Сармишская посещают многие жители Навои и его окрестностей. Особенно красива она в весенние месяцы, когда склоны гор покрыты травой и яркими цветами. Некоторые посетители наносят повреждения плоскостям с рисунками. Обследование памятника показало, что на многих плоскостях выцарапаны и выдолблены надписи, краской и мелом написаны имена и даты посещения объекта. В некоторых местах видны попытки выламывания кусков камней с рисунками. Поверхность каждого склона покрывают массы эродированного сланцевого материала, который оползает всякий раз, когда посетители начинают лазать по скалам. Возникающая после этого эрозия открывшихся слоёв является настоящей угрозой. Всё это приводит к тому, что маленькие и большие каменные глыбы выпадают и скатываются вниз. Попадая на плоскости с рисунками они разрушают их. На пикниках люди разводят костры. В отдельных местах это происходило рядом с камнями, на которых находились изображения. Поднимавшаяся от костров копоть, осаждалась на выбитых рисунках и изменяла их естественную фактуру. Значительную опасность для камней с петроглифами представляют и многочисленные отары коз, которых местные жители практически круглогодично пасут в сае. Острые копыта животных оставляют царапины на камнях и выбивают мелкие отслоившиеся фрагменты.

На приведенном рис. 2 мы видим практически все факторы, негативно влияющие на сохранность наскальных изображений. Поверхность этой небольшой по размеру плоскости покрывает сеть трещин. За много лет они заполнились гумусом, который стал благоприятной средой для роста микрофлоры. Талломы лишайников покрывают трещины и разрастаются вокруг них, частично покрывая петроглиф. В трещинах также произрастают растения. Люди сделали рисунок непосредственно на древнем изображении.

Исходя из выявленных причин разрушения камня, физического состояния самих плоскостей с рисунками и участков окружающих их, был составлен комплекс мер по консервации наскальных изображений.

Научная документация и консервация объекта

Первоначально, опираясь на международный опыт по сохранению памятников наскального искусства, был разработан многолетний план работы по консервации петроглифов Сармишсае и начато его практическое выполнение. Проведенная в Сармишсае в 2004 году конференция и полевой семинар с участием ведущих международных экспертов по наскальному искусству и специалистов-консерваторов позволили правильно оценить значение памятника и разработать основные направления в подготовке его к внесению в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Было указано, что одним из направлений являются работы по проведению полноценной и всесторонней документации плоскостей с рисунками и сохранению петроглифов.

На проведенном в 2003 году в Алматы региональном учебном семинаре, проходившем при поддержке ЮНЕСКО, была разработана стандартная процедура документирования для описания изобразительной поверхности и петроглифов. Структура документации охватывает все основные параметры, характеризующие состояние поверхности и изображений на них. Разработанная табличная форма регистрации результатов обследования очень удобна для проведения постоянного мониторинга на памятниках наскального искусства (Рогожинский, Хорош, Чарлина, 2004. С. 156-161). На Сармишсае выделено 15 групп петроглифов, на которых находятся около пяти тысяч изображений. На данное время нами частично задокументированы плоскости с рисунками на группах III, VII, IX, X, XIII. Все данные внесены в компьютер и их можно использовать для создания единой компьютерной базы данных по петроглифам Центральной Азии.

Проведенный на Сармишсае осмотр групп показал, что здесь сильно проявился негативный антропогенный фактор. Многие плоскости покрыты красочными посетительскими надписями. Особенно много их было на группе X и группе XIV, которая находится непосредственно на территории детского оздоровительного лагеря, расположенного в сае. Много было выдолбленных надписей, сделанных непосредственно на древних рисунках. Наиболее многочисленны надписи процарапаны камнями. Нами было выявлено несколько аварийных групп, состояние которых требовало неотложной консервации. На нескольких плоскостях имелись следы попытки отбивки фрагментов с петроглифами. Для правильного проведения консервационных работ в первую очередь на тестовом участке была проведена апробация

Рис. 3. Надписи на плоскости группы IV с петроглифами.

Рис. 4. Плоскость группы IV после удаления надписей.

имеющихся в мировой практике методик по стабилизации каменного материала (Агеева, Ребрикова, Кочанович, 2004. С. 116-120; Rock Art. 2006). Они включали в себя укрепление структуры камня, биоцидную обработку при борьбе с лишайниками, заполнение специальными составами трещин и утрат, патинирование выбивки, подклейку выпавших фрагментов и др.

В результате этих исследований для удаления красочных надписей была выбрана методика с использованием специального состава, состоящего из набора растворителей и загустителя. После нанесения ее на надписи, выполненные эмалевой или масляной краской, старая краска разбухает и легко снимается скальпелем (рис. 3 и 4). Значительно сложнее удалить напыленные надписи, сделанные аэрозольной краской. Такая краска тончайшим слоем покрывает каменную поверхность и глубоко проникает в щели и складки выщербленной поверхности. Удалить оттуда краску практически невозможно. Поэтому после удаления краски смывкой производится также тонировка неровной поверхности. Для удаления краски с прочных плоскостей была применена методика с использованием горячего пара. За семь лет работы на памятнике на различных группах было удалено около 40 надписей, часть которых была сделана на плоскостях с рисунками. Наш многолетний мониторинг показал, что новые надписи обычно появляются там, где уже есть старые покраски. Поэтому мы убрали практически все надписи, которые находились на скалах основных групп петроглифов, входящих в туристический маршрут. Кроме того, группа XIV, которая находится на территории лагеря, по нашей просьбе была ограждена сетчатым забором. Мы надеемся, что эти меры, возможно, предотвратят массовое появление новых надписей.

Одновременно проводились работы по мастиковке выбитых надписей, которые в основном делались непосредственно на рисунках или же вблизи от них (рис. 5). Выбивка надписей на камне - процесс достаточно трудоемкий, поэтому такого рода надписей много меньше, чем сделанных красками. Специальными составами на основе раствора кремнийорганического соединения К-9 и акрилата ПБМА с наполнителем (каменная пудра и лесс) проводилось заполнение выбитой поверхности. Поскольку поверхность камней в основном темного цвета (она имеет так называемый пустынный загар), в состав добавлялась сажа для большей маскировки доделочной массы (рис. 6). Всего было замастиковано 14 выбитых надписей, выполненных на группах III, IV, V, X, XIII.

Рис. 5. Выбивка на плоскости группы V.

Рис. 6. Мастиковка выбивки.

Рис. 7. Последствия попытки отбивки петроглифа.

Рис. 8. Патинирование следов попытки отбивки петроглифа.

Как было отмечено выше, самыми многочисленными являются процарапанные надписи. Они делаются обломками камней, которых вокруг множество (рис. 7). Царапины, по сравнению с выбивкой, неглубокие. Мастиковать их нецелесообразно. В данном случае применяется патинирование. Целью патинирования является подгонка цвета процарапанных участков к цветовой гамме оригинальной каменной плоскости (рис. 8). Достигается эта цель посредством нанесения выработанного в результате экспериментов состава на основе водных растворов двухвалентных солей железа и марганца. В зависимости от цвета камня меняются концентрации растворов солей. Данным методом была проведена маскировка надписей на группах IV, V, VII, X, XIII.

Рис. 9. Возведение навеса над аварийной плоскостью.

На плоскостях с петроглифами проводилось также удаление лишайников. Для этого использовалась их обработка раствором перекиси водорода и аммиака в соотношении 10:1. Этот состав не загрязняет породу в силу быстрого разложения и улетучивания составляющих. Обработанные раствором лишайники через два часа можно удалить с поверхности камня обычной жесткой щеткой. Неудаленные из щелей лишайники через некоторое время высыхают и выветриваются.

В последнее время большое значение придается методам косвенной (превентивной) консервации. В настоящее время Сармишсай является природно-археологическим музеем-заповедником, посещение которого входит в туристические маршруты как отечественных, так и зарубежных туристов. Поэтому последний способ консервации является весьма актуальным. Непосредственно для нашего памятника он заключается в прокладывании тропинок и организации смотровых площадок на группах с петроглифами. Это делается для того, чтобы посетители памятника не лазали бесконтрольно по скалам, вызывая движение каменных осыпей и разрушение аварийных плоскостей. Для предотвращения продвижения осыпей из фрагмен-

тов камня воздвигаются защитные стенки.

Другим способом превентивной консервации является возведение защитных навесов над аварийными плоскостями (рис. 9). Конструкция выполняется из обломков камней, которые мы находим в многочисленных осыпях. Она не бросается в глаза и ее установка не нарушает стабильности горного массива. Над навесом делается дренаж для отвода от плоскости с петроглифами потоков воды, стекающих со склонов.

Консервационные работы на Сармишсае проводятся уже в течении семи лет. За это время были выполнены многие намеченные мероприятия. Памятник принимает свой первозданный вид. Сохранить его в таком состоянии станет возможным только лишь при круглогодичной правильно организованной охране. Не последнее место в этом занимает и просветительская работа среди населения.

Использованная литература:

- Khudjanazarov M., Toderich K., Reutova M.* Report "Studies, preservation and sustainable management of the Cultural and Natural Heritage of Sarmishsai, Navoi region, Republic of Uzbekistan" // Samarkand, 2004.
- Аубекеров Б.Ж.* Геолого-геоморфологические исследования в долине Сармишсае // Достижения и перспективы изучения, сохранения и управления природного и культурного наследия "Сармишсае". Материалы региональной конференции. Ташкент, 2009.
- Рогожинский А.Е., Хорош Е.Х., Чарлина Л.Ф.* О стандарте документации памятников наскального искусства Центральной Азии // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие. Менеджмент. Консервация. Документация. Алматы. 2004.
- Агеева Э.Н., Ребрикова Н.Л., Кочанович А.В.* Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие. Менеджмент. Консервация. Документация. Алматы, 2004.
- Rock Art.* A guide to the Documentation, Management, Presentation and Monitoring of Norwegian Rock Art // Published of Directorate for Cultural Heritage. Edited by Torjorg Bjelland and Bjorn Hebba Helberg. Norway. Oslo, 2006.

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

НОВЫЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК В ДОЛИНЕ АХАНГАРАНА

© 2011. К.А. Колобова, У.И. Исламов, К.К. Павленок,
Д. Фляс, А.И. Кривошапкин, Г.А. Мухтаров
*Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия),
Институт археологии АН РУз (Узбекистан),
Центр исследования первобытной истории (Бельгия)*

Введение

Продолжительное время внимание исследователей каменного века привлекает факт количественного дисбаланса между среднепалеолитическими и верхнепалеолитическими памятниками Средней Азии. Если количество и содержание индустрий среднепалеолитических памятников дали исследователям основания для выделения различных вариантов локальных культур [Ранов, Несмеянов, 1973; Сулейманов, 1972; Касымов, 1972], то представительность верхнепалеолитических ассамбляжей оставляла желать лучшего, а их разнообразие не позволяло однозначно выделить группировки, характеризующие какие-либо технологические, либо культурные тенденции.

В качестве причин столь заметной малочисленности памятников указанного периода исследователями выдвигались разные предположения. Основной гипотезой до настоящего времени является идея о гипераридизации климата, в результате которой произошла временная депопуляция некоторых регионов [Davis, Ranov, 1990]. Многие исследователи в той или иной степени поддерживают данную гипотезу, однако смягчают основные выводы и говорят не о полной депопуляции региона, а лишь о сокращении численности человеческих популяций в период позднеледникового максимума похолодания [Ранов, Несмеянов, 1973; Ранов, Каримова, 2005; Додонов 2002]. В качестве другой причины малочисленности известных верхнепалеолитических объектов региона также называется геоморфологический фактор, а именно, характерная для региона активная деятельность селевых процессов, в результате которых содержащиеся верхнепалеолитический материал отложения могли быть уничтожены [Ранов, 1988], либо залегают на значительной глубине, что делает их обнаружение традиционными методами археологической разведки проблематичным [Абрамова, 1984].

В свете описанных проблем открытие и изучение новых объектов верхнего палеолита на территории Средней Азии вносит существенный вклад в решение вышеуказанных проблем. В последние годы было обнаружено несколько стратифицированных стоянок позднекаменного века, либо возобновлено изучение ранее известных памятников с использованием более комплексных методов исследования. Целью данной работы является ввод в научный оборот и предварительный анализ материалов нового памятника позднего палеолита Кызыл-Алма-2.

История открытия и место расположения памятника

В августе 2007 года участниками Центральноазиатского палеолитического отряда, было проведено разведочное обследование окрестностей стоянки Кульбулак, расположенной на юго-восточном склоне Чаткальского хребта (рис. 1, *a*) [Деревянко и др., 2007 б]. В результате новых исследований была открыта стоянка Кызыл-Алма-2 в выработке современного глиняного карьера, профессором М. Даппером (Университет Гента, Бельгия) и к.г.-м.н. С. В. Лещинским (ТГУ, Россия) [Деревянко и др., 2007а].

Памятник открытого типа Кызыл-Алма-2 находится на расстоянии 1200 м на север-северо-запад от стоянки Кульбулак, превышение над уровнем которой составляет 66 м, а угол падения - $3-5^{\circ}$. Стоянка приурочена к разлому органогенных известняков с выходами жильного кремня различного качества.

Стратиграфия памятника.

Стратиграфический анализ показал, что во вскрытом разрезе представлены склоновые отложения преимущественно делювиального генезиса, с наложением на разных этапах осадконакопления эоловых и селевых процессов. Пачка отложений была разделена на четыре отдельных стратиграфических подразделения (рис. 1, *б*). Описание вскрытых раскопом культуросодержащих отложений [Лунева, 2008, личное сообщение] выглядит следующим образом (сверху вниз):

Слой 1. Представляет собой современную толщу, образованную за счет плоскостного делювиального смыва и (в меньшей степени) эолового накопления. Слой представлен белесым, желтовато-коричневато-серым лессовидным суглинком с редкими включениями карбонатного щебня (~ 5-3 см). Мощность непостоянная и в среднем достигает ~ 0,12 м. Подошва отчетливая, но неровная, с трещинами.

Слой 2. Плохо сцементированный белесый, желтоватый, светло-коричневый лессовидный суглинок эолового накопления. На границе с подошвой отмечаются обломки горных пород (~ 3 см и меньше). Мощность слоя не постоянна, меняется за счет трещиноватости нижележащего слоя и в среднем составляет от ~ 0,1 м до ~ 0,18 м. Подошва неровная, разбитая трещинами, но четкая за счет текстуры отложений.

Слой 3. Светло-коричневый лессовидный суглинок с комковатой текстурой. Для всего слоя характерно хаотичное распространение карбонатных конкреций (~ 1 см), а так же обломков выветрелого известняка дресвяной и щебнистой размерности. По общей текстуре слоя и по расположению обломочного материала в нем можно предположить, что данная толща была накоплена в результате склоновых гравитационных процессов. Мощность слоя составляет ~ 2,25 м.

Слой 4. Слой представлен продуктами селевого потока и сложен глыбово-дресвяно-щебнистыми отложениями в совокупности с лессовидным суглинком. Обломочный материал расположен в слое без какого либо порядка и сортировки, совершенно не окатан. Размерность обломков увеличивается от кровли к подошве и в среднем составляет ~ 7x4x3 см. Видимая мощность слоя ~ 1,75-1,8 м.

Археологический материал с различной степенью концентрации фиксируется во всех четырех вскрытых стратиграфических подразделениях. Основываясь на характере отложений, содержащих культурные остатки, можно предположить наличие площадного смещения данных отложений, но, учитывая ландшафт данного участка (примыкание рыхлых отложений непосредственно к коренным выходам кремне-содержащих известняков), можно предположить, что расстояние подобного переноса

са (склонового сползания) было незначительным. Об этом также свидетельствует отсутствие отчетливых признаков механических повреждений на поверхности обнаруженных артефактов. Незначительная патинизация поверхности артефактов позволяет предположить, что каменные изделия до их погребения (и последующего перемещения по склону вместе с вмещающими их отложениями) экспонировались определенное время на поверхности.

Схожие по всему разрезу технико-типологические характеристики каменного инвентаря, наряду с присутствием во всех стратиграфических подразделениях одинаковых специфических серийных форм каменных орудий, позволяют предположить, что в результате гравитационных процессов частичному смещению подверглись культурные остатки, аккумулировавшиеся в течение ограниченного промежутка времени (по крайней мере, в рамках одного культурно-периодизационного этапа каменного века) на гипсометрически более высокой (по сравнению с настоящим положением артефактов в слоях) площадке. Поэтому авторами статьи было принято решение рассматривать весь имеющийся ассамбляж каменных изделий как единый комплекс.

Каменный инвентарь

Общее количество артефактов стоянки Кызыл-Алма-II составляет 4804 предмета. Подавляющее большинство артефактов (4344 экз., 90,4%) представлено отходами производства и в дальнейшем анализе не учитывалось. Сырьевой базой индустрии стоянки служил желвачный халцедоновидный кремль плохого качества, не монолитный, кавернозный, с включениями, с неровной дырчатой поверхностью и крайне извилистыми контурами. Явно фиксируется побеление (патинизация) собственно желваковых и сколовых поверхностей [Кулик, 2009, личное сообщение].

Первичное расщепление. Нуклевидные формы составляют 21,3% коллекции (101 экз.). Данная категория включает в себя как типологически определяемые ядрища (38 экз.), так и нуклевидные изделия – 63 экз.

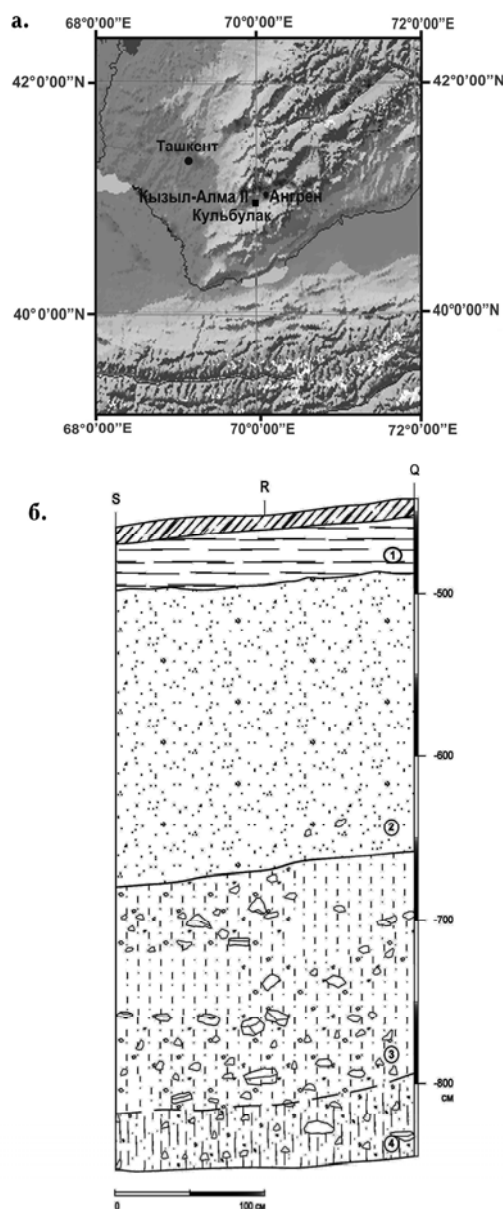
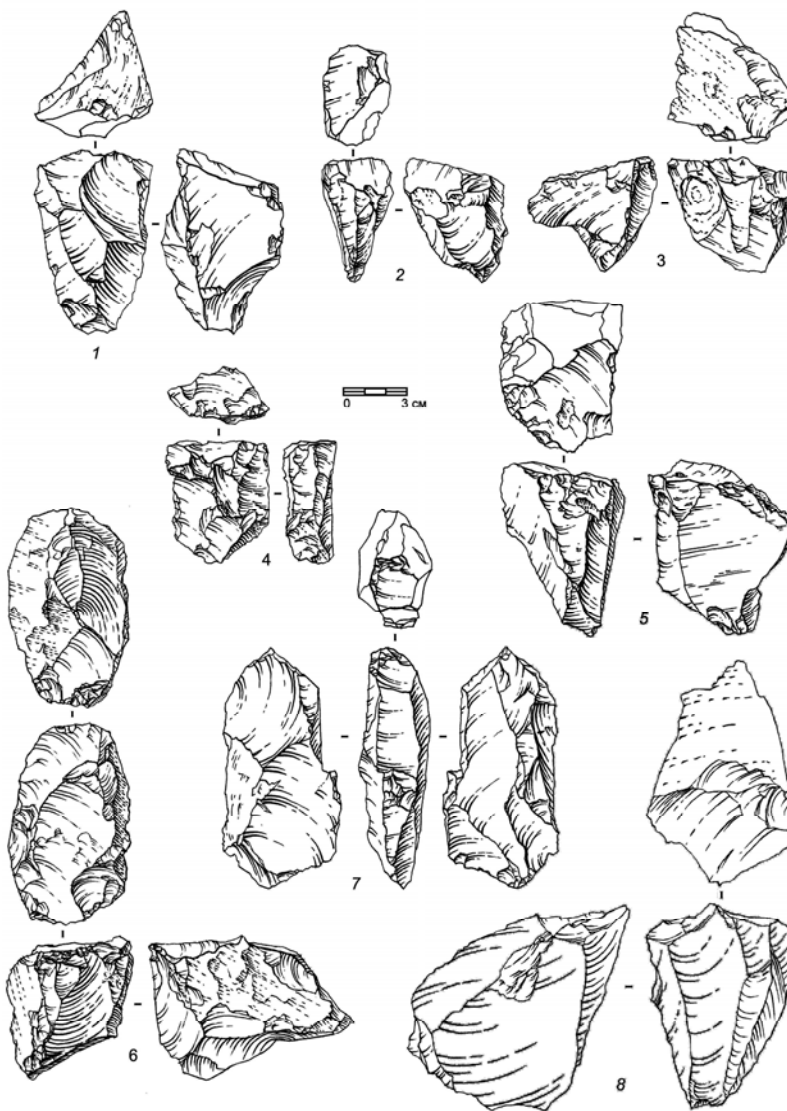

Рис. 1. а – географическое положение, б – стратиграфия стоянки Кызыл-Алма-2

Торцовое расщепление – 11 экз.

Торцовые клиновидные нуклеусы для пластинчатых сколов – 8 экз. Данная категория ядрищ предназначалась преимущественно для получения пластинок и, лишь в некоторых случаях, микропластинок. Заготовками для нуклеусов выступали изначально треугольные в плане и поперечном сечении заготовки (обломки кремня или массивные в поперечном сечении сколы). Скошенные к плоскостям расщепления ударные площадки либо естественные, либо незначительно подработаны несколькими сколами, выполненными со стороны плоскости расщепления. Лишь в одном случае площадка создана единичным массивным сколом. В качестве желаемых сколов-заготовок, судя по негативам последних снятий, выступали мелкие пластины или пластинки с прямым или незначительно изогнутым профилем. Практически все нуклеусы представлены в начальной стадии сработанности. При оформлении нуклеусов, если естественная конфигурация выбранного обломка породы (или массивного скола) не обладала необходимыми древнему мастеру параметрами (узкий, треугольный в плане фронт), применялась латеральная подправка сколами. Клиновидное основание нуклеусов, а также центральное продольное ребро контрфронта (в случае его присутствия) несут следы лишь незначительной подправки (рис. 2, 1, 2, 3, 5, 7, 8). Торцовый двуплощадочный бифронтальный нуклеус – 1 экз. Ядрище переоформлено из истощенного нуклеуса другого типа (рис. 2, 6). Торцовые моноплощадочные нуклеусы для пластин – 2 экз.

Рис. 2. Каменные артефакты стоянки Кызыл-Алма-2. Нуклеусы

Плоскостное расщепление – 17 экз.

Плоскостные ядрища параллельного способа расщепления – 14 экз. Плоскостные моноплощадочные монофронтальные нуклеусы параллельного способа расщепле-

ния – 10 экз. Нуклеусы данного типа, оформлявшиеся на крупных отдельностях кремня, обычно не подвергались тщательной отделке. По ориентации осей скалывания их можно подразделить на две группы: нуклеусы продольной ориентации, расщепление которых шло по длинной оси скалывания, и ядрища поперечной ориентации, утилизация которых шла по короткой оси скалывания. Нуклеусы последней группы предназначались исключительно для получения целевых сколов с параметрами отщепов, в то время как с нуклеусов с продольной ориентацией получали не только отщепы, но и сколы с параметрами пластин. Плоскостные биплощадочные монофронтальные нуклеусы параллельного способа расщепления – 4 экз. Нуклеусы данной категории подвергались более тщательной подготовке и были предназначены для получения как отщепных, так и пластинчатых заготовок. Расщепление шло по длинной оси нуклеуса. На противоположных концах заготовки оформлялись ударные площадки, с которых во встречном направлении велось получение сколов. Отличительной чертой этих нуклеусов является несовпадение осей скалывания заготовок с противоположных ударных площадок (рис. 2, 4). *Плоскостной параллельного принципа расщепления биплощадочный бифронтальный* – 1 экз. Нуклеус с перпендикулярно-смежными ударными площадками предназначен для получения отщепов. *Дисковидные нуклеусы* – 1 экз. Бифронтальный нуклеус овальной формы для получения отщепов (рис. 3, 7). *Ортогональные нуклеусы* – 1 экз. Нуклеус для отщепов с двумя сопряженными площадками, подтреугольный в плане и трапециевидный в поперечном сечении, выполнен на массивном сколе. *Кубовидные биплощадочные бифронтальные нуклеусы* – 1 экз.

Призматическое расщепление – 10 экз. *Кареноидные нуклеусы* – 3 экз. В этой группе выделяются кареноидные нуклеусы на сколах – 2 экз. Первый нуклеус продольного принципа снятий для пластинок выполнен на сколе. Фронт расщепления располагается на правом продольном краю скола-заготовки. С ударной площадки на плоскость продольного края, захватывая дорсальную плоскость заготовки, реализовывались остроконечные пластинки (рис. 3, 3). Второе ядрище, выполненное на массивном в поперечном сечении пластинчатом краевом сколе, было предназначено для получения микропластинок. Снятия велись в поперечном направлении (рис. 3, 1). Кареноидный нуклеус на отдельности кремня – 1 экз. выполнен на истощенном плоскостном моноплощадочном нуклеусе для пластинчатых отщепов (рис. 3, 5).

Подпризматические моноплощадочные нуклеусы – 7 экз. Нуклеусы призматического способа расщепления обычно предназначались для производства удлиненных заготовок – пластин, либо пластинчатых отщепов с одиночных ударных площадок, оформленных единичными захватывающими сколами и впоследствии подновлявшихся мелкими сколами с поверхности расщепления (рис. 3, 2, 4, 6; рис. 5, 6, 11, 12).

Индустрия сколов

Сколы в коллекции представлены отщепами (158 экз., 34,3%), пластинчатыми отщепами (27 экз., 5,9%), пластинами (68 экз., 14,8%), пластинками (26 экз., 5,7%) и техническими сколами (83 экз., 22,9%).

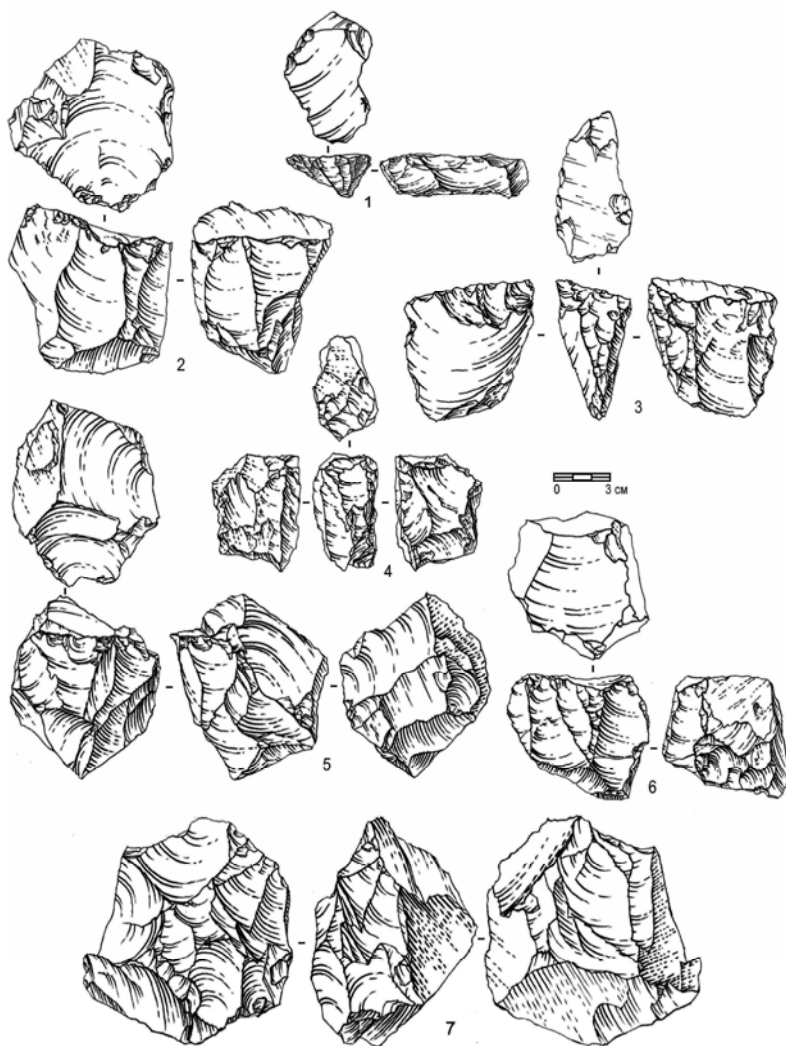
Согласно полученным данным, доминирующими типами площадок являются гладкие, созданные одним сколом (64,5%) и естественные (19,8%). Двухгранные прямые площадки фиксируются только у 6,6% сколов, в целом для индустрии не характерна подработка ударной площадки. Судя по отсутствию сколов с расплыв-

чатый ударным бугорком и вентральным карнизом, для скалывания применялся исключительно твердый отбойник. Характеристика огранок дорсальной поверхности сколов индустрии свидетельствует о преимущественном использовании параллельного способа расщепления, при котором отделение сколов производится в одном направлении. В рамках этого способа наиболее часто реализовывался прием однонаправленного скалывания (54,9% сколов индустрии). Использование приемов встречного и ортогонального скалывания фиксируется в индустрии стоянки гораздо реже (6% и 4,5% соответственно).

Подавляющую часть сколов без желвачной корки отличает наличие на спинке поврежденных кавернами участков (73,1% – 264 экз.). Большинство из этих изделий (66,6% или 175 экз.) имеют пропорции отщепов. Возможно, состав индустрии отражает достаточно специфический сценарий, когда процесс снятия сколов с нуклеуса не был ориентирован на получение потенциальных заготовок орудий, а имел целью освобождения изначального блока сырья от бракованной части. Набор технических сколов индустрии (исключая сколы декорткации) немногочислен. Он включает краевые сколы (9 экз.), сколы подживления рабочей поверхности нуклеусов параллельного принципа расщепления (6 экз.), реберчатые (3 экз.) и полуреберчатые (3 экз.) сколы.

Орудийный набор

Орудийный набор насчитывает 59 экз. Доля орудий в коллекции составляет 12,8% (без учета отходов производства). В результате типологического анализа большая часть орудийной индустрии была охарактеризована как ситуационные или неформальные изделия. Под этим термином понимаются артефакты, которые претерпели минимальные изменения при оформлении или использовании, не имеют специфичных морфологических признаков и не образуют устойчивых серий [Рыбин, Колобова, 2006].

Рис. 3. Каменные артефакты стоянки Кызыл-Алма-2. Нуклеусы

Неформальные орудия – 34 экз. В зависимости от типа заготовки, а в ряде случаев и от других типологических признаков, эти изделия делятся на несколько групп. Отщепы с ретушью – 29 экз. Вторичная обработка этих орудий маловыразительна, представлена исключительно краевой чешуйчатой слабомодифицирующей ретушью с постоянным либо прерывистым характером нанесения. Большая часть фасеток имеет функциональное происхождение (рис. 4, 1). Те же характеристики имеют фасетки на пластинах с ретушью – 2 экз. Пластинка с ретушью – 1 экз. представлена медиальным фрагментом массивной в поперечном сечении пластинки, левый продольный край которой обработан вентральной постоянной чешуйчатой слабомодифицирующей полукрутой ретушью (рис. 4, 8). Выемчатые орудия – 2 экз. Оба изделия по своим морфологическим признакам относятся к разряду неформальных орудий, поскольку кроме анкошей не несут на своих поверхностях иных свидетельств обработки или утилизации.

Формальные орудия (25 экз.) также подразделяются на несколько категорий. Долотовидные изделия – 4 экз. Данная категория представлена долотовидными изделиями и стамеской. Долотовидные орудия (3 экз.) изготавливались на массивных в поперечном сечении заготовках, в проксимальных частях которых образовывалось рабочее лезвие, в большинстве случаев в результате сработанности. Лезвия несут негативы уплощающих сколов и бифасиальной утилизационной ретуши. Стамеска – 1 экз. Скребла – 2 экз. Первое орудие – продольно-поперечное двойное скребло с зубчатым краем, выполнено на крупном удлиненном отщепе трапецевидной формы. Второе изделие – продольно-поперечное двойное прямо-выпуклое скреб-

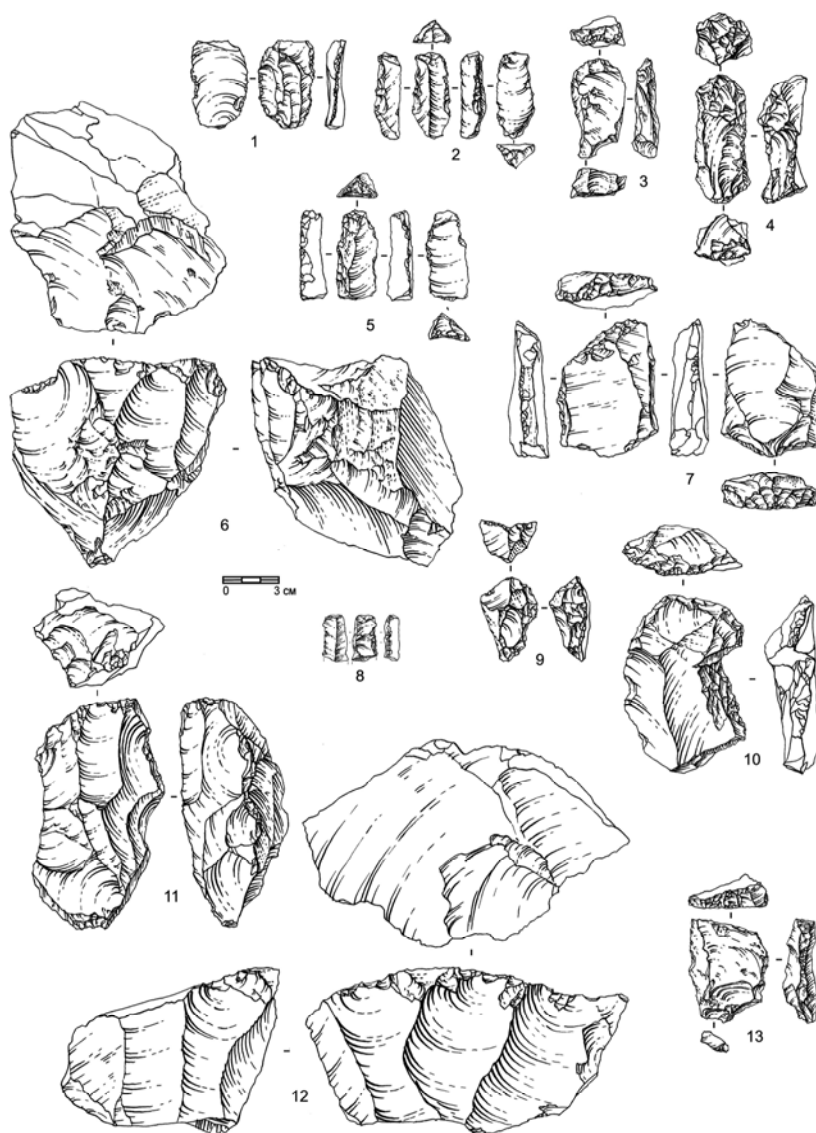

Рис. 4. Каменные артефакты стоянки Кызыл-Алма-2. Орудия и нуклеусы

ло (рис 4, 10). Скребки – 15 экз. Угловой скребок на тронкировании – 1 экз. (рис. 4, 13). Боковые скребки – 2 экз. Концевые скребки – 9 экз. Самая многочисленная категория скребков. Обычно орудия изготовлялись на массивных в поперечном сечении заготовках, преимущественно, краевых сколах в дистальной или проксимальной частях которых (либо на плоскости поперечного слома) оформлялся рабочий элемент. В случае обработки проксимального края, ретушью редуцировалась остаточная ударная площадка. Ретушь, оформлявшая рабочие элементы, всегда дорсальная постоянная сильномодифицирующая либо среднемодифицирующая, чешуйчатая с крутым либо отвесным углом нанесения (рис. 4, 4). Среди изделий с подобной морфологией выделяются концевые скребки, изготовленные на заранее усеченных при помощи сколов тронкирования заготовках – 3 экз. (рис. 4, 3). Одно изделие можно охарактеризовать как комбинированное орудие – концевой скребко-нож на тронкированном сколе (рис. 4, 5). Двойные концевые альтернативные скребки – 2 экз. В эту категорию включены орудия, на противоположных концах которых оформлялись скребковые рабочие лезвия постоянной крутой сильномодифицирующей чешуйчатой либо субпараллельной ретушью. При этом плоскости, с которых производилось ретуширование, альтернативны друг другу. (рис. 4, 2, 7). Скребок высокой формы – 1 экз. Рабочий край изделия оформлен в проксимальной зоне заготовки на месте редуцирования ударной площадки эпизодической сильномодифицирующей крутой постоянной субпараллельной ламинарной ретушью (рис. 4, 9). Тронкированная пластина – 1 экз. Проколка – 1 экз. Угловая проколка на фрагменте пластины. Шиповидное орудие – 1 экз. Нож с обушком-гранью – 1 экз.

Обсуждение результатов

Стоянка Кызыл-Алма находится на территории, которая в разные периоды плейстоцена обживалась древними гоминидами достаточно активно. Как было уже отмечено ранее, в 1200 м от памятника находится известная с 60-х гг. XX в. стоянка Кульбулак, стратиграфическая колонка которой содержит, по мнению М.Р. Касымова культуросодержащие слои, отражающие эволюцию первобытной материальной культуры от нижнего до верхнего палеолита [Касымов, 1990]. Сам памятник Кызыл-Алма-2, приуроченный к тому же скальному массиву известняка, представляет собой толщу, сформированную делювиальными и селевыми (в основании) отложениями, в которой представлены материалы, вероятно, однослойной стоянки, располагавшейся на небольшом расстоянии выше по склону, смещенные в результате склоновых процессов. На первоначальном месте нахождения, до погребения в отложениях, артефакты некоторое время находились в экспонированном состоянии, о чем свидетельствует патинизация поверхности каменных изделий. Нахождение артефактов в перемещенном состоянии на исследуемой стоянке является «нормой» для региона Средней Азии, где и в настоящее время активно проходят селевые и склоновые процессы [Радиловский, и др., 2004; Ранов, Несмеянов, 1973]. Все перечисленные стоянки, в том числе и Кызыл-Алма-2, приурочены к предгорной зоне, где селевая активность наиболее высока. Таким образом, точка зрения В. А. Ранова [Ранов, 1988] о значительной роли селевых процессов, уничтоживших инситу накопления верхнепалеолитического возраста, получает дополнительное подтверждение.

В целом, в коллекции Кызыл-Алмы-2 представлен культурно и технологически однородный материал, демонстрирующий все этапы апробирования сырья, декоративности заготовок нуклеусов, расщепление плоскостных, торцовых и призматиче-

ских нуклеусов и, возможно в меньшей степени, оформление и утилизацию орудий. С нуклеусов получали как отщепные, так и пластинчатые заготовки, включая пластинки.

Общий состав ассамбляжа свидетельствует, что в большой мере на стоянке практиковались операции по оформлению пренуклеусов, которые впоследствии транспортировались в места постоянного обитания древнего человека. В пользу этого говорит общий набор артефактов, в котором более 90 % изделий относятся к отходам производства, а именно к осколкам, обломкам, чешуйкам и мелким отщепам. Кроме того, 23% всех сколов отнесены к техническим, либо несут на дорсальных поверхностях кортикальную корку. Целенаправленные сколы могли также транспортироваться со стоянки. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что дорсальные поверхности 95% сколов ассамбляжа Кызыл-Алмы 2 в той или иной степени затронуты разрушающими химическими и механическими процессами. То есть все эти сколы можно отнести к браку, а количество небракованных заготовок очень невелико.

Общее количество орудий в индустрии невелико. Из всех орудийных основ 57,6% составляют неформальные или ситуационные изделия. В формальной группе орудий преобладают различные модификации скребков, а также долотовидные изделия и скребла. Выделяются скребки «экзотических» типов, таких как двойные концевые альтернативные скребки или скребки на тронкированных сколах. Соотношение количества орудий по отношению к количеству сколов показывает, что каждая шестая основа была утилизирована в качестве неформального орудия, либо переоформлена в формальное. Учитывая небольшое количество формальных орудий, значительную роль неформальных ситуационных изделий, широкое использование в качестве заготовок кортикальных или технических сколов, изготовление орудий на основах «с браком», можно заключить, что орудийная деятельность не являлась основной сферой производства на стоянке и была скорее вспомогательной. В то же время можно предположить, что некоторые изделия могли транспортироваться со стоянки не в качестве заготовок для орудий, а в качестве орудий.

Локализация стоянки на выходах сырья, стратегия поведения древнего населения, при которой территория стоянки использовалась для подготовки преформ с целью их последующей транспортировки, получения определенного количества заготовок и их транспортировки в качестве сколов-заготовок, либо орудий, отбраковка большого количества кремневого материала указывает на использование местонахождения Кызыл-Алма-2 в качестве мастерской на выходах сырья. Можно обоснованно утверждать, что на памятнике происходил первичный отбор сырьевых блоков, апробация сырья, получение пренуклеусов и заготовок орудий, которые впоследствии утилизировались на основных местах обитания древнего человека.

По технико-типологическим параметрам и за неимением результатов абсолютных датировок индустрию памятника можно определить как памятник начального этапа верхнего палеолита. В пользу ранневерхнепалеолитического возраста памятника говорят доминирующие стратегии первичного расщепления, когда при широком использовании плоскостных нуклеусов, получила широкое распространение утилизация призматических и торцовых нуклеусов, направленных на получение пластинчатых и мелкопластинчатых заготовок. Доминирование в орудийном наборе скребковых и долотовидных форм также свидетельствует в пользу верхнепалеолитического облика стоянки. С другой стороны, типология остаточных ударных

площадок сколов, доминирование в качестве основного типа скола отщепа, малочисленность кареноидных форм и многочисленность торцовых нуклеусов говорит о том, что вероятнее всего индустрия формировалась на начальном этапе позднего каменного века. Тем не менее, авторы не отвергают возможность, что в силу функциональной особенности памятника, его возраст может быть интерпретирован ими несколько старше, чем он есть на самом деле.

Поскольку функциональный тип стоянки определяется как мастерская, произведенные на которой заготовки для нуклеусов, а также заготовки для орудий переносились на стоянку-поселение (либо стоянки), то возникает вопрос, где могло располагаться основное поселение древних людей, использующих кремневые ресурсы Кызыл-Алмы-2. Наиболее вероятным местом является стоянка Кульбулак, располагающаяся в непосредственной близости от памятника (1200 м на север-северо-запад). Данная стоянка располагается в более комфортных экологических условиях, будучи приуроченной к восходящим источникам воды. Вероятно, в определенный период обживания стоянки Кульбулак, Кызыл-Алма-2 являлась сырьевым источником этой стоянки-поселения. Для подтверждения высказанной идеи можно провести основные технико-типологические аналогии между индустриями верхнепалеолитического слоя 2 Кульбулака и индустрией Кызыл-Алмы-2. Прежде всего, параллели отмечаются в приемах первичного расщепления. В индустриях обоих памятников применялись идентичные приемы первичного расщепления, а именно, расщеплению подвергались плоскостные однонаправленные и бинаправленные нуклеусы параллельного принципа снятий, торцовые нуклеусы для пластинчатых снятий, в том числе и клиновидных разновидностей, а также ядрища призматической системы раскалывания (как одно-, так и двухплощадочные). Отмечается редкость таких категорий плоскостных нуклеусов как дисковидные и ортогональные. Если рассматривать приемы раскалывания в конкретных группах, то также проявляется идентичность технических приемов. Особенно ярко это демонстрируют немногочисленные кареноидные нуклеусы, среди которых выделены ядрища на сколах продольной и поперечной ориентации, а также кареноидные ядрища на отдельностях кремня. Приемы оформления кареноидных нуклеусов из коллекции Кызыл-Алмы-2 полностью совпадают с приемами оформления различных типов кареноидных нуклеусов из индустрии Кульбулака [Колобова и др., 2009]. Также практически все технические приемы, описанные для расщепления торцовых и клиновидных ядрищ Кызыл-Алмы-2 отмечены и в коллекции Кульбулака. Различия можно проследить только в интенсивности утилизации нуклеусов: на Кызыл-Алме они обычно представлены в начальной стадии сработанности; на Кульбулаке их утилизация проводилась более активно. Эти различия представляются нам напрямую связанными с функциональной принадлежностью памятников. Несомненна технологическая связь между торцовыми клиновидными и кареноидными нуклеусами в обеих индустриях. Заготовками для ядрищ служили треугольные сколы (преимущественно) или отдельности кремня. Ударные площадки, оформлявшиеся сколами с фронтов, располагались под острым углом к фронту. Треугольную форму фронтов расщепления поддерживали латеральные сколы различных модификаций. Их типологическое различие заключается в том, что получение заготовок с торцовых нуклеусов шло на плоскости, а получение заготовок с кареноидных ядрищ выходило на дугу в плане. В результате, с торцовых ядрищ обычно получали пластинчатые заготовки с относительно прямым профилем, в то время как с кареноидных нуклеусов – с изо-

гнутом. К торцовым клиновидным нуклеусам близки торцовые клиновидные нуклеусы на сколах из коллекции стоянки Кульбулак [Деревянко и др., 2009]. Среди технических сколов на обеих площадках выделяются реберчатые и полуреберчатые сколы, инициирующие расщепление на ядрище, а также сколы-«таблетки» (сколы переоформления ударной площадки). Подобный скол был обнаружен в отложениях Кызыл-Алмы-2 при проведении диагностирующей зачистки [Деревянко и др., 2007a]. При корреляции орудийных наборов также обнаруживаются общие черты: превалирование различных типов скребков в орудийном наборе, многочисленность концевых и боковых форм, присутствие вентральных скребков в коллекции Кульбулака и двойных альтернативных в индустрии Кызыл-Алмы-2, значительное присутствие долотовидных форм в обоих ассамбляжах. Кардинальное различие состоит в том, что в орудийном наборе Кызыл-Алмы-2 отсутствует мелко- либо микропластинчатый элемент. Однако, в силу ориентированности индустрии Кызыл-Алмы-2 на экспорт подготовленного сырья, орудия из пластинок могли не изготавливаться на данном памятнике. В целом, функциональная принадлежность стоянок накладывает свой отпечаток, в результате чего индустрия Кызыл-Алмы-2 выглядит более древней, однако прослеженные связи однозначно говорят о технологической родственности рассматриваемых комплексов.

В результате проведенных корреляций можно заключить, что стоянки Кызыл-Алма-2 и Кульбулак могли синхронно функционировать, отличаясь функционально. Бесспорно, что Кызыл-Алма-2 не была единственным источником сырьевых ресурсов для обитателей Кульбулака, поскольку тот же кремний по осадочным породам мог транспортироваться с других близлежащих стоянок, а источником для эффузивных пород служило устья реки Кызыл-Алма и Джарсаля.

Использованная литература:

- Абрамова З.А.* Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984.
- Деревянко А.П., Колобова К.А., Исламов У.И., Фляс Д., Павленок К.К.* Новый верхнепалеолитический памятник в долине реки Ахангарон (Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007. Новосибирск, 2007a. Т.13. Ч. 1.
- Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Ков Н., Коуп Д., Звинц Н., Павленок К.К., Мамиров Т.Б., Крахмаль К.А., Мухтаров Г.А.* Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007. Новосибирск, 2007b. Т. 13. Ч. 1.
- Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Кривошапкин А.И., Исламов У.И., Павленок К.К.* Исследование стоянки Кульбулак в 2009 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009. Новосибирск, 2009. Том. 15.
- Додонов А.Е.* Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. М., 2002.
- Касымов М.Р.* Культуры и варианты палеолита Узбекистана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1972.
- Касымов М.Р.* Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Кривошапкин А.А., Павленок К.К.* Первичное расщепление в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы международного симпозиума. Новосибирск, 2009.

- Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Харевич В.М.** Индустрия стоянки Додекатым-2 (Узбекистан): новые данные по верхнему палеолиту региона // Новосибирск: Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 5. Археология и этнография.
- Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфулаев Б., Хушваков Н.О.** Новые исследования палеолита в Ахангаране (Узбекистан) // Институт истории материальной культуры. СПб., 1995. (Археологические изыскания. Вып. 28).
- Радилюловский В.В., Филимонова Т.Г., Лим С.** Открытие палеолитической стоянки в южных предгорьях Гиссарского хребта // АРТ. 2004. Вып. 29.
- Ранов В.А.** Каменный век Южного Таджикистана и Памира // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1988.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А.** Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А.** Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005.
- Сулейманов Р.Х.** Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972.
- Davis R.S., Ranov V.A.** Recent work on the paleolithic of Central Asia // *Evol Anthropol.* Vol.8. 1999. (на англ. яз.).

ДРЕВНИЙ ТРАНСПОРТНЫЙ УЗЕЛ САМАРКАНДСКОГО СОГДА НА БУХАРСКОЙ ДОРОГЕ

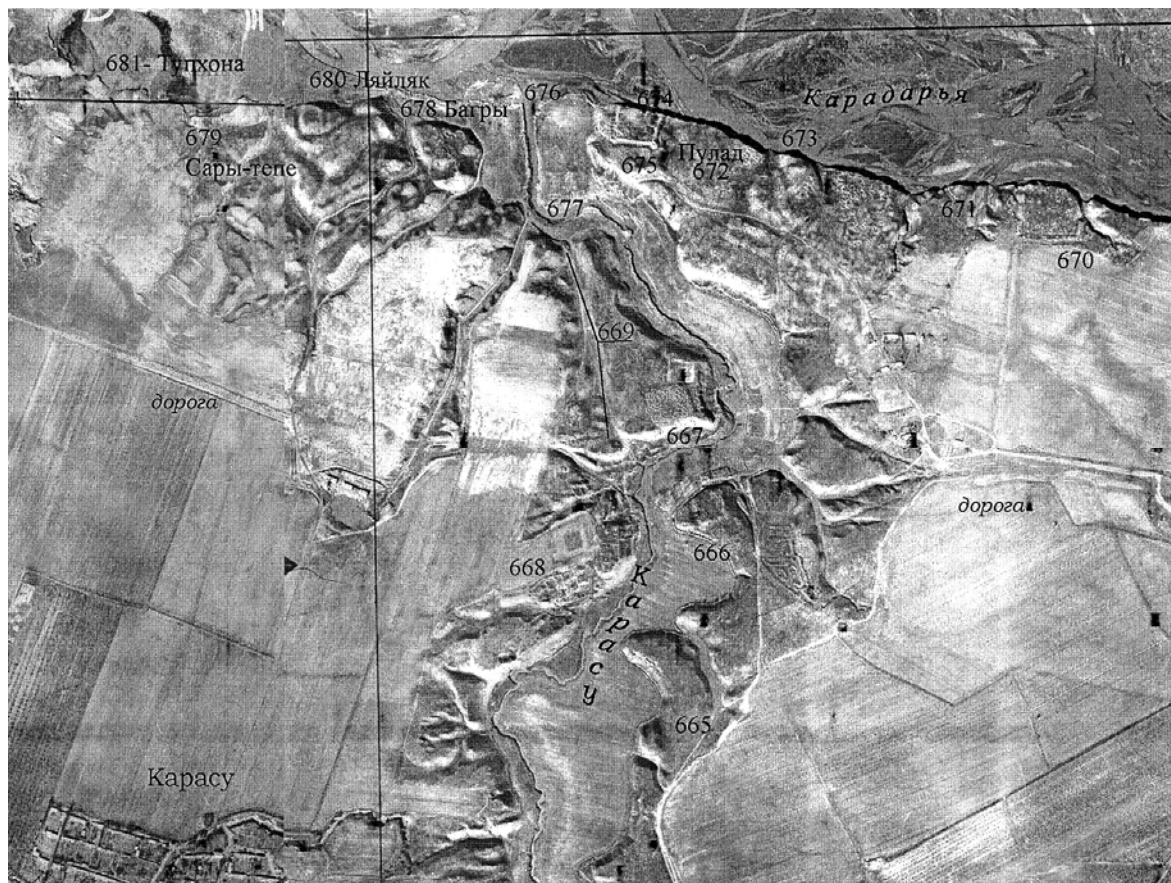
© 2011. О.Н. Иневаткина

Государственный музей истории народов Востока, Москва

В процессе дешифрирования аэрофотоснимков Пастдаргомского района Самаркандской области выявляются не только единичные памятники, исчезнувшие в силу антропогенного освоения долины в 70-80 гг. XX в., но и целые группы памятников, играющие в системе заселения западных пределов Самаркандского Согда определенную функциональную роль. Важным моментом этой работы является мониторинг выявленных по аэрофото объектов на местности, позволяющий уточнить датировку памятника и его особенности. Понимание и поддержку в реализации этой части исследования в 2009-2010 гг. оказали директор Института археологии АН РУз А.Э. Бердимуратов, руководители Узбекско-Французской экспедиции Ф. Грене, М.Х. Исамиддинов, а также С. Монтелини – соруководитель Узбекско-Итальянской экспедиции, которым, пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность.

В данном случае речь идет о мониторинге памятников вдоль береговой линии Карадарьи - левого рукава Зарафшана и памятников Ляйлякского оазиса, расположенного, в 37 км к северо-западу от Самарканда в нижнем течении речки Карасу (39°49'35.04"С, 66°35'33.08"). Здесь, на стрелке Карадарьи и сая Карасу наблюдается скопление 16-ти разновременных памятников, датируемых от середины 1-го тыс. до н.э. до XIX в. (рис. 1, рис. 2). Ляйлякский оазис примечателен своим расположением - это самый северо-западный оазис в зоне орошения канала Даргом на границе со степной полосой, отделявшей Пастдаргом от района Каттакургана. Современный арык Карасу питается из Анхора с забором воды в районе села Утарчи. В XIX в. эти земли входили в Анхорский туман Самаркандского вилоята.

Ляйлякский оазис был обследован И.Д. Иваницким в 1991 г. в рамках наблюдений над планированием местности под новые сельскохозяйственные угодья (Иваницкий, 2005. С. 48-66). И.Д. Иваницкий обследовал шесть памятников четко выделяющиеся в современном, рельефе: Ляйлякуйтепа (680), Багрытепа (678), Пулад (672), Тупхона (681), замок (674) и поздняя хоули (675). Археологический материал, полученный из расчисток траншей на городище Ляйлякуйтепа (Ляйляктепа) позволил И.Д. Иваницкому датировать первое поселение не позднее последней четверти IV в. до н.э. и наметить историю сложения оазиса. Первой, по его мнению, структурообразующей единицей над поймой Карадарьи возводится крепость в виде квадратного сооружения около 30х30 м, возле которой обосновалось небольшое селение (южная площадка Ляйлякуйтепе и Багрытепе) (Иваницкий, 2005. С. 66). Однако, изучение ландшафта по аэрофотоснимкам и новые данные о керамических комплексах сер. I тыс. до н.э. (рис. 3) позволяют сейчас считать первым не эту кре-

*Рис. 1. Памятники Ляйлякского оазиса в низовьях реки Карасу.
Монтаж аэрофотоснимков 1973 г.*

пость, а сельское поселение, разросшееся на этом месте до 3 га. Крепость же или "дозорная башня", ориентированная иначе, чем границы села, возникла на краю поймы, по нашему мнению, позже. Согласно И.Д. Иваницкому дальнейшая последовательность обживания этого берега происходит в следующем порядке: одновременно с крепостью, "или немного позднее, за речкой Карасу возникает обширное неукрепленное селение Пулад. К рубежу нашей эры жизнь здесь замирает, быть может, не затухая совсем. В V в. (не исключена возможность, что уже и в IV в.) по краю надпойменного обрыва возводятся владельческие замки Сарытепе, Тупхона и замок на территории городища Пулад. Жизнь в их окрестностях продолжается и в VII-VIII вв., когда замки забрасываются и начинают использоваться для оссуарных захоронений. Отдельные участки городищ обживались время от времени вплоть до XIX века (Иваницкий, 2005. С. 66). В настоящее время вдоль поймы сохранилась прорезанная древними оврагами полоса всхолмлений, на которой расположены вышеуказанные памятники (снимок Google 2004 г.). Вплотную к ним примыкает спланированная под хлопковые поля территория, с засыпанными "хвостами" старых оврагов и дорог. Потоки сбросовых вод с полей, направленных в сторону Карадарьи, особенно на правом берегу Карасу, образуют новые овраги, разрушающие прибрежную полосу со следами культурного слоя. В 1 км от Карадарьи находится современное большое селение Каракишлак (Карасу), вытянутый в широтном направлении. К ю-з от Пулада разрастается селение Янгикишлак. В 6 км южнее кишлака

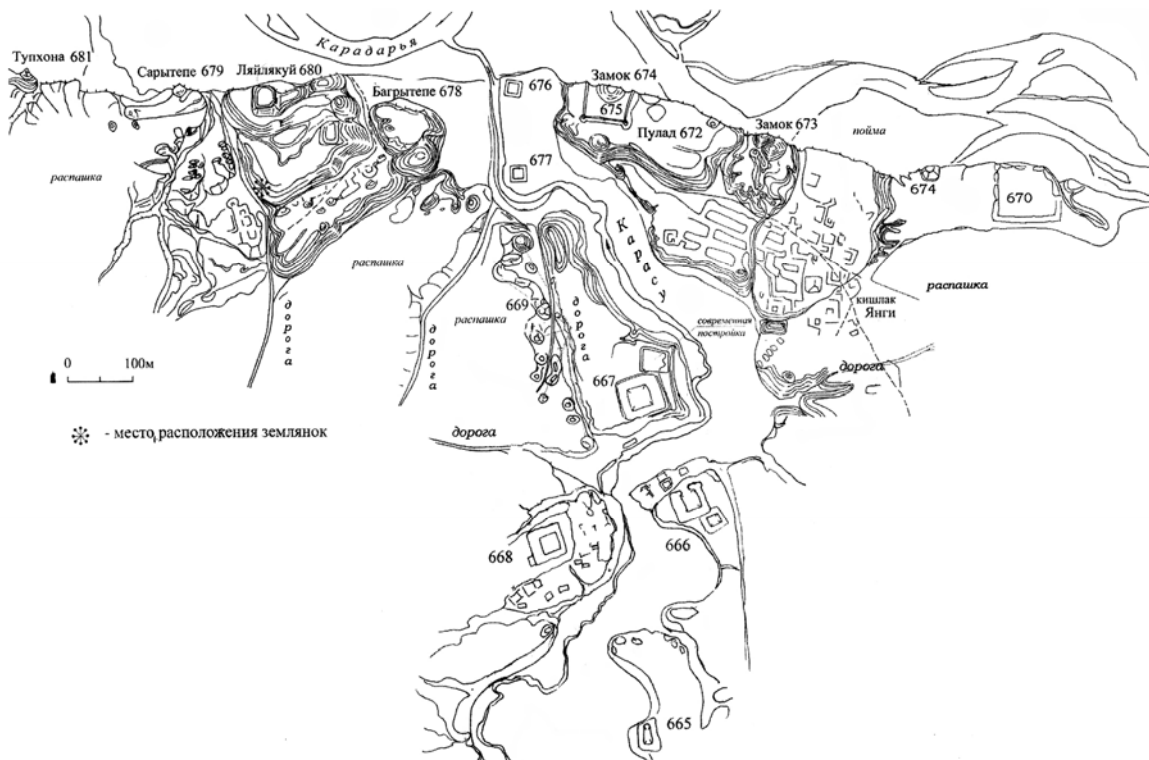

Рис. 2. Карта схема памятников Ляйлякского оазиса в низовьях речки Карасу. Прорисовка по аэрофотосъемке 1973 г.

Карасу проходят основные современные транспортные магистрали из Самарканда в Бухару через Каттакурган: шоссе и железнодорожная линия.

Дешифровка аэрофотоснимков плановой государственной съемки 1973 г. выявила гораздо больше памятников входивших в Ляйлякский оазис, чем обследованные в 1991 г. И.Д. Иваницким. Так восточнее Пулада на кромке обрыва расположены еще два раннесредневековых замка 673, 671, а в самом конце этой нераспаханной полосы - крепость нового времени 670. Южнее устья на километр по берегам Карасу расположены памятники 676, 677, 668, 667, 666, 665, 669, представляющие интерес для нашего исследования (рис. 1, рис. 4). Все они квадратные или продолговатые в плане (665), размеры их варьируют от 25 м до 60 м. Сохранившиеся памятники 668 и 667, 666, 665 в современном рельефе представляют собой невысокие холмы с широкой полосой застройки по периметру и плавным понижением к центру внутреннего двора. Три подобных памятника 676, 677, 668 распаханы и восстанавливаются на аэрофотоснимке белесым контуром квадрата обводных стен с широкой полосой прилегающей застройки и темным пятном внутреннего двора (рис. 4, а, б). Этот тип памятников определяется нами как караван сарай.

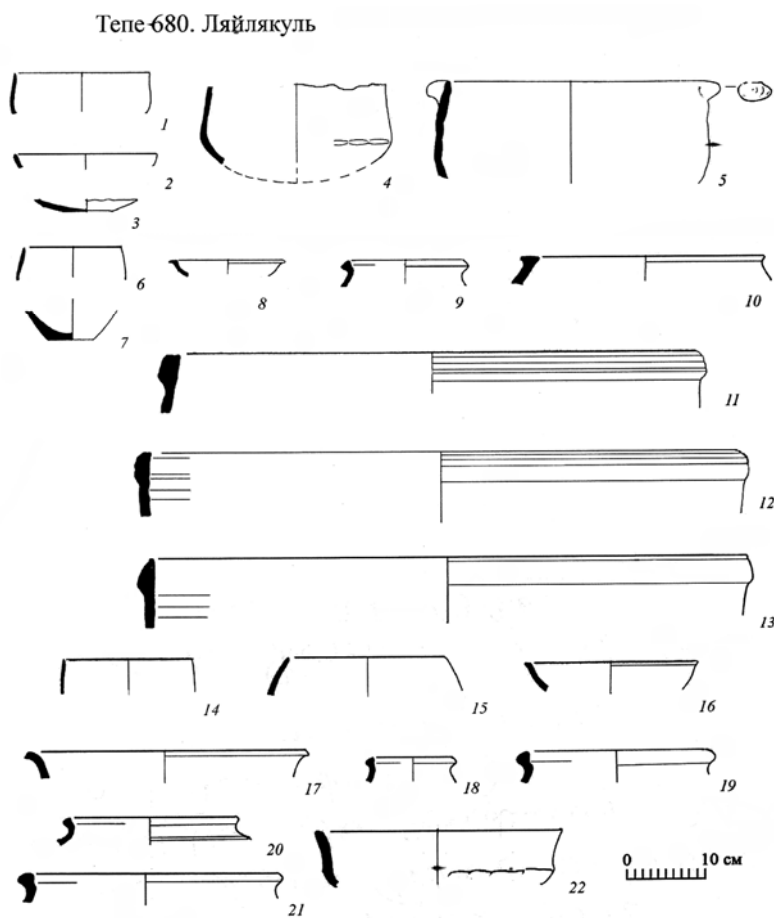
Два небольших караван-сарая 676 и 677 находились вблизи Карадарьи в широкой пойме Карасу (рис. 1, рис. 4, а). Остальные караван сараи были сооружены на его высоких берегах. Самый дальний - 665 в 1000 м от устья Карасу занимал оконечность серповидного мыса. Центральную группу составляют три больших караван-сарая 667, 666, 668, расположенных на обоих берегах излучины один против другого в 500 м от 665 (рис. 4, б). Их размеры от 50 до 60 м в стороне. Караван сарай 667 отличается значительно более широкой (более 20 м), чем у остальных полосой за-

стройки. Особенность караван сарая 666 на правом берегу сая составили две большие пристройки, повторяющие структуру основного сооружения. Третий большой караван-сарай 668, западнее 666, разрушен распашкой. На снимке хорошо видно, что ширина застройки неодинакова и могла составлять от 10 (северный фас) до 15 м (западный фас). К южному углу западного фаса примыкает небольшая постройка.

Особую группу вдоль Карасу составляет ряд всхолмлений (669), расположенных цепочкой протяженностью в 400 м на юг вдоль дороги от селения Багры до ближайшего караван сарая 667. Это небольшие холмы, приблизительно 10 холмов размерами около 12x12 м, 20x11 м и около 24x16 м. Небольшие размеры позволяют отнести эти памятники к типу сельских домов, не случайно здесь оказавшихся.

Основанием для интерпретации памятников

вдоль русла Карасу - как караван-сарай послужило два обстоятельства. Во-первых, это их визуальное сходство с исследованной группой подобных памятников IX-XII вв. в полупустынной зоне в пригороде городища Пайкенд - главного торгового центра Бухарского Согда. Впервые, группу караван-сараев, расположенных вдоль дороги на восточной окраине Пайкенда, выявил в 1939 г. В.А. Шишкин, составивший тогда же глазомерный план городища с окрестностями (Семенов, Мирзаахмедов, 2005. Рис. 1; Мухамеджанов, и др., 1988. С. 114. Рис. 1). Все они (около двадцати) правильных геометрических очертаний (размерами 75x75 м, 60x56 м и меньше), среди песчаных заносов представляют собой квадратные или продолговатые впадины, края которых в виде широких валов пристенной застройки несколько возвышаются в микрорельефе. На аэрофотоснимку они читаются по, высветленным широ-

Рис. 3. Керамика из памятников Ляйлякского оазиса собранная И.Д. Иваницким (Иваницкий, 2005). 1-5 - с пола землянки; 6-13 - из шурфа в дозорной башне (676); 14-22 - подъемная; 1-13, 15-22 - без ангоба; 1, 15 - горизонтально-полосчатое (желобчатое) лощение по черепку; 4 - формовка днища в чаше, по стыку днища с туловом - горизонтальная полоса срезов; 5 - кухонный котел; 8,16 - лощение сплошное по черепку; 10,17 - сосуды типа кратера; 14 - красный ангоб, лощение сплошное

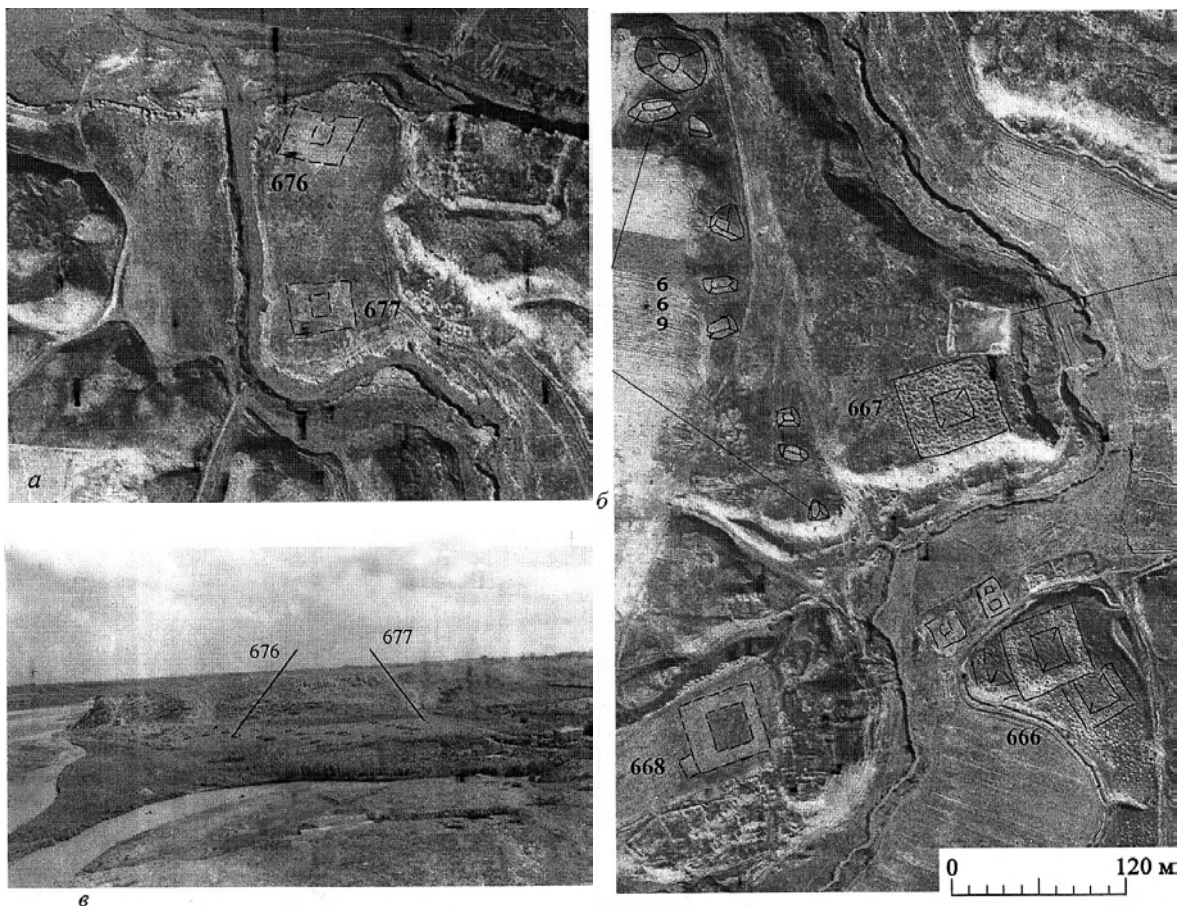

Рис. 4. Ляйлякский оазис. Караван-сарай вдоль русла Карасу: а – 676, 677; б – 666, 667, 668 и сельские дома 669. Аэрофото 1973 г.; в – пашня на правом берегу Карасу на месте караван-сараяв 676 и 677, фото 2009 г., вид на восток с Багры тепе

ким полосам с нечеткими границами (рис. 5 а, б). На многих просматриваются ворота и предвратные сооружения. Некоторые караван-сарай имеют пристройки с внешнего фаса для загона вьючных животных. Как отмечают исследователи, подобный облик имеют древние постоянные дворы - рабаты и караван сарай (Мухамеджанов и др., 1988. С. 113). Полностью раскопанный и исследованный самый крупный пайкендский караван-сарай 1 дает ценную информацию о планировке средневековых сооружений такого типа (рис. 5 г). Это квадратное в плане сооружение, ориентированное по странам света с элементами фортификации по углам и с двумя проходами по центральной оси. Размеры его в стороне 77 м. Внутренняя застройка по периметру обводных стен не одинакова. Более монументальная и парадная располагалась вдоль северо-восточного фаса, и ширина ее здесь составляла 14 м. Парадный комплекс включал в себя жилые отсеки, общественные залы и подсобные помещения: кухню и санитарно-гигиеническую комнату (Мухамеджанов и др., 1988. С. 138). Вдоль остальных стен располагались типовые помещения шириной 6,5 м, организованные в чередующиеся одно и трехкомнатные секции. Всего же караван-сарай вмещал 62 помещения, предназначенные как для проживания, складирования, так и для загона скота (Мухамеджанов и др. 2005. С. 117. 119. Рис. 2). В рельефе не раскопанного двора симметрично от центральной оси прослеживались суфы

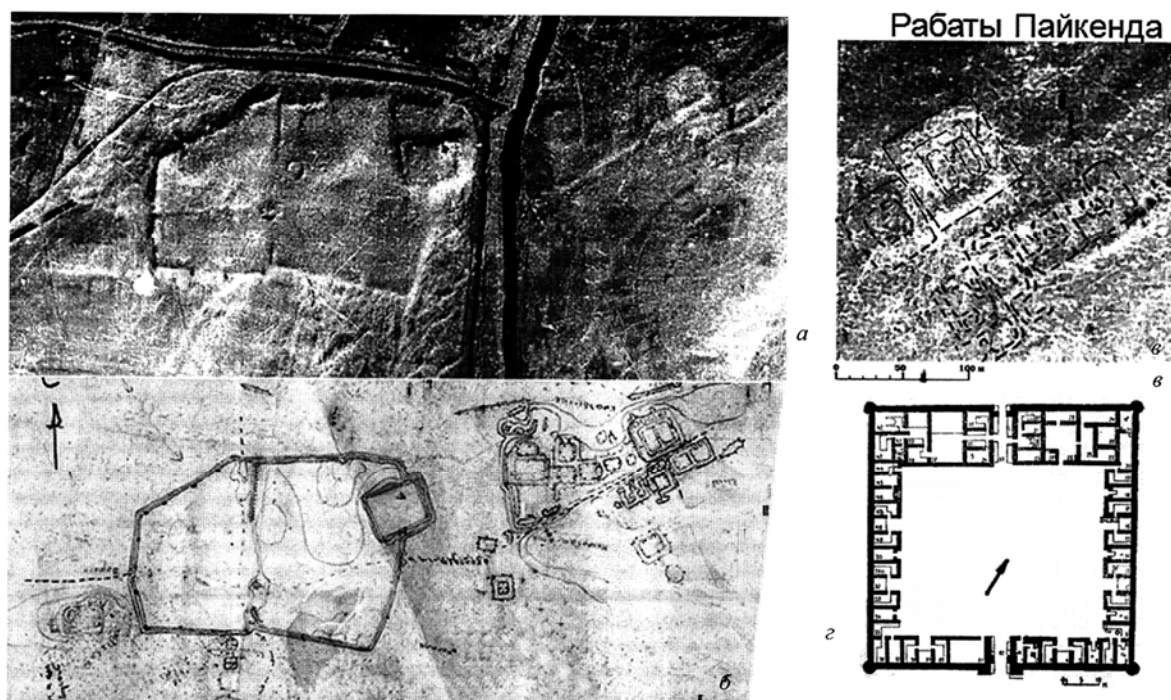

Рис. 5. Рабаты Пайкенда. а – аэрофотосъемка Пайкенда и группы рабатов (караван-сараяв) в восточном пригороде; б – глазомерная съемка Пайкенда и рабатов В.А. Шишкина 1939 г.; в – рабаты Пайкенда (аэрофото и прорисовка); з – план рабата IX-X вв. (Мухамеджанов и др., 1988. С. 117. Рис. 2)

(рис. 4, а), предназначенные, по предположению авторов, для разгрузки вьючных животных (Мухамеджанов и др., 1988. С. 114, 116-117). Исследователи Пайкенда первоначальное назначение этих сооружений определяют как военные лагеря - рабаты газиев (с арабского - укрепленный лагерь, постоянный двор), построенных в VIII в. с прекращением набегов кочевников, с середины IX в. и до XII вв. рабаты уже служили для постоя купцов, приходивших в Пайкенд с торговыми караванами (Мухамеджанов и др., 1988. С. 113-116, 147). Этот тип многофункционального архитектурного сооружения, появившийся в Средней Азии с приходом арабов, сохранился практически без изменения до начала XX века (Мухамеджанов и др., 1988. С. 148). Обычно, как это показывают караван сараи XIX в. Бухары и Хивы, они имели два этажа. Помещения первого этажа зачастую носили складской характер (Булатова, Ноткин, 1965. С. 73), либо их дополняли подвалы под суфообразными возвышениями первого этажа (Сухарева, 1966. С. 56).

Аналогичность изображения и соразмерность ляйлякских "квадратов" на аэрофотоснимках и пайкендских караван сараев (сравни рис. 4 и рис. 5) позволяет интерпретировать первые так же типовыми караван-сараями. Датировка ляйлякских караван-сараев в виду невозможности археологического исследования остается неизвестной. Вполне возможно, как типовые сооружения, они могут относиться и к IX-XII вв., так и к новому времени, как, например, хоули 675 (рис. 1, 2).

С чем же связано появление группы караван сараев в таком отдаленном от городов и, казалось бы, дорог, месте? Картографический материал конца XIX - начала XX вв. показывает, что Ляйлякский оазис тогда находился на старом пути из Буха-

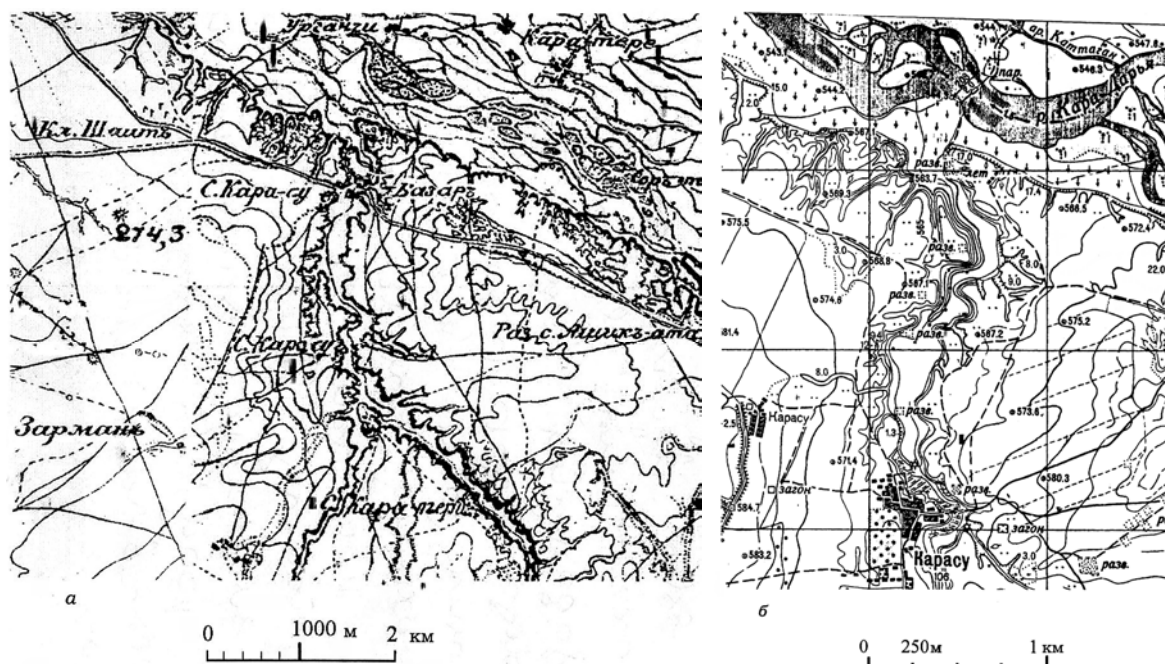

Рис. 6. Левый берег Карадарьи и Ляйлякский оазис. А – по карте 1897-1903 гг., издание 1929-1931 гг.; б – по карте 1950-х г.

ры в Самарканд, который проходил от Каттакургана вдоль прибрежной полосы Карадарьи через кишлак Карасу. На карте 1897-1903 г. (издание 1929-1931 гг.) этот путь и указан как транспортная широкая дорога, проходящая южнее памятников Ляйлякского оазиса в 600-650 м от берега Карадарьи, а. от сая Хаузак до русла Даргома и кишлака Даул дорога следует почти по краю поймы. На левом берегу Карасу, на пересечении дороги и русла, на карте (рис. 6 а) обозначен населенный пункт Карасу (Карасу-северное), а на противоположном берегу сая - поставлена надпись "Базар". Южнее Карасу в 1,8 км отмечено небольшое селение с таким же названием. На другой карте 1907 г. (масштаба 1:4 - версты) селение Карасу-северное условными обозначениями показана как почтовая станция. На отрезке дороги из Каттакургана в Самарканд (рис. 7) Н.В. Ханьков, прошедший в 1841 г. этот путь из Бухары, называет следующие пункты: первым после Каттакургана - Базари Чимбай на самом берегу Зарафшана, 2 - Карасу, 3 - небольшое укрепление Зароут (?), 4 - Кумаран (совр. Кумарык), 5 - Даут (совр. Даул), 6 - развалины строения Абдулла-хана (?) вправо от дороги, 7 - Шуртут (совр. Чор-тут) (Ханьков, 1843. С. 99). Судя по картам, станция Карасу проселочными дорогами вдоль Бакрак-сая, была связана с южными селениями предгорий и Джамским коридором. Кроме того, в районе Ляйляктепа на картах обозначена переправа через Карадарью на Мианкаль. Место переправы зависело, очевидно, от разливов реки и от состояния лессовых берегов: так на карте 1929-31 гг. издания переправа указана у оврага западнее Тупхоны (рис. 6 а), в 1954 г. паромная переправа устраивалась от устья Карасу (рис. 6, б). В настоящее время жители новых окрестных селений для своих нужд сооружают легкую канатную переправу. В последние годы переправа стояла у оврага возле замка 671 (рис. 8). Таким образом, географическое положение кишлака Карасу и коммуникационные возможности делали его транспортным узлом "местного значения".

Путешественники XIX века, Н.В. Ханьков, А. Вамбери, Л.Ф. Костенко, посетив-

Рис. 7 Левобережье Карадары между Каттакурганом и Самаркандом, и приборежная Бухарская дорога по карте 1907 г. (издание 1925 г.)

шие Бухарское ханство и Туркестанский край, оставили описание этого отрезка прибрежной Бухарской дороги. Неизгладимое впечатление производил прекрасный вид долины, который открывался с высокого берега Карадарьи. "Дорога от Самарканда, на расстоянии верст 20, идет садами по Заравшанской долине; но от Даула она поднимается, и все время, до Катты-Кургана, идет по окраине возвышенного берега, внизу которого сплошною, зеленеющею лентою садов тянется знаменитый Мианкал" (Костенко, 1871. С. 35). Полоса же вдоль левого берега Карадарьи до самого Каттакурмана издавна засеивалась джугарой и рисом (Ханыков, 1943. С. 28). Карасу, как замечает А. Вамбери, в 1863 г. был весьма значительным селением, а Даул - последней пятой станцией перед Самаркандом (Вамбери, 2003. С. 158). Из путевых заметок Л.Ф. Костенко - офицера русского посольства в Бухаре, следует, что 1870 г. в Карасу существовала уже ямская служба в системе дорог Туркестанского края. Здесь в Карасу "в 38 верстах от Самарканда" посольство имело первую перепряжку лошадей (Костенко, 1871. С. 35).

Для земель Анхорского тумана Карасу являлось еще и важным торговым пунктом. Базар в - Карасу-северное, обозначенный на карте (рис. 6, а), был первым базаром в Пастдаргомье, где происходила торговля товарами, пришедшими с караванами из Бухары и Самарканда с жителям окрестных селений. Из Карасу товары могли направляться и в Мианкаль, и локальным дорогами доходили до южных предгорных районов. Об объемах торговли на этом отрезке Бухарской дороги может свидетельствовать количество караван-сараев, число которых, как отмечала Сухарева касательно караван-сараев Бухары XIX - нач. XX в., возрастает с развитием торговли (Сухарева, 1966. С. 52). Среди городов Туркестанского края в конце XIX - нач. XX вв. по числу караван сараев лидировала Бухара. К этому времени их число в городе уже превышало 60 (Сухарева, 1966. С. 54). В Самарканде их насчитывалось 52, а в ближайшей к нему придорожной станции Даул упоминается восемь караван-сараев (Материалы для статистики..., 1876. С. 30-31, 32-33). В статистических сведениях о Зарафшанском округе 1872 г. нет прямых сведений о наличии караван-сараев в самом Карасу, но упомянуто шесть караван сараев в даха Сарыбаш, в который, наряду с 28 кишлаками, входили и селения по речке Карасу (Материалы для статистики..., 1876. С. 30-31). Для сравнения в городах, находившихся вдали от основного торгового пути того времени как Китаб и Шахрисябз - торговом центре этого рай-

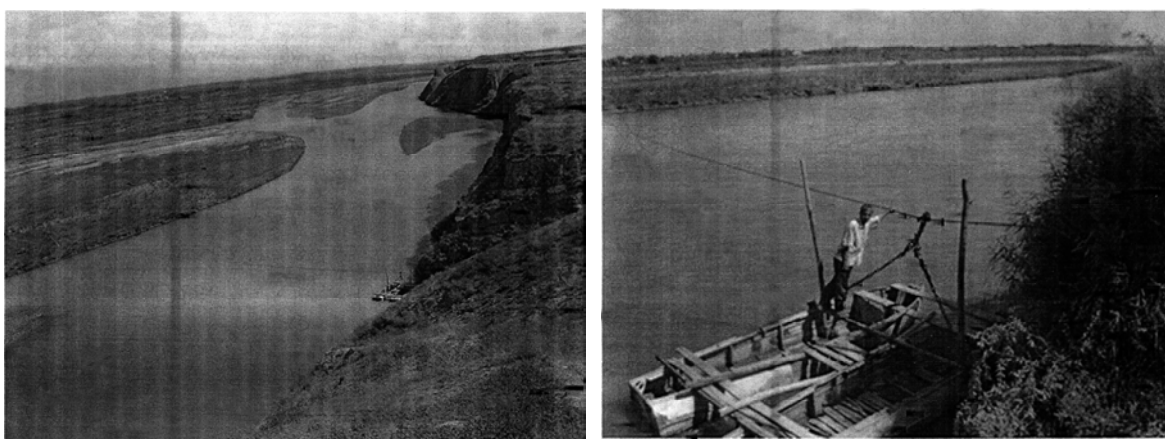

Рис. 8. Вид на правый берег Карадарьи в районе устья Карасу. Современная переправа через Карадарью у подножия замка 673, фото 2009 г.

она, число караван-сараев в 60-х гг. XIX в. исчислялось единицами: соответственно, три и семь. Только к началу XX в. их число увеличивается в 4 раза (Сухарева, 1966. С. 54).

Значение Карасу, как локального торгового транспортного узла, судя по картам, изданных в 1929-31 гг., сохранилось в 30-40-х гг. XX в. (рис. 6). Но уже на карте 1954 г. на этом месте отмечены только несколько развалин. В рельефе городища Пулад и в его окрестностях сохранились следы заброшенных построек того времени (рис. 1, рис. 2). Прибрежная дорога, обозначенная на карте уже как проселочная, петлей проходит через разросшееся к этому времени селение Карасу-южное (рис. 6, б). Эти изменения в топографии Карасу связаны, очевидно, со строительством в среднем Пастдаргомье новой современной автомобильной трассы на Бухару. Новая дорога проложена практически по следам другой старой, некогда "царской дороги" на Бухару, проходившей через кишлак Куча-малик (Вяткин, 1902. С.43-44). В конце XIX в., согласно картам, эта дорога имела местное значение и удобное полотно из Самарканда доходило лишь до селения Куча-Малик, в среднем течении сая Карасу на канале Анхор, а далее на северо-запад превращалась в неудобную транспортную, а затем, южнее селения Зарман - в проселочную дорогу (рис. 7). Вдоль нее в 1888 г. и была протянута первая железнодорожная ветка до Самарканда. Средневековая история дорог на Бухару, соединявшая между собой главные города Мавераннахра, прослеживается со времени Темуридов и Шейбанидов (XV-XVI вв.). Из "Материалов к исторической географии Самаркандского вилайета", составленных Вяткиным В.Л. на основании вакуфных документов XV-XIX вв., становится ясно, что эти земли Анхорского тумана в эпоху темуридов и до прихода Шейбанидов "были заселены значительно гуще, чем в более позднее время", о чем свидетельствуют "следы старых заброшенных арыков здесь" (Вяткин, 1902. С. 43).

Очевидно, что по этой дороге через Кучамалик 21 ноября 1406 г. вместе с Клавихо отбыли в Бухару из Самарканда иностранные посланники, закончившие свою миссию при дворе Темура (Клавихо, 1990. С. 145). Это была хорошо организованная "оживленная" государственная дорога со всеми дорожными службами, где путники получали все необходимое: "пристанище и еду". Путь официального посольства до Бухары занял тогда 6 дней (Клавихо, 1990. С. 145).

Утрата статуса "главной дороги" через Куча Малик связана с постепенным запустением Анхорских земель, которое, согласно Вяткину В.Л., началось со второй половины XVI в. Спустя два столетия, в начале правления династии мангытов во второй половине XVIII в., "она представляла уже совершенно разоренную пустынную местность, по которой даже в более раннее время не решались проходить путешественники, купцы и даже власти, конвоируемые отрядами" (Вяткин, 1902. С. 43-44). Заселенными оставались территории вдоль береговой линии Карадарьи, вдоль которой, по крайней мере со времен правления Абдулла-хана (1583-1598 гг.), способствовавшего развитию внешней и внутренней торговли, шла главная прибрежная дорога из Бухары в Самарканд (Вяткин, 1902. С. 43-44). С именем Абдулла-хана связано возведение многих караван сараев и сардоба по всей стране. Н.В. Ханьков по этой дороге упоминает караван сарай Абдулла-хана на правом берегу Даргома (Ханьков, 1843. С. 100), идентификация которого на местности затруднительна. Пустующие земли Пастдаргомья стали заселяться лишь при мангытах в начале XIX в., пришедшими из соседних районов кочевыми узбеками. Но малочисленному населению, как отмечает В.Л. Вяткин, не удалось возродить в прежних объемах ир-

ригационную систему и Пастдаргомские земли оставались с редкими рассеянными селениями еще в начале XX века (Вяткин, 1902. С. 43-44). Очевидно, по этой причине некогда государственная дорога через Кучамалик оставалась долгое время второстепенной.

Археологические данные, полученные в ходе составления свода памятников Пастдаргомского района и дешифровки аэрофотоснимков (Галиева, Иневаткина, 2005. С. 275-291) позволяют восстановить историю сложения главных транспортных коммуникаций из Центрального Согда. Через Зарафшанскую долину с древнейших времен пролегали транзитные пути, играющие важную роль в связях северо-восточных, южных и западных регионов Среднеазиатского междуречья. И естественно предполагать, что отрезки древних путей явились основой современных Бухарской и Каршинской дорог. Археологические данные позволяют восстановить сложение главных транспортных направлений, начиная с середины I-го тысячелетия до н.э. Их история, безусловно связана со строительством новой столицы Согда - Самарканда в Левобережной части долины во второй половине VI в. до н.э. (Степи, 2005. Р. 1053; Грене Рахманов, 2007). Причиной такого события послужили набеги кочевых племен (Рапен, 2007. С. 29-37) и неоднократные разрушения древнего административного центра Зарафшанской долины на городище Коктепа (VIII-VI вв. до н.э.), располагавшегося в равнинном Правобережье. Очевидно, в целях безопасности ахеменидская администрация переносит столичный центр южнее, за Мианкаль (междуречье Карадарьи и Акдарьи), в Левобережную часть долины, как в местность защищенную естественными преградами: и рекой с высокими берегами старой поймы Карадарьи (Иневаткина, 2010. С. 9-11). Территория Мианкаля в это время, согласно археологическим данным (Пугаченкова, 1989; Исамиддинов, Рондели, 2006. С. 122) не была заселена и своей болотистой почвой и тугайными зарослями представляла собой естественную полосу препятствий. Тем не менее, для защиты северо-западных подступов к городу, береговая линия дополнительно укрепляется цепочкой крепостей и сторожевых пунктов. Как правило, располагались они в местах возможных переправ и на возвышенностях, с которых долина просматривалась на десятки километров. Самый западный сторожевой пункт на этой линии Ляйляк-тепе (рис. 9, 680), датированный И.Д. Иваницким не позднее последней четверти IV в. до н.э. (Иваницкий, 2005. С. 52). Восточнее на 12 км по линии берега близ выхода Даргома в пойму Карадарьи расположено самое крупное сооружение оборонительной линии - круглая в плане крепость 62 Караултепе (рис. 9). В центре крепости округлый в плане конический холм, диаметром 66 м. Пространство вокруг подножия шириной в 85-100 м было окружено кольцом внешнего рва, восстановленного только по аэрофото (рис. 10, 1). Существование крепости 62 в IV в. до н.э. подтверждается подъемным материалом (рис. 10, 2), но по морфологическим признакам и отдельным, трудно датируемым фрагментам керамики, ее, как и другие круглые крепости в южной части Пастдаргомья (133, 266, 722, 728; см. рис. 9), можно отнести ко времени даже ранее середины I-го тыс. до н.э. Промежуточные сторожевые замки по той же линии между Ляйляком и Караултепе, датированы ныне по подъемному материалу лишь эллинистическим и раннесредневековым временем (59, 61, рис. 9). Поскольку по линии "царской" (Кучамалик) дороги памятников древнее III-II вв. до н.э. не отмечено (крепости 157, 584, 642, 584, 439, 64; рис.9), все это дает основание считать, что первой главной дорогой из Самаркандского Согда в Западный Согд могла сложиться трасса вдоль береговой линии. Направление

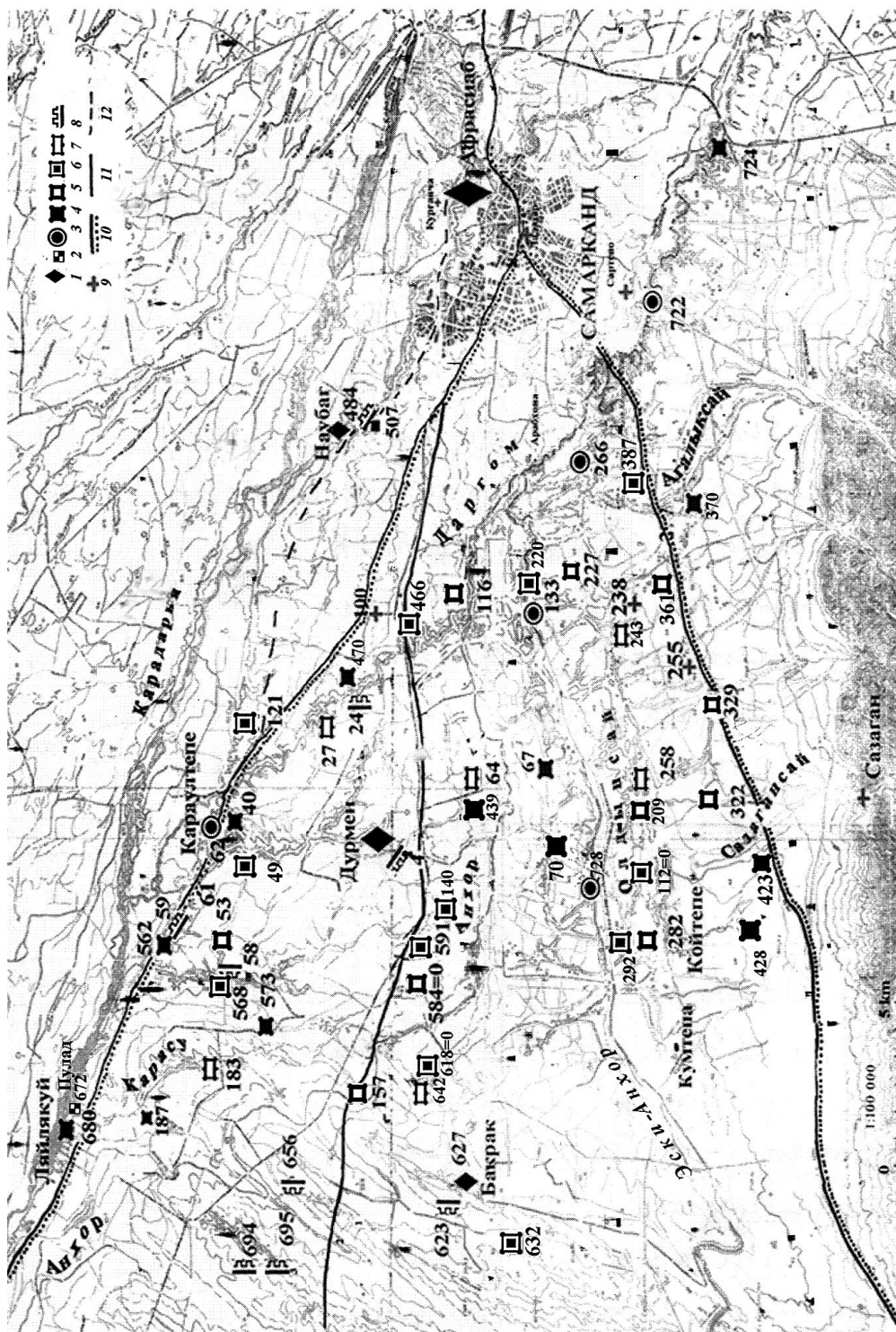

Рис. 9. Карта владений Ибискета. 1 – города, 2 – село, 3 – крепости середины I-го тыс. до н.э., 4 – квадратные эллинистические крепости, 5 – раннесредневековые крепости с эллинистической основой, 6 – раннесредневековые крепости, 7 – крепости разной конфигурации, 8 – Заставы и сторожевые замки, 9 – пункты с ранней керамикой (I-го тыс. до н.э.), 10-11 – осевшая и второстепенная дороги по карте 1907 г., 12 – предполагажительно древняя дорога к Бухарским воротам Самарканда

дороги через Кучамалик сложилось очевидно в середине I-го тыс. до н.э. с возникновением в 6 км южнее прибрежной дороги (рис. 9) административного центра Пастдаргомя на городище Дурмен (Шишкина, Наймарк, 1987. С. 288-289; Шишкина, Иневаткина, 2005. С. 38-39) древнего Исбискета (Ростовцев, Иваницкий, 1977).

Дорога, ставшая впоследствии главной "царской" "дорогой" проходила близ южного пригорода нового города. Прибрежная и новая дороги сообщалась между собой проселочной дорогой, шедшей от Ляйляка вдоль границы земледельческой зоны на юг в сторону древнего южного пути из Южного Согда (Исамидинов, 2005. С. 57). Этот локальный путь прослеживается по памятникам более позднего времени: цитадели бывшего городища Бакрак (627) (первые вв. н.э.?), раннесредневековыми заставами (694, 895, 696, 623) и крепостью 632 (рис. 9).

В эллинистический период вдоль основных дорог продолжает формироваться система крепостей (рис. 9). И уже к первым векам до н.э. и позже от Ляйляка до Даргома полоса вдоль прибрежной дороги продолжалась и уплотнялась постройками крепостей 187, 183, 568, 562, 53, 49, 27, 40, 121, 470 (рис. 9).

Формирование пути в Западный Согд завершается, очевидно, с возникновением его главного центра - Бухары в IV в. до н.э. (Некрасова, 1998. С.43-51). Прибрежная ветка и ветка через Кучамалик, как показывают археологические данные, функционировали одновременно

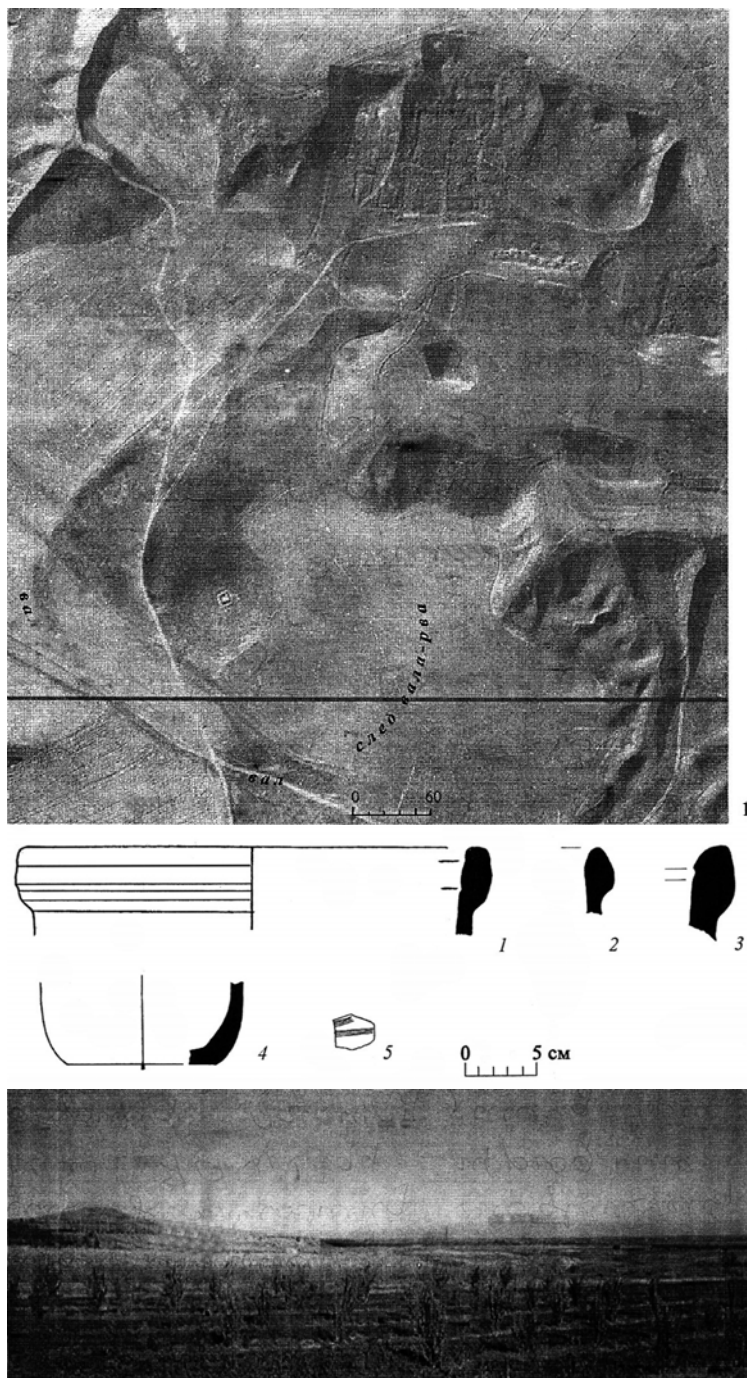

Рис. 10. Крепость 62 (Караул'тепе) на берегу Карадарьи, близ выхода Даргома в пойму. 1-аэрофото 1973 г.; 2-керамика: 1-5 - без ангоба, 4 - на переходе к дощечке надрезка ножом, 5 - бороздки гребенчатым инструментом (таблица составлена Г.В. Шишкиной); 3 - вид крепости с востока, фото 2010 г.

на протяжении веков. Можно предположить, что с постепенным затуханием городской жизни на Исбискете (Дурмен) начиная с конца VIII в., и в XI в. здесь осталось только сельское поселение (Вишневская, 2005. С. 101-133) статус дороги Кучамалик снижается, а приоритетным направлением для дальних караванов, возможно, становится уже прибрежная дорога.

История ляйлякского оазиса в свете вышеизложенных данных представляется теперь следующим образом. Ляйлякский оазис возник в середине I-го тыс. до н.э. как придорожное селение у переправы и на протяжении веков дорога на Бухару определяла его существование. Бухарская дорога и связанные с ней потребности содержания и охраны переправ, и почтовых станций, способствовали модернизации сторожевых сооружений. В этих целях в III в. до н.э. на краю старого поселения Ляйляк строится крепостца - дозорная башня, с которой контролировались переправа через Карадарью и подступы к берегу. Очевидно, что уже в древности Ляйлякский оазис был так же и центром придорожной торговли. Видимо, этим и объясняется долгое, до первых вв. до н.э., существование здесь селений: сначала Ляйляк - площадью до 3 га, а затем и сельца на месте холма Багры. Очевидно, вовлечение Согда в систему трансконтинентальных дорог Великого шелкового пути во II в. до н.э. сказалось и на оживлении местных дорог и на процветании Карасу. Данные показывают, что наиболее интенсивная жизнь протекала здесь в I века до н.э. - I века н.э., о чем свидетельствует обширное по площади - до 8 га селение Пулад, разросшееся за речкой Карасу. В V-VI вв. на окраинах Ляйляка и Пулада появляются замки-касы двух владельцев контролировавших этот важный участок дороги: Сарытепа (679) и замок 673: подпрямоугольные в плане размерами более 40x30 с кешками в углу хозяйственной площадки. Впоследствии в отдалении от них возникают еще три замка: Тупхона (681), 674 и 671. В VII-VIII вв. жизнь перемещается несколько южнее, дороги и жители используют бывшие замки (например, Сарытепе) уже как наусы для захоронений в оссуариях (Павчинская, Ростовцев, 1988. С. 91-101). Дальнейшее оживление этого пункта характеризуют, караван-сарай. Их датировка, как уже говорилось выше, может быть весьма широкой, от IX в. и до нового времени. Но более вероятно, на наш взгляд, их появление в Карасу в предмонгольское время.

Таким образом, главными структурными элементами этого транспортного узла, являются древние селения Ляйляк и Пулад и крепости на крутых берегах стрелки Карасу и Карадарьи, а также контролируемая ими переправа через Карадарью. Ляйляк в системе других крепостей середины I-го тыс. до н.э. позволял контролировать северо-западные пределы долины. Эти факты, дают основание определить Ляйлякский оазис как важный транспортный и сторожевой узел на западной границе земель Самаркандского Согда на последнем прямом отрезке караванного пути к Самарканду. Пять караван-сараяев и базар в придорожном селении Карасу, свидетельствуют о его торгово-экономическом значении в средневековье не только в Анхорских землях, но и в системе торговли между Бухарским и Самаркандским Согдом. Таким образом, применение комплексного подхода к изучению истории одного небольшого оазиса (данные археологии, картографии, дешифровка аэрофотоснимков, последующий мониторинг на местности, письменные и этнографические источники) помогает не только восстановить исторический ландшафт данной территории, но и определить его место и значение в социально-экономической структуре государственного образования.

Сноски

В основе этой статьи лежат результаты работ САЭ ГМИНВ 1986-1991 гг. на городище Дурмен и эпизодических разведок в Пастдаргомском районе, где в те годы были обследованы около 200 памятников. Последующая работа с аэрофотоснимками позволяет выявить значительно большее количество памятников.

Использованная литература:

- Булатова В.А., Ноткин И.И.** Архитектурные памятники Хивы (Путеводитель). Ташкент, 1965.
- Вишневская Н.Ю.** Сельское поселение X - начала XI вв. на территории городища Дурмен // Материальная культура Востока. М., 2005.
- Вяткин В.Л.** Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Самарканд, 1902.
- Вамбери Арминий.** Путешествие по Средней Азии. М. 2003.
- Галиева З.С., Иневаткина О.Н.** Исторический ландшафт Самаркандского Согда (на примере долины Дурменская) // Центральная Азия. Источники, история, культура: Матер. международ. науч. конф., посвящ. 80-летию Е.А. Давидович, Б.А. Литвинского. М., 2005.
- Грене Ф., Рахманов Ш.** Новые данные о дате первой системы фортификации Афрасиаба (середина или вторая половина VI в. до н.э.) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Матер. Межд. науч. симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею г. Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Иваницкий И.Д.** Согдийские поселения, Пулад и Ляйлякуй // Материальная культура Востока. Вып.4. М., 2005.
- Иневаткина О.Н.** Опыт реконструкции транспортного узла в Самаркандском Согде // Археология и геоинформатика. Третий круглый стол. Тез. докл. конф. ИА РАН. М., 2007.
- Исамиддинов М.Х.** Южные части Самаркандского Согда в период включения в империю Александра Македонского // Материалы по античной культуре Узбекистана. К 70-летию Г.А. Кошеленко. Самарканд, 2005.
- Исамиддинов М., Рондели Б.** Новое в исследовании Мианкаля // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 гг. Вып. 5. Ташкент, 2006.
- Клавихо Руи де Гонсалес.** Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406) (пер. И. С. Мироковой). М., 1990.
- Материалы для статистики** Туркестанского края. Ежегодник. Издание Туркестанского статистического комитета. Вып. IV. СПб., 1876 г.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л.** Городище Пайкенд (к проблеме изучения средневекового города Средней Азии). Ташкент, 1988.
- Некрасова Е.Г.** Нижние культурные слои Бухары: (К характеристике первоначального заселения города) // ОНУ. № 4-5. 1998.
- Павчинская Л.В., Ростовцев О.М.** Осуарии Сарытепе // ИМКУ. Вып.22, Ташкент, 1988.
- Рапен К.** Коктепа в период железного века до прихода Ахеменидов // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития // Матер. Межд. науч. симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд, 2007.
- Ростовцев О.М., Иваницкий И.Д.** Работы в Самаркандской области // Археологические открытия - 1976 г. М., 1977.
- Семенов Г.А., Мирзаахмедов Д.К. и др.** Раскопки в Пайкенде в 2004 году // Материалы Бухарской археологической экспедиции. Вып. IV. СПб., 2005.
- Сухарева О.А.** Бухара XIX—нач. XX вв. (позднефеодальный город и его население). М., 1966.
- Шишкина Г.В., Наймарк А.И.** Историческая топография Дурмен-тепе // Задачи Советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюзной археологической конференции. Суздаль. М., 1987.
- Шишкина Г.В., Иневаткина О.Н.** К решению проблем истории культуры Самаркандского Согда // Вестник РГНФ. №3 (40). М., 2005.
- Ханыков Н.В.** Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

A STUDY OF TEXTILES UNEARTHED IN ARCHAEOLOGICAL SITE OF KANKA

© 2011. Tomomi Murakami
ЎзР ФА Археология институти

Introduction

It is difficult for organic textiles to remain in such areas with wet seasons. Therefore, there are few materials remained. There have been occurred investigations to supplement the insufficiency by iconographic materials. However, it is impossible to get information about techniques, and for that reason there are a lot of unidentified points regarding production and usage of materials in this area. Meanwhile, some textiles remain by the result of carbonization and metal adhesion. Fortunately, there were unearthed textiles in carbonized condition in the site of Kanka.

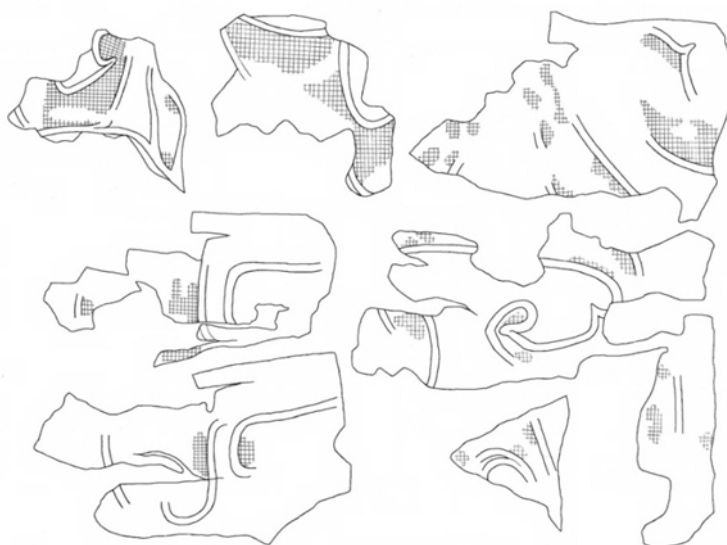
Textiles were unearthed in Zoroastrian temple of Kanka. It is considered that wall paintings belong to 5th to 8th centuries and earthenwares belong to 5th to 6th centuries. On the floor of the temple, there were several fire tracks, and earthenwares, glass productions, a spindle and copper axe, part of earring, copper coin, and various relics which belong to 5th and 6th centuries were found. From many of fire tracks were found grains and seeds which accompanied by textiles. I conducted this research to clarify the actual situation of techniques and usages of textiles in Chach region which have no other examples.

Result of observation

□ Appliqué embroidery textiles

At least, they may be divided into 2 types. On the bases of plain textile piled another flat textile cut in a shape whose brims were hemmed with a lace which was made of rolled plain fabric and fixed with sewing thread. The sewing thread on the surface is perpendicular to the lace, and on the reverse side it is parallel to the line between both ends of the lace (fig.2, 3). The plain textile cut in a shape and foundational plain textile are piled fitting the direction of the warp. It is difficult to reconstruct the pattern of textile pieces however both are curved shapes (fig. 1).

Colors are not identified due to their carbonization, however it can be inferred that colors of the basic plain textile, shaped textile and hemmed lace are different.

Fig. 1 Appliqué embroidery textiles • survey map

Fig. 2. embroidery part

Fig. 3. embroidery part

The warp and weft threads of plain textile used in embroidery lace are thin, but homogeneous of woolen thread. Extremely thin woolen threads of the same degree are seen among the textiles unearthed in archaeological site of Attar. Skilled techniques, thin and soft, good quality of wool are indispensable to spin this kind of thread. Without hurrying to conclude and considering that it also might be silk, I would like to identify doing chemical analysis in the future.

□ Hand-woven textile

It was identified that there 2 types of hand-woven textiles. Hand-woven textile may be woven without using a weaving machine, by inserting and turning down color threads into the pattern part. The origin is said to be the west. Textiles are known unearthed in Egypt and the site of Attar, Iraq, and they were even brought into Shosoin Temple in Japan.

Regarding hand-woven textile a, disposal of the warp threads of the edges of the textile is identified (fig. 8, 9). This disposal is for not letting the weft thread unweave. The same disposals were identified in large-scale area, such as in Skythian and Siberian cultural spheres, Syria, Mesopotamia, Palestina, Nubia, and wool textiles unearthed in the 8th in Arjan Kurgan are also possibly the same.

□ Plain textiles

8 various types were identified. They are all small pieces, and identified according to their density and width. All pieces and their wrap and weft threads are Z twisted.

Fig. 4. Reverse side of textile.

Fig. 5. Pattern part and flat textile.

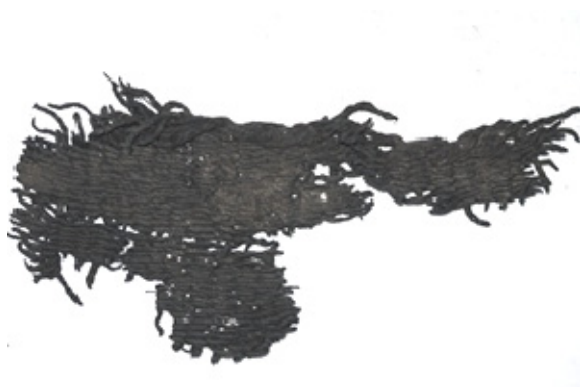

Fig.6. Hand-woven textile

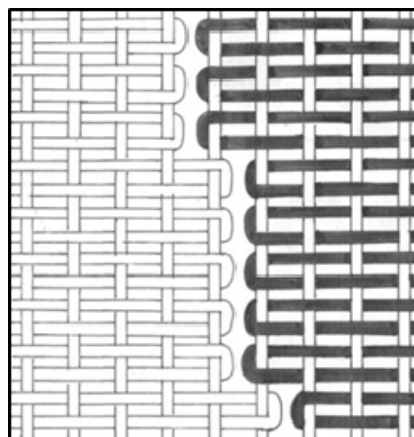

Fig. 7 Hand woven textile and schematic diagram

Fig. 2. embroidery part

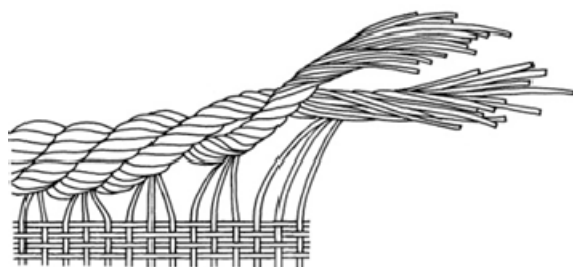

Fig.9 Warp disposal and schematic diagram (Reorganization of part of Fujii and others 1982-1983)

Fig. 10. Clew.

Fig..11. Rope textile.

Fig..12. Rope textile; knot.

□ Clew

It is about 11cm×3.5cm and 4 items were identified. The diameter of a single thread is approximately 0.5mm and Z twisted. It looks exactly like the shape of clew spun on a spindle (fig. 10). It should be burnt in condition of wound into a spindle of some kind of axe. Threads wound into spindle unearthed in (9th century BC) Zaganluk Ancient Group

Tomb, Xinjiang are the examples. It should have had meaning to bury a spindle as a possession. It is interesting to make textiles and tools to weave as offerings of Zoroastrian religion.

□ Ropelike fiber

By tying single fibers together made a Z twisted bundle with 1cm diameter, and from two of those Z twisted bundles made S twist bundle. Moreover, using two bundles of S twisted made Z twisted (fig. 11). Knots are also seen (fig.12). It is considered that S twisted thread which was made of two Z twisted threads was spun in a complete circle.

It can be seen as a hank and fringe at a glance, however not twisted threads but single threads are strongly twisted. It is unknown how it was used, but single threads are thick and heterogeneous. This kind of fiber is the most suitable for ropes and productions which require strength.

Table 1 Results of measuring textiles

	Weaving density(/cm)	Direction of twist of thread	Single thread diameter
Appliqué textile a	warp - 9 weft - 12	warp-Z weft -Z	warp-0.5mm weft -0.5mm
Appliqué textile b	warp - 18 weft - 34	warp-Z weft -Z	warp-0.4mm weft -0.4mm
Appliqué part of flat textile (a)	warp - 21 weft - 22	warp-Z weft -Z	warp-0.3mm weft -0.3mm
Embroidery lace of flat textile (a)	warp - 22 weft - 32	warp-Z weft -Z	warp-0.1~0.2mm weft -0.1~0.2mm
Weaving thread (Appliqué (a))	—	S made of 2 Z twisted threads	0.2mm
Hand-woven textile a	warp - 5 weft - 23	warp- S made of 2 Z twisted threads weft -Z	warp-1.3mm weft -1.0mm
Hand-woven textile b	warp - 6 weft - 33	warp- S made of 2 Z twisted threads weft -Z	warp - 0.8mm weft -0.4mm
Plain textile a	warp - 20 weft - 20	warp-Z weft -Z	warp-0.3mm weft -0.3mm
Plain textile b	warp - 17 weft - 19	warp-Z weft -Z	warp-0.3mm V- 0.3mm
Plain textile c	warp-9 weft -11	warp-Z weft -Z	warp-0.5mm weft -0.7mm
Plain textile d	warp-12 weft -14	warp-Z weft -Z	warp-0.5mm weft -0.7mm
Plain textile e	warp-13 weft -23	warp-Z weft -Z	warp-0.3mm weft -0.3mm
Plain textile f	warp-14 weft -19	warp-Z weft -Z	warp-0.3mm weft -0.5mm
Plain textile g	warp-12 weft -33	warp-Z weft -Z	warp-0.4mm weft -0.4mm
Plain textile h	warp-9 weft -18	warp-Z weft -Z	warp-0.4mm weft -0.6mm

Conclusion

These textiles may be inferred that they were woven from local materials and by local techniques. Hand-woven textiles are closely woven even comparing to modern textiles and the pattern part of appliqué textiles and embroidery lace are elaborate. Single threads comparatively have no unevenness in their width and with few naps. Carefully woven and colored good quality textiles were probably selected to use as offerings. These textiles were accompanied with seeds which are thought to be offerings, and they probably were bags for offerings to put in.

Technique of appliqué embroidery hemming patterns with twisted threads is old and known in felt unearthed in Noinura tombs, Mongolia (1st century BC to 2nd century AD). However, there are no other examples for hemming which used not twisted thread, but flat textile, and hence there is possibility that techniques used in Kanka and around Kanka are original. They are valuable examples.

Studies on high quality textiles which have monetary value such as cotton and twill with techniques are widely spread, and they are indispensable to reconstruct culture exchanges. These materials are unique in reflecting textile culture of that time. Textile methods culture was perceived, from hand-woven techniques which widely were used from Egypt to the Central Asia, methods of the wrap disposal, Z twisted threads were mostly used in wool textiles of The Central and West Asia and techniques appliqué embroidery. These are connected with techniques of textile of the same area at present. I could disclose part of textile culture of the area in this investigation.

Acknowledgements

I would like to thank Amridin Berdimurodov, a director of the institute of Archaeology for his kind consideration and Gennadiy Bogomolov, a senior research fellow at the institute of Archaeology who gave me an opportunity to study on these materials. Mizuho International Foundation supported this research.

References

- エドヴァルド・ルトヴェラゼ [加藤九祚訳] 「考古学が語るシルクロード史中央アジアの文明・国家・文化」平凡社 2011.
- Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. Эрмитаж. Л., 1992.
- 坂本和子「織物に見るシルクロードの文化交流トウルファン出土資料—錦綾を中心に」大阪大学博士学位論文2009.
- Буряков Ю.Ф. Древний и средневековый город восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
- 坂本和子「蒙古ノイン・ウラ出土下袴について」『ラーフィダーン第三・IV巻』国士舘大学イラク古代文化研究所1983.
- 松本包夫「正倉院裂と天平飛鳥の染織」紫紅社 1984.
- 新疆维吾尔自治区博物館編「古代西域服飾擷萃」文物出版社 2010.
- 马特巴巴伊夫・趙豊「大苑遺錦」上海古籍出版社 2010.

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПОДСТАВКИ СВЕТИЛЬНИКОВ XII-XIV ВВ. В КОЛЛЕКЦИИ БУХАРСКОГО МУЗЕЯ

© 2011. Б.Г. Курбанов
Институт археологии АН РУз

Осветительные приборы всегда занимали особое положение, в быту населения являясь незаменимой принадлежностью каждодневного домашнего обихода. По археологическим материалам, особенно в эпоху средневековья, находки их значительны и разнообразны. Но в отличие от массовых керамических образцов с раннеисламского периода начинают встречаться и их металлические прототипы. Производились они из бронзы, были, безусловно, более дорогими, являясь принадлежностью зажиточных семейств. В Мавераннахре они фиксируются шире с XI–XII вв. и в том числе нередко составляют часть кладов, ещё раз подчеркивая их не только материальную, но и художественную ценность.

К таковым можно отнести и две металлические подставки светильников в коллекции Бухарского музея-заповедника.

Первый из них сохранился по верхней части. В наличии имеются металлический стержень и подставка-тарелочка для установки осветительного прибора (инв. № 2409/3, Книга поступлений Бухарского музея-заповедника № 2). Основание с ножками отсутствует. Судя по старому инвентарному номеру (320/15) предмет поступил в музейную коллекцию металлических изделий в 30-х годах прошлого столетия, но место находки отсутствует (рис. 1: 1).

Материал: бронза, красная медь. Техника изготовления: литьё, пайка, гравировка. Подставка состояла из сохранившегося на небольшую высоту цилиндрического стержня (рис. 1: 2) и тарелочки, служившей верхней частью для установки светильника. Диаметр тарелочки – 13 см, диаметр цилиндрического стержня – 3 см, общая сохранившаяся высота – 12, 5 см.

Тарелочка плоская со слегка приподнятыми краями, переходящими к отогнутому спущенному вниз бортику с фестонами по краю. Верхняя грань и края тарелочки украшены линией сквозных отверстий, что придает изделию ощущение ажурности. В центре тарелочки круг, обозначенный полоской красной медью (рис. 1: 3). Внутри круга выгравирована сцена охоты (рис. 1:4). Всадник на коне, скачущий вправо, повернулся к зрителю в анфас. Он держит в приподнятой левой руке ловчую птицу на подставке, правой рукой прижимая к поясу повод. Всадник одет в кафтан с вышивками на предплечьях, обозначенными двумя широкими полосками и завитками внутри. Кафтан перетянут поясом, судя по очертаниям мягким тканевым, к которому пристегнут колчан. Голову всадника обрамляет нимб. Конь изображен в движении: передние ноги выброшены вперед; штрихами обозначена грива и пышный хвост коня. Конское снаряжение состояло из удил, соединенных металлическими обоймами круглой формы и треугольной формы накладкой, проходящей под хвостом коня и завязанной тремя бантиками с подвеской. Птица сидит на под-

Рис. 1.

ставке прямоугольной формы. Она крупная, с длинным опущенным вниз хвостом, обозначен клюв и глаз, на шее имеется ленточка. Между ногами коня бежит козел с длинными отогнутыми назад рогами.¹ Все части рисунка лежат в одном плане с растительными побегами, заполняющими фон.

Сцены охотничьих подвигов, а затем утех получили широкое распространение сначала в искусстве Сасанидского Ирана, а впоследствии Ближнего и Среднего Востока с раннего средневековья. Всадник, с ловчей птицей в руках, представлен на стеклянных медальонах XII века дворца правителей Термеза (Ремпель, 1978. С. 79), имеется в частной коллекции М. Бумилера (рис. 1: 5), на бронзовом медальоне XIII-XIV вв. из Отрара (Акишев, Байпаков, Ермакович, 1987. С. 196).

Вокруг сцены охоты ободок с арабографической надписью благопожелательного характера:

... والسعاده و السلامه ... و السكره (؟) و ... لصاحبه ...

... счастья, здоровья.... владельцу сего.

Надпись окаймлена растительным орнаментом из повторяющихся трилистников.

На цилиндрическом стержне присутствуют два кольца плохо сохранившейся надписи, просматриваются буквы «лом» и «мим».

2. Вторая подставка под светильник сохранилась лучше, но также имеет утраты (инв. № 33004/22, Книга поступлений 48). Состоит из трех деталей: основания и двух фрагментов цилиндрического стержня (рис. 2:1). Одно из них было припаяно к основанию, а второе, видимо, являлось завершением стержня, к которому очевидно крепилась тарелочка. Основание имело форму уплощенной полусферы, посаженной на три изогнутые ножки, одна из которых была утеряна (рис. 2: 3). Цилиндрический стержень с обоих концов имеет кувшиновидные перехваты (рис. 2: 2), практически обязательные для предметов этого типа в эпоху средневековья (Воронина, 1977. С. 135). Предмет был найден в процессе понижения грунта вокруг купола Токи Тельпак Фурушон в Бухаре.²

Материал изготовления: бронза; техника: литье, пайка. Сохранившаяся высота подставки - 50 см, диаметр цилиндрического стержня – 5 см, диаметр основания - 23 см.

В Книге поступлений Бухарского музея первый предмет под инв. № 2409/3 записан как *шамдон*- подсвечник, а второй под № 33004/22 как *чирок* – светильник. Аналогично, как подсвечники, были определены два образца оснований подставок светильников, из клада бронзовых изделий Самарканда XII в. (Песнь в металле, 1986. С. 48), детали одной подставки под светильник XII-XIII вв.: плоская тарелоч-

ка с арабографическими надписями и цилиндрической формы стержень, из коллекции Государственного музея искусств Каракалпакстана (Государственный музей...., 1976. С. 9). Возможно, неправильное определение было связано с тем, что основание с тремя подогнутыми ножками в виде звериных лап, можно встретить и на подсвечниках и курильницах из Ближнего Востока первой четверти XIV века (Шедевры исламского ...., 1990. табл. 56), Самарканда (Культура и искусство ...., 1991. С. 204), Южного Киргизстана (Памятники культуры ...., 1983. С. 71), Таджикистана XI–XII вв. (Древности ...., 1985. С. 295).

Самая ранняя известная подставка (первая четверть VIII в.) под светильник была найдена в Пенджикенте (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 91). Авторы предполагали, что это светильник, и верхняя часть её, выглядевшая как полусферическая чаша с широко отогнутым бортиком, служила резервуаром для масла. Исследователь Воронина В.Л., описывая бронзовые изделия из коллекции Смирнова, определяет аналогичные нашим предмету подставками «торшерами» и отмечает, что они использовались до XIII в. в качестве чисто бытовых предметов (Воронина, 1977. С. 135). Функциональную принадлежность и особенности таких «торшеров» раскрывает изучение многочисленных подобных находок из раскопок Тараза (Сенигова, 1968). Образец подобной подставки на трех ножках с цилиндрической формы стержнем и плоской круглой тарелкой по верху X века, на которой установлен светильник, хранится в Линден музее (Германия) (Кальтер, Павалой, 1997. С. 127). Аналогичные подставки и отдельные их детали в виде тарелочек и оснований подставок были найдены в составе клада бронзовых изделий X – начала XIII вв. из городища Лягман (Древности Таджикистана, 1985. С. 294, 295), в Таразе, Испиджабе, Талгаре (Акишев, Байпаков, 1979. С. 148). Подобные подставки известны для металлических изделий Египта IX–X вв. (Oriental Splendour, 1993. С. 162), особенно схожи три подогнутые ножки, верхняя тарелочка не сохранилась.

Таким образом, вышеописанные предметы из коллекции Бухарского музея-заповедника, являются подставками для светильников, и демонстрируют образцы осветительных приборов Средней Азии XII–XIV вв.

Исследователи отмечают высокий уровень выполнения изделий из бронзы в средние века мастерами Бухары и оазиса в совершенстве владевшими техникой литья, чеканки и гравировки (Малкиель, 2006. С. 69), в которых выполнены вышеописанные подставки.

Бухара и города Бухарского оазиса в IX–XII вв. были центрами торговли и ремесленного производства, в том числе металлического, на что указывают археологические находки литейных форм и металлические мастерские в Пайкенде (Семенов, 2002. С. 24; Малкиель, 2006. С. 69, 70), а географы X в. отмечают Бухару как один из центров изготовления и вывоза медных изделий (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 287; Буряков, 1997. С. 52). Учитывая все эти данные, можно предположить местное происхождение вышеописанных подставок на что могут указывать и мнение широкого круга других специалистов считающих, Бухару родиной подобных предметов (Кальтер, Павалой, 1997. С. 127).

Сноски

¹ Аналогичные изображения козла имеются на халцедоновой печати желтого цвета в виде ложного перстня VI–VII вв.. из раскопок Пайкенда (Семенов, Мирзаахмедов, 2003. С. 25) Изображение козла одно из устойчивых в прикладном искусстве Средней Азии (Ремпель, С. 29-31); Лунное божество изображалось в виде козла, козел был одним из воплощений божества победы Вретрагны. Аналогич-

ные изображения козла имеются в коллекции гемм VI-VII вв. Эрмитажа (Борисов, Луконин, с. 34, 130-135).

² Выражаю признательность заведующей Отдела археологии Хамраевой Ю.И. за возможность получить экспонат для изучения.

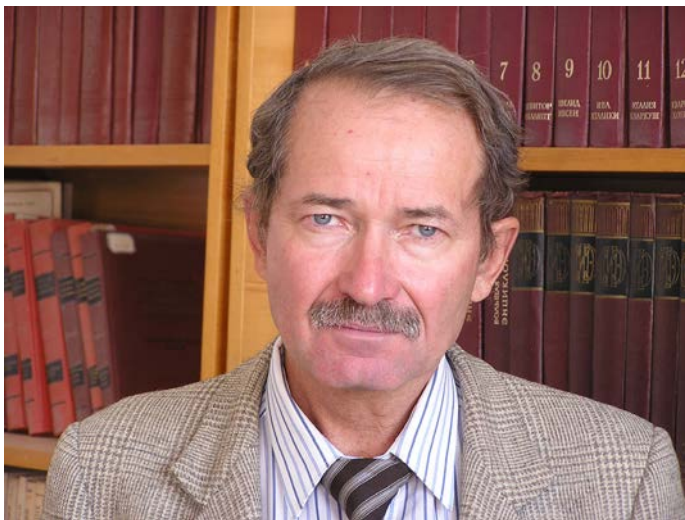
Использованная литература:

- Акишев К.А., Байпаков К.М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.
- Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. М., 1973.
- Борисов А. Я., Луконин В.Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963.
- Буряков Ю.Ф.* Бухара на караванных путях Хорасана и Мавераннахра // ОНУ. № 9-10-11. Ташкент, 1997.
- Воронина В.Л.* Бронза Ахсикета из коллекции А.И. Смирнова // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Государственный музей искусств Каракалпакстана.* М., 1976.
- Древности Таджикистана.* Каталог выставки. Душанбе, 1985.
- Кальтер Й., Павалой М.* Узбекистан. Великий Шелковый путь. Штутгарт-Лондон, 1997.
- Книга поступлений* Бухарского музея – заповедника № 2 и № 48. Запись о предмете инв. № 2409/3 выполнена научным сотрудником музея П.А. Гончаровой в 1932 году, об экспонате инв. № 33004/22 – Хамраевой Ю.И. в 1995 году.
- Культура и искусство древнего Узбекистана.* Каталог выставки. Книга 2. М. 1991.
- Малкиель И.К.* Металлические сосуды X-XI вв. из Пайкенда // Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса. Самарканд-Рим, 2006.
- Памятники культуры и искусства Киргизии.* Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983.
- Песнь в металле.* Народное искусство Узбекистана. Ташкент, 1986.
- Ремпель Л.И.* Искусство Среднего Востока. М., 1978.
- Ремпель Л.И.* Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Семенов Г.Л.* Медный город // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 8. Бухара, 2002.
- Семенов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К. и др.* Отчет о раскопках в Пайкенде в 2002 году. СПб., 2003.
- Сенигова Т.Н.* Осветительные приборы Тараза и связь их с культом огня // СА. № 1. М., 1968.
- Шедевры* исламского искусства в Эрмитаже СССР. Кувейт, 1990.
- Oriental Splendour.* Islamic Art from German Private Collections. Edited by Claus-Peter Haase, Jens Kroger, Ursula Lienert. Hamburg, 1993.

БИЗНИНГ ЮБИЛЯРЛАР

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

22 декабря 2011 года Алексею Андреевичу Грицине, известному узбекистанскому ученому– археологу, исполняется 60 лет. В это трудно поверить, но факт. Около 30 лет он успешно занимается проблемами древней и средневековой Уструшаны, расположенной в пределах Джизакского и Сырдарьинского вилоятов. Хотя, если оглянуться назад, то можно увидеть: как много он успел уже к этому времени сделать, став одним из самых маститых ученых-уструшановедов!

Алексей Андреевич родился как будто бы в глухом, но очень интересном местечке, на границе Узбекистана и Таджикистана, в горном селении Табашар, расположенном в отрогах Карамазарских гор. Однако, глухим это место только кажется. Здесь каждый камень дышит историей. Так что, наверное, не случайно, хотя начал он работу не в археологической, а в геофизической экспедиции, молодой Алексей загорелся любовью к истории с самых ранних лет. И когда, отслужив в армии, он поступил на исторический факультет ТашГУ, но, несмотря на занятность, он активно участвует в раскопках как по линии кафедры археологии, так и линии Института археологии АН РУз.

Я познакомился с ним впервые на раскопках горного селения Гальватепа в Ташкентской области еще в 1972 году. Но настоящей первой своей археологической школой, лабораторией раскопок он считает городище Канку – крупнейший городской центр и первую столицу Ташкентского государства, где проводил раскопки в 1975 году. Хочу оговориться, спустя много лет, в 2010 году он вновь вернулся на родное городище уже зрелым специалистом в качестве начальника отряда. Раскопки в третьем шахристане произвели на меня неизгладимое впечатление: они были выполнены на чрезвычайно высоком профессиональном уровне, позволяющие извлечь максимум информации из полученных материалов.

После этого были и другие, большие и малые, самые разновременные городища и поселения.

К завершению учебы он был не только теоретически подготовленным историком, но и довольно опытным полевиком-археологом. И как пригодился этот опыт. Окончив в 1978 году университет и поступив к нам на работу, он сразу окунулся в почти круглогодичные работы по изучению Ташкента в связи с подготовкой к 2000-летнему юбилею города. Раскопки на городище Кугаиттепа, а затем на городище Шаштепа дали ему бесценный опыт самостоятельной работы. Так что в Уструшану

– Сырдарьинскую и Джизакскую области - он пришел уже сложившимся археологом.

Сначала археологическая карта и полный свод памятников древней культуры Сырдарьинской области и подгорной части Джизакской области, в особенности Зааминского района. В результате чего впервые на территории Узбекистана были открыты древнеуструшанские поселения середины I тысячелетия, выделена своеобразная нуртепинская культура. Затем более крупная выборка памятников золотого наследия – главных для истории древней Уструшаны: историческая топография Северной Уструшаны, изучение которой завершилось в 1990 году защитой кандидатской диссертации на тему «Северная Уструшана в середине I тысячелетия до н.э. – начале XIII в. н.э. (археолого-топографическое исследование)».

Потом долгая и трудная работа по изучению караванных путей и городов Уструшаны на них. Ему удалось достаточно убедительно локализовать целый ряд средневековых городов и рустаков (округов), а также самый большой и знаменитый в Мавераннахре караван-сарай Худайсар на месте Турткультепа близ Пшагара, города Сабат на месте городища Культепа, Хушкет на месте городища Нурата, и другие. Конкретизировано местонахождение древнего, средневекового и позднесредневекового Заамина. Определено или уточнено местонахождение высокогорных рустаков Бурнамад, Бушагар, Бескун и Вакр.

Но особое место в его научном творчестве всегда занимал Зааминский район. Им составлен не только наиболее полный свод археологических памятников, но и много лет ведутся археологические раскопки на ряде памятников, включая городища средневекового Заамина и Сабата, караван-сарай Турткультепа, раннесредневековое городище Каратепе, поселение Джартепе и другие. Был открыт и произведены раскопки на доарабском караван-сараях Азляртепа. Ему впервые удалось привлечь к совместной работе иностранных коллег, что дало новый плодотворный импульс к изучению безусловно интересного региона.

А.А. Грицина стоял у истоков создания Зааминского историко-краеведческого музея и Музея при Гулистанском государственном университете, где сосредоточена основная коллекция археологических материалов, добытых в ходе многолетних раскопок.

И еще одно: я сразу обратил внимание, что буквально каждый его шаг в раскопках находил отражение в средствах массовой информации. Этой сфере своей деятельности он придавал и придает первостепенное значение. Более 150 публикаций говорят сами за себя. В этом отношении он, пожалуй, является одним из самых плодотворных ученых-гуманитариев в Узбекистане.

Хочется отметить и еще одну грань его дарования, – поэтическую, которая напрямую связана с его профессиональной деятельностью. Не трудно это заметить, что в его многочисленных популярных статьях и сборнике стихотворений «Листья мыслей моих», нередко звучат и лирические мотивы и философские размышления, навеянные бытом и буднями археологической жизни.

Со временем география интересов юбиляра существенно расширяется. Он принимает участие в целом ряде совместных экспедиций, прежде всего, в долине Зарафшана. Он внес свой вклад в изучение таких памятников как городище Коктепа, Афрасиаб, Бургуттепа (древняя Кармана), Койтепа, Дабускала, Чимбайтепа (средневековый Зерман), Хазара, ряда памятников урочища Сармишсай, а также христианского монастыря Сулаймантепа. Он принимал участие в изучении и дру-

гих областей Узбекистана, в частности, городища Джаркутан в Сурхандарье и городища Кува в Фергане. Кроме того, он трудился со своими коллегами в Южном Казахстане и Южном Кыргызстане.

И конечно заметен его вклад в изучении городов и трасс Великого шелкового пути. Не случайно он много лет сотрудничает с Международным институтом центрально-азиатских исследований (МИЦАИ) и является одним из инициаторов создания и постоянным автором «Вестника МИЦАИ» («BULLETIN of ICAS»).

Все эти исследования легли в основу его книг «Археологические памятники Сырдарьинской области» (1992), коллективной монографии «Древний Замин» (1994), «Уструшанские были» (2000), «Мавераннахр на Великом шелковом пути» (совместно с академиком Ю.Ф. Буряковым) (2006), «Хавас и его соседи в древности и средневековье» на узбекском языке (соавтор М. Садыков) (2011), «Выдающиеся археологические памятники Узбекистана на Великом шелковом пути» (на английском языке) (2011), а также нашло отражение в более 300 научных и научно-популярных публикациях.

Работа эта продолжается и сейчас. Желаю юбиляру здоровья и творческого долголетия.

Ю.Ф. Буряков,
академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор

МУНДАРИЖА
МАҚОЛАЛАР

Н.Ў. Холматов

Очилғор макони маданий горизонтларининг конструктив тузилмалари, таркибий элементлари хусусида 3

С.Т. Мирсоатова

Ўзбекистонда тош асри одамларининг жисмоний типлари 11

В.Д. Рузанов

Ўзбекистонда палеометалл даври қабилалари миграцияси (2 қисм) 16

Ш.Т. Адиллов, С.Т. Бобоев

Ғарбий Суғднинг тарихий гидрографияси (археологик-топографик маълумотлар ва Муҳаммад ан-Наршоҳийнинг “Тарих-и Бухоро” китоби асосида) 27

Ж.К. Мирзаахмедов

Ўзбекистоннинг йирик шаҳар марказларидаги IX-XV асрлар шишасозлиги (Бухоро, Пойкенд, Самарқанд, Тошкент, Ахсикет ва Қува материаллари асосида) 53

М.Ҳ. Исомиддинов

Дехқончилик ва чорвачилик тараққиётида Суғд табиий шароитининг аҳамияти 94

М.А. Реутова

Сармишсой қоятош тасвирий санъати ёдгорликларида ўтказилган консервация ишларининг натижалари хусусида 102

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК**К.А. Колобова, Ў.И. Исломов, К.К. Павленок, Д. Фляс, А.И. Кривошапкин, Ф.А. Мухторов**

Оҳангарон водийсидаги янги юқори палеолит даври ёдгорлиги 109

О.Н. Иневаткина

Самарқанд Суғдининг Бухоро йўлидаги қадимий транспорт шаҳобчаси хусусида 121

Томоми Мураками

Қанқа ёдгорлигидан топилган газламанинг ўрганилиши 136

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ**Б.Ф. Қурбонов**

Бухоро музейи коллекциясидаги XII-XIV асрларга оид металл чирроғлар тагдонлари 141

БИЗНИНГ ЮБИЛЯРЛАР**А.А. Грицина - 60 ёшда**

146

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Н.У. Холматов</i> О некоторых конструктивных особенностях структурных элементов в культурных горизонтах стоянки Очилгор	3
<i>С.Т. Мирсоатова</i> Физические типы людей каменного века Узбекистана	11
<i>В.Д. Рузанов</i> Миграции племен в Узбекистане в эпоху палеометалла (Часть 2)	16
<i>Ш.Т. Адылов, С.Т. Бабаев</i> Историческая гидрография Западного Согда (по археолого-топографическим данным и на основе сведений из книги Мухаммада ан-Наршахи "Тарих-и Бухоро")	27
<i>Дж.К. Мирзаахмедов</i> Ремесло стеклоделов крупнейших городских центров средневекового Узбекистана IX-XV вв. (по материалам Бухары, Пайкенда, Самарканда, Ташкента, Ахсикета и Кувы)	53
<i>М.Х. Исамиддинов</i> Природные условия Согда в развитии земледелия и скотоводства	94
<i>М.А. Реутова</i> О результатах консервационных работ на памятнике наскального искусства Сармишсай	102

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>К.А. Колобова, У.И. Исламов, К.К. Павленок, Д. Фляс, А.И. Кривошапкин, Г.А. Мухтаров</i> Новый верхнепалеолитический памятник в долине Ахангарана	109
<i>О.Н. Иневаткина</i> Древний транспортный узел Самаркандского Согда на бухарской дороге	121
<i>Томоми Мураками</i> Изучение текстиля с городища Канка	136

Трибуна молодого исследователя

<i>Б.Г. Курбанов</i> Металлические подставки светильников XII-XIV вв. в коллекции Бухарского музея	141
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

<i>А.А. Грицине - 60 лет</i>	146
-------------------------------------	-----

CONTENTS
PUBLICATION

<i>N.U. Holmatov</i> On Certain Constructive Peculiarities of Structural Elements of Cultural Horizons of Ochilgor Site	3
<i>S.T. Mirsoatova</i> Physical Types of the People of Prehistoric Period of Uzbekistan	11
<i>V.D. Ruzanov</i> Migration of Tribes in Uzbekistan in Paleometallic Epoch (Part 2)	16
<i>Sh.T. Adilov, S.T. Babaev</i> Historical Hydrograph of Western Sogdia on the Base of Data From the Book of Muhammad an-Narshahi "Tarih-i Buhoro"	27
<i>J.K. Mirzaahmedov</i> Glassware of the Main Urban Centers of Uzbekistan in IX-XV (On the base of materials from Bukhara, Paykent, Samarkand, Tashkent, Akhsiket and Kuva)	53
<i>M.H. Isamiddinov</i> Natural Conditions of Sogdia in the Development of Agriculture and Cattle- breeding	94
<i>M.A. Reutova</i> On the Results of Restoration Works on the Site of Rock Art of Sarmishsay	102

INTERNATIONAL COOPERATION

<i>K.A. Kolobova, U.I. Islamov, K.K. Pavlenok, D. Flyas, A.I. Krivoshapkin, G.A. Mu- htarov</i> A new Upper Paleolithic Site in the Valley of Ahangaran	109
<i>O.N. Inevatkina</i> The Ancient Transport Junction of Samarkand Sogdia on the Rout to Bukhara	121
<i>Tomomi Murakami</i> A Study of Textiles Unearthed in Archaeological Site of Kanka	136

TRIBUNE OF YOUNG RESEARCHER

<i>B.G. Kurbanov</i> The Metal Supporters of Lamps of XII-XIV cc. in the Collection of Bukhara Mu- seum	141
---	-----

OUR JUBILAR

A.A. Gritsina is 60 years old	146
--------------------------------------	-----

Академия наук Республики Узбекистан

№ 2 (3) - 2011

Журнал основан в сентябре 2010 г.
Выходит 3 номера в год

Учредитель: Институт археологии им Я. Гулямова
Академии наук Республики Узбекистан

Адрес редакции: 140151, Самарканд, ул. В.Абдуллаева, 3
Телефон: (366) 232-15-13; E-mail: uzarchae@mail.ru

©Институт археологии им Я. Гулямова Академии наук Республики Узбекистан, 2011

ISSN 2181-032X

Редакторы:

Ж.К. Мирзаахмедов, М.Х. Пардаев, А.А. Раимкулов

Компьютерная верстка:

Т.Х. Очилов

Компьютерный набор:

Ё. Рашидова

Журнал зарегистрирован Агентством по печати и информации
Республики Узбекистан 30 сентября 2010 г.
Регистрационный номер № 0592

Сдано в набор 14.09.2011. Подписано в печать 24.10.2011.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Times. Усл.печ.л.15.
Тираж 500 экз. Заказ 300.

Отпечатано в типографии Институте археологии АН РУз.
140151, Самарканд, ул. В. Абдуллаева, 3.
Телефон: (366) 232-12-90

ISSN 2181-032X